ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-9

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом… Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь – превратиться в откормленную свинью..

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая

Дем Михайлов
Низший 9

Глава первая

Он ждал нас внизу. И он был великолепен. И омерзителен одновременно. Тут смотря на что смотреть. Если на одежду – белоснежная рубаха с посеребренным кружевным пышным воротником, черные поблескивающие штаны, закинутые на стол начищенные до яркого блеска коричневые сапоги с частыми золотыми заклепками и большие солнцезащитные очки сдвинутые на бугристый лоб. Он великолепен как средневековый напыщенный дворцовый франт. Если глядеть на внешность… то это красный с черными вкраплениями кусок старого и недавно смоченного дерьма отрастивший себе руки и ноги, а к ним еще и заботливо расчесанную гриву черных волос ниспадающую на серебряный воротник.

Опустившись напротив, я, не скрывая интереса, внимательно оглядывал героя четвертого ранга Червеуса Магмуса. И ему это явно не понравилось, хотя, надо отдать должное – первые несколько минут он стоически терпел.

– Че пялишься, макака? – чуть скрипуче осведомился он, убирая сапоги со стола и подаваясь вперед.

– Оно еще и разговаривает – потрясенно моргнул я и уставился на усевшуюся рядом Зеленоглазку – Охренеть у вас тут технологии продвинулись…

– Оди! – рыкнула девушка – Мы же договаривались, что ты ведешь себя тихо и спокойно! И да, Червеус похож на открытый, но еще не съеденный шоколадный батончик. Умерь восхищение.

– Шоколадный батончик? – удивился я – О чем ты? Я вижу перед собой вылезший из порванной жопы кусок говна в солнцезащитных очках.

Удар Червеуса я блокировал двумя руками, одновременно ударяя ногами о пол, отчего отлетел назад вместе со стулом. Ножки проскрипели по полу и замерли, хмыкнув, я стер с губы кровь, поглядел на покрасневшую ладонь – удар Червеуса был так силен, что я сам себе врезал по лицу.

– Макака – презрительно прошипел Червеус – Ручонки целы? Жрать сможешь?

– Целы, целы – улыбнулся я, вставая и берясь за спинку стула – Но вот столовые приборы, я, макака тупая, умудрился потерять…

Моргнув, Червеус уставился стол, пытаясь понять, куда делись мои вилка с ножом.

– Твоя рука, Черв – тихо прыснула Зеленоглазка.

– Вот же дерьмо! – с чувством заявил герой четвертого ранга,

глядя на свою правую руку, откуда торчали глубоко всаженные вилка и нож – Ах ты гребанная макака…

– А че ты не кричишь и не катаешься от боли? – с огорчением поинтересовался я и помахал прижавшемуся к стене трактирщику, явно ожидающего начала геройского побоища.

– У меня пониженная чувствительность нервных окончаний – вздохнул бугристый урод, осторожно вытаскивая раны между костяшками столовый нож – Сука…

– Ты почаще оглядывайся тогда – искренне посочувствовал я.

– Так! Хватит меряться глаголами, мальчики – вздохнула Теулра, что продолжала скрывать лицо за тонкой сетчатой полумаской – Черв… мы сюда не за этим пришли.

– Не за этим – согласился тот, со стуком опуская на стол чуть погнувшуюся вилку и поворачивая голову к робко подошедшему Бугнару – Ладно… трактирщик! Подавай на стол! И побольше мяса! Жареного! С румяной корочкой чтобы! А ты… Оди… не стоит больше называть меня куском дерьма.

– Шоколадка? – предположил я, с намеком глядя на посеребренный воротник – Развернутая…

– От мужика такое слышать не желаю! Червеус! Для друзей – Черв!

– Отлегло – с облегчением выдохнул я – Червеус… Червь. Ты похож на кусок обрезанного и запеченного в духовке дождевого червя.

– Да – кивнул герой четвертого ранга, поправляя воротник – Все так. Но не на дерьма кусок!

– Любишь мясо? – сменил я тему, пододвигая к себе поставленное перед Червеусом блюдо с кусками слишком уж даже румяного и явно пережаренного мяса – И любишь хруст мясных волокон на зубах?

– Обожаю мясо – проскрипел Червеус и медленно сжал правый кулак, выдавливая из ран густую кровь – Я сука до безумия обожаю мясо… жареное мясо с восхитительной хрусткой корочкой… можно даже без приправ… просто сыпануть чутка соли… ну и для запаха немного черного перца…

– Так все в точности и приготовлено – робко вякнул трактирщик, подносящий следующее блюдо.

– Так чего не жрешь, если все как надо приготовлено? – без особого интереса спросил я, забирая у сидящей рядом Теулры вилку с ножом и перекладывая себе на тарелку кусок мяса потолще.

– А он не может – снова прыснула Зеленоглазка.

– Теулра! – взревел Червеус – Нашла над чем смеяться!

– Он ест только растительную пищу – отдышавшись,

пояснила Теулра – Другой его организм не принимает категорически.

– После изменения так?

– Ага – мотнул бугристой башкой сидящий напротив меня мускулистый червь и с отвращением всадил вилку в листья зеленого салата – После изменения. Я не жалуюсь. Обрел больше, чем потерял. Гораздо больше.

– Вижу – кивнул я, глядя на его правый кулак.

Поймав мой взгляд, Червеус с некоторым трудом растянул тонкие и почти незаметные губы в широкой усмешке, подхватил со стола салфетку и протер правую руку.

Ран не было.

Лишь едва различимые следы на чуть более светлой коже – там, где ее пару минут назад пробили нож и вилка. И столовые приборы я вбил глубоко.

– Регенерация великолепна – вздохнул Червеус, довольный произведенным эффектом и выражением нескрываемой зависти на моем лице.

– И на ней список не кончается – добавила Теулра, с сомнением теребя сетчатую полумаску и глядя на обалденно пахнущую и еще шкворчащую яичницу – Дама из высшего общества колеблется… вот сука и дерьмо… так хочется плюхнуть хлебный мякиш в этот подсоленный и поперченный желток…

– Все так и приготовлено, леди! – обрадованно вякнул трактирщик, ставя на стол запотевшие кувшины – Кушайте!

– Дерьмо – повторила Теулра, резко сдергивая с лица полумаску.

– Боишься какой-то пандемии? – чавкая, спросил я – Или булимии? На лицо ты такая уж и страшная…

Червеус зашелся в приступе смеха, едва не сметя на пол ненавистный ему салат. Теулра, одарив меня злобным взглядом, решительно расчленила яичницу и впечатала в нее духовитый ржаной мякишь.

– Высший сука этикет! – пояснила она перед тем, как забить рот вкуснятиной и блаженно зажмуриться.

– Этикет – повторил скривившийся Червеус, возвращаясь к унылому ковырянию салата и изо всех сил втягивая ноздрями воздух, напитывая себе исходящим от блюда с мяса ароматом – Странный этикет, где истинные леди всегда скрываю свои несомненно прекрасные лики за полумасками или же на худой конец вуалями… Если такую трахнешь в темном уголке ночного розария и она будет пусть голой, но в полумаске – так никто и не осудит столь милого и непосредственного поведения двух обуянных страстью… а вот если она без вуали, а ты просто

коснулся ее мизинчика…

– То она дешевая шлюха – заявила Теулра, облизывая с губ желток – Ключевое слово – дешевая.

– А вам не похер на их мнение? – спросил я, наливая себе компота.

– Никому не похер, если однажды действительно хочешь попасть в Заповедные Земли.

– Я тут что-то слышал про Аллурдос…

– Аллуордос Делурдос. Бессмертная Жертва. Не спрашивай на каком это языке – понятия не имею. Знаю только как правильно произносится и какой имеет смысл. Хотя тут есть двоякое толкование – многие считают, что правильным переводом будет «Во имя бессмертия». И что эти слова взяты из языка Высших – в свою очередь составленных из всех известных языков мира.

– Мы тут все на одном языке балакаем.

– Ага. Теперь – да – согласилась Теулра и брезгливо отодвинула от себя сложную фруктово-ягодную смесь залитую тягучим подозрительно розовым киселем – Водочки плесни чуток. Той, что с клюковкой.

– Ща – кивнул я, тянясь за графином – Где-то там в прериях бродит целое стадо миносов и фавнов называющих себя Аллурда Лурда или как-то похоже.

– Эти слова постоянно искажаются – махнул лапой Червеус и, наклонившись над блюдом, сделал жадный вдох наркомана, после чего злобно захрустел капусткой – А миносы… проблема с тем стадом все зреет и зреет… а здешние герои все ждут и ждут взмаха алой тряпки.

– Это как?

– Ты в курсе про ограничения?

– Ограничения чего?

– Кого – поправила меня Теулра и глянула на Черва – Ты ведь про героев?

– Ага. Я про сраных героев выше третьего ранга. Ты принял верное решение, Оди, когда решил чуток задержаться и не торопиться в Кронтаун. Да я бы и не дал тебе войти и пересечь черту.

– Если бы смог своему здоровью позволить столько дырок – пожал я плечами.

– Мне нравится твоя дерзость, малыш – осклабился Червеус – Очень нравится. Вижу, что хотя бы процентов пять из россказней о тебе не просто пустая болтовня. Не пойми неправильно – я не из тех, кто создает сложности стремящимся хоть к чему-то новикам. Я сам пришел сюда в рваных штанах и серой от грязи майке, таща на плече единственную ценную вещь – Киллраду. Я пришел сюда

один. И встретил на своем пути немало ублюдков, что сделали все, чтобы я либо ушел, теряя в статусе, либо сдох. Но я выжил. Я преуспел.

– И убил всех своих прежних недоброжелателей, не забыв даже про самых мелких – хмыкнула девушка.

– Убил – подтвердил Червеус – К чему придерживаться такой дешевки как переоцененное всепрощение? В жопу прощение! Месть! Воткнул старому обидчику ржавый кол в печень – и сразу полегчало… Поэтому я убивал их медленно и только когда был в очень плохом настроении. Смекаешь? Это как конфетки мятные – сладкие и холодящие. Выдавил из хрипящего ублюдка душонку – и сразу полегчало, настроение пошло вверх… Остальные перепуганные конфетки пока можно не трогать, пусть себе ждут своего часа. И знаешь… я заметил, что мне перестали портить настроение… Наоборот! Все прямо-таки старались, чтобы я всегда был в приподнятом воодушевляющем настрое…

– Может еще покажешь мне мемуары о своих поседелых яйцах? Что там насчет алой тряпки и черты?

– Я предупреждала о его характере – фыркнула Зеленоглазка, в широкой усмешке показывая милые ямочки на щеках и крохотные сверкающие камни на нескольких зубах.

– Долбанная черта… граница невозврата… – проворчал разумный червь в дорогой рубашке – Она на дороге. Одну из похожих вы должны были видеть на границе зоны Кронтауна.

– Которая про ответственность?

– Она самая. Вторая черта находится на дороге где-то посреди Хэло. Если за нее зайдет кто-то обладающий статусом героя не ниже второго… Мать перестанет выдавать ему задания за пределами зоны Кронтауна. А здешняя зона хоть и очень велика, но все одно… это ограничение. Жесткое ограничение. Можно, конечно, потерять в статусе, спустившись в ранге до единицы… но тогда тебя в наказание выпнут за пределы зоны и назад ты не вернешься пока не поднимаешься до второго ранга и пока не пройдет шесть месяцев. Такова вира за отказ от задания или его провал.

– Никто из героев Кронтауна не получает задания вне зоны Кронтауна?

– Ты понял правильно.

– А если я выполнил сегодняшнее задание? Мне ведь можно прогуляться куда хочу?

– Конечно. Но два раза в сутки Мать проверяет твое местонахождение и статус выданных заданий. Если даже ты и твой сквад выполнили ее поручение, но в момент выдачи следующего находитесь не в зоне Кронтауна…

– Наказывать не за что – заметил я – Предыдущие задание выполнено. А вы ведь не рабы системы.

– Рабы системы… как круто сказано… Мы герои системы – а это хуже. Мать всему ведет учет. Ты в курсе этого?

– Ага.

– Здесь примерно такая же система. Каждое выполненное задание идет крохотным плюсом и помогает расти в ранге. Вот ты второго ранга.

– Верно.

– Чтобы стать героем третьего ранга, тебе предстоит выполнить не меньше сотни заданий. Подряд! Без провалов!

– Как рутинно…

– Аж до хруста зубовного – согласился Червеус – Аж до бешенства. Но какой другой вариант? Да никакого. Разве что подвиг совершить. Суть ты уловил?

– Уловил. Сотня выполненных подряд рядовых заданий от системы позволит подняться в ранге на единицу.

– Верно. Героев тут полным-полно, поэтому очень редко дают больше одного задания в день.

– Сто дней на повышения ранга на единицу? – я болезненно поморщился – Дерьмово звучит…

– Оптимист! – фыркнула Теулра – Гоблин! Хрен там! Кто бы тебе дал – грязножопому новичку – ломануть победную серию из ста заданий! Помешают суки!

– Сделают все, чтобы помешать – согласился Червеус.

– Это как?

– Ну, предположим, дадут тебе и твоему скваду задание убить зашедшую в зону Кронтауна группу призмов или зверолюдов – с негативными преступными статусами. Ты весело отправляешься на их перехват, а когда прибываешь усталый – видишь довольно улыбающуюся Теулру, что уже успела грохнуть ушлепков и радостно вертит жопой в предвкушении того, как ты начнешь хныкать и убиваться… Смекаешь?

– Система засчитает задание проваленным?

– Нет. Иначе было бы понижение статуса и изгнание. Мать посчитает задание невыполненным по… скажем… почти уважительной причине. Так что штрафа жесткого не будет, но успешную череду заданий это прервет. И начинай все снова. А теперь представь, что ты уже выполнил девяносто девять заданий и это сотое должно было дать следующий геройский ранг…

– Хм…

– Поэтому есть негласное правило не валить встречных тварей без реально веской причины – эти твари могут быть уже поручены Матерью кому-то другому. Сам того не желая

навредишь кому-то и заработаешь его лютую перманентную ненависть, а с ней и кровавую месть. Себе дороже срать на чужие одуванчики. Эта поговорка не врет.

– Странные у вас тут поговорки. Но душевные.

– Здесь – в Кронтауне – всем правят интриги. Тут сложные политические игрища, гоблин. Тут хрен получится пройти к цели кровавым буром – увязнешь в липком дерьме и захлебнешься.

– Ты долго меня пугать будешь своей мерзкой улыбкой?

– Мы в этом бульоне давно варимся – Червеус не обратил на мои слова ни малейшего внимания и с сожалением отодвинул от себя переставшее издавать такой сильный аромат остывшее мясо – Мы тут каждую важную жопу знаем не только на запах, но и на вкус. Мы с Теулрой давно работаем в тандеме. Пусть она одиночка, а я во главе сквада, нам все равно неплохо работается вместе.

– Иногда – произнесла Зеленоглазка.

– Иногда – согласился Червеус.

– И не во всем.

– Не во всем.

– И прямо вот никак не могут герои Кронтауна покидать его зону надолго? – с интересом спросил я, снова в упор пялясь на Теулру.

– Почему же? – мило улыбнулась она – Отпуск никто не отменял. Раз в полгода героям от третьего ранга дается три свободных дня. Героям четвертого ранга – неделя.

– А героям пятого ранга?

– Шутишь? Их постоянные труды заканчиваются. Героев такого уровня Мать на абы какое задание не пошлет, и они почти все время проводят в тренировках и ожидании Алого Сигнала.

– У меня голова болеть начинает – сообщил я – Опять.

– Преодолей боль и продолжай запоминать – посоветовала Зеленоглазка.

– Причем здесь я? Причем здесь черта на дороге в Хэло? И что вам от меня надо, герои четвертого ранга?

– Да погоди ты! – прочавкала Теулра, ведя себя как положено вечно голодному герою и впихивая в себя как можно больше калорий без малейшего стеснения и без попыток никчемной ложной скромности – Мы тебя еще не до конца запугали.

– Чем? Мордой Червеуса?

– А хотя бы! – осклабился тот, показав в усмешке малоподходящие травоядному существу зубы – Бойся морды моей, гоблин! Кстати… что там про тунцов траханых? Ходит молва, ходит, ежатся испуганно все призмы-амфибия, жопы не то что в океан, а даже в ванну окунать боятся. Вдруг трахнут… да

еще и везти потом кого-то через моря и океаны… М?

– Мы других путей не знаем – усмехнулся я в ответ и демонстративно покосился на Зеленоглазку – Но надеемся узнать.

С огромным трудом проглотив кусок мяса, Зеленоглазка сипло выдохнула:

– Может быть. Трактирщик! К черту компот! Вина! Красного! Такого чтобы от терпкости аж сводило все!

– Есть такое! Сведет не только губы! – расцвел в улыбке забытый Бугнар и тут же осекся, напоровшись на холодный взгляд Теулры – К-хм… сейчас принесу, леди…

– Чем пугать собираетесь? – повторил я вопрос.

– А все тем же, гоблин – без нас тебя тут быстро сожрут. Погоди! Да, знаю, чем ты сейчас паришь – самым очевидным и пафосным вроде любимого агрессивным быдлом ответа типа «пусть попробуют» или «подавятся», «войду в рот – выйду с мечом через жопу» ну или верх из всего мной слушанного «высрут – и воспряну». Хер там! Они попробуют! И не подавятся – сожрут! И не воспрянешь! Нет! А они обязательно сделают все, чтобы угробить тебя и всех кто за тобой хромает! По очень простой причине – чем больше героев четвертого ранга, тем меньше шанс получить реально крутое задание. Чем меньше крутых заданий выполняешь – тем меньше и без того мизерных шансов перейти на высший пятый ранг. А без пятого ранга Аллуордос Делурдос не получить! Стало быть – бессмертным не стать, к Заповедным Землям и к самим Высшим – не приблизиться! Ну и для чего они тут годами корячились? А к тебе, гоблин – Червеус подался вперед, наваливаясь на стол и пятная рубаху салатом – К тебе, гоблин у них особые счеты.

– Да я тут и дня еще не пробыл.

– Именно. Если остальных новичков зоны Кронтауна никто не замечает первые месяцы, а порой даже годы, то ты… ты же у нас сраная восходящая звезда. На полмира уже знаменит! Гоблин Оди! Трахнул тунцов – и приплыл! Трахнул Зомбилэнд – и получил считай уникальную награду «Синий свет»! За двое суток – два геройских ранга! И вот ты в Кронтауне – не запылился, не задержался… и что теперь? Трахнешь здешнюю королеву красоты и на ее холеной пояснице поскачешь в Земли Завета? И нет, не смотри на Теулру выпятив челюсть – она у нас дурнушка по здешним-то меркам.

– Че ты вякнул, дерьма кусок? Салата переел и тебе в голову дало? – в столешницу вонзился нож.

Я не обратил на это внимания, задумчиво пиля пережаренный кусок мяса. Поставив на стол вино, трактирщик робко осведомился:

– Не обуглить ли еще свининки? Для запашку…

– Обугли! – отреагировал Червеус.

– Хватит мясо поганить – глянул я на него.

– Вот именно! – поддержала меня Теулра – Брюквоед! Репосос! Чтоб тебе однажды пришлось клубничку рассосать!

– Эй! Такого даже врагам желать нельзя!

– Получишь отпуск геройский – и жри! Впадай опять в кому!

– Да уж жду не дождусь – вдруг разом сдулся и посмурнел Червеус, брезгливо отодвигая от себя салат и с тоской глядя на жареное мясо – Да уж сука жду не дождусь. Задолбался я жевать листья, сосать корешки и робко глотать по одной фасолинке.

– А во время отпуска? – с искренним удивлением спросил я – Организм типа перестраивается?

– Хрен там у меня что перестраивается. Но жру! Килограммами!

– В первый день отпуска он закидывается убойной дозой каких-то ферментов, получает пару уколов, а затем сжирает несколько кило жирнющего мяса и впадает в летаргический сон – пояснила Теулра – А мне его сука охранять… другим он не доверяет. И, само собой, в кому он впадает, успев снять с себя все и рухнув в ванну с проточной теплой водой. Вот там он и лежит дня два, гадя под себя жидким и пенным. Да еще и лапает себя, где не попадя, поглаживает с блаженной улыбкой и подергивает… короче – мрак! Придя в себя, снова жрет – уже поменьше, но килограмма три котлет куриных всасывает. И снова отруб – опять дня на два. Потом, видно на закуску, полкило чего-нить мясного и постного – тялятинка там… и легкая кома на сутки. Вот и кончился отпуск…

– Райская неделя – горько вздохнул Червеус – А какие сны мне видятся…

– Да знаю я твои сны… любитель собственного тела.

– Поговорим о твоей скромной мастурбации? Или вернемся к теме моего испуга? Хотя суть я уловил… От вас мне прикрытие и пояснения на первое время. А от меня за это требуется какая-то помощь в одном деле…

– Точно!

– И вы, как я понял, думаете, что я здесь задержусь надолго. И потому так высоко оценили свои услуги.

– В смысле?

– Торчать здесь сто дней? – развел я руками – На кой хер?

– Это минимум! И то – если все пройдет радужно! А такого не бывает. Но в целом… месяца за четыре с нашей помощью ты…

– Неинтересно – покачал я головой.

– Обалдел, Оди? – уставилась на меня Зеленоглазка.

– Мне это неинтересно – повторил я – Я не собираюсь торчать в Кронтауне и его окрестностях несколько месяцев. Мне нужно туда – приподняв нож, я ткнул им в окно, за которым виднелась противоположная «модная» сторона огромной чаши – Мне нужно в Земли Завета. Желательно – завтра.

– Ты конченный псих! – убежденно заявил Червеус – Теулра! Мы теряем время с этим наивным островным недоумком! Без обид, Оди. Ты псих, а такие мне нравятся. Но хоть немного надо же осознавать гребаную реальность!

– Ты торопишься, Оди – добавила Теулра.

– Но – продолжил я, выдержав небольшую паузу – Мне все равно интересно услышать про ту хрень, что вы хотели попросить меня разгрести. И если меня это реально заинтересует… это далеко?

– В зоне Кронтауна.

– Убивать надо?

– Ну без этого никак…

– Уже неплохо звучит. Что за задания выдает система новичкам вроде нас?

– Ты не перешел черту в Хэло. Задания будут рутинными – патруль, патруль, патруль и снова патруль дорог. Многие, кстати, из тех, кто хочет жить в подобных местах, намеренно «зависают» в зоне Кронтауна, но не переходят вторую черту. На жизнь хватает.

– Но в учет статистики для повышения ранга…

– Само собой не идет. Мать строга.

– Система изуродована – не согласился я – Но речь о другом. Одно задание в день на сквад, верно?

– Как всегда. Бывают и дополнительные, причем необязательные.

– Уже хорошо.

– Но у вас в запасе трое полных суток с момента входа в зону Кронтауна. Как бы акклиматизация…

– Ага… тогда рассказывайте. Только факты. Вываливайте вообще все что вам известно и что от меня хотите. Если меня это заинтересует или я посчитаю это полезным для себя или сквада и соглашусь – то уже что-нибудь да потребую. А если выполню – будете мне должны. Сильно должны.

– Даже я? – Теулра мягко навалилась на мое плечо грудью.

– Даже ты – кивнул я, вонзая вилку в очередной кусок мяса – И должок я востребую. Можешь не сомневаться.

– А глаза такие недобрые – с восхищением произнес Червеус и, потеребив себя за подбородок, резко кивнул – А хрен с ним! Оно того стоит! Но чур на жопу мою не покушаться, гоблин! Ну

ты понял – в меру, все в меру… Я же не Теулра, чтобы повизгивать на всю таверну…

– Ах ты сука! Дерьма кусок!

– Уродина!

– К делу – прервал я их дружеские комплименты – И закажите еще компота…

Глава вторая

– Гребаная кобыла! – взмахнув ручищами, взревевший орк слетел с блестящей лошадиной спины и рухнул на траву. Извернувшись, умудрился приземлиться достаточно мягко, вскинул башку и… поперхнувшись, рявкнул – Не кобыла! Его-то нахрена выковали?! Да еще такой здоровенный!

– А чтобы было! – заметила Джоранн, поглаживая гнедого – и живого – жеребца по шее – Не завидуй!

В седле рыжая держалась абсолютно свободно – будто в нем и рождена была. Нагибаясь, срывал цветы с высоких трав, дотягивалась горлышком фляжки до сбегающих с камней кристально чистых ручьев.

Я… я ощущал себя более чем комфортно, покачиваясь в удобном кожаном седле, закрепленном на стальном крупе копытного робота. Поэтому и предпочел именно робота – и орку такого же посоветовал. Спокойней, все предсказуемо и ровно. Все лучше, чем сидеть на спине впечатлительного животного. Но вот что-то у Рэка не ладилось с его стальным жеребцом. Орк падал второй раз.

– Лучше бы не под брюхо эту хреновину стальную пихали, а на холку налепили! Чтобы прямо под руку! – продолжал кипятиться Рэк, поднимаясь и спеша за флегматично ступающим стальным скакуном, легко двигающимся по достаточно крутому склону.

– Хрен на холку? Под руку? – изумилась ушастая сероволосая девка, округлив в непонимании пухлые губки – Для какой военный цели, сержант Рэк? К тому же он железный… не чувствует…

– Дура! Не как хрен! А как рукоять! Держаться чтобы! Держаться!

– А-а-а-а… я так и подумала…

– Держаться за лошадиный хрен? – невинно распахнула глаза Джоранн – Какой ты фантазийный…

– Пошла нахер! Командир! Можно я своим ходом?

– Поднимай жопу на коня и сиди гордо – не оборачиваясь, велел я – Отряд! Держаться подальше от края. Лучше быть укушенным, чем рухнуть с обрыва и расплескать башку о камень.

Мы двигались вдоль глубокого ущелья по узкой петляющей тропе. Красота вокруг необыкновенная. Ручьи, травы, цветы, скалистые стены увиты диким виноградом, змеи так и кишат. Они тут на каждом шагу. Как и мыши, которых то и дело выплевывают из щелей сами скалы – причем явно принудительно. Мыши

вылетают вместе с водным потоком и, жалобно попискивая, поспешно расползаются кто куда, чтобы рано или поздно погибнуть в этом месте с переизбытком ползучих гадин.

Десять всадников. Три живых коня средней жизненной потрепанности и семь потертых стальных. Все десять послушны и спокойны – разве что неживой жеребец Рэка никак не мог подружиться со своим всадником, вяло проявляя остатки былой мощи и странные выверты программного кода. Но такому плохому всаднику как орку и этого хватало, чтобы вылететь из седла. Но смеяться над ним не рисковал никто кроме ехидной Джоранн, чей жеребец тащил за собой зевающий хитиновый кокон с начавшим вылупляться Хваном.

– Я ужа раздавил, командир – заметил гулко Хван – Это норм? Природа не в обиде?

– Норм – за меня ответил Рэк – Это даже херня. А вот то, что раздавленную змею что-то из твоей задницы подхватило и внутрь затащило с утробным тихим рыком… вот это меня чуток напрягло. И природу тоже…

– Да ладно?! Шутишь?!

– Не шутит – покачал я головой, задумчиво глядя на треснутый кокон.

– Милый… поглощай белки спокойно – промурлыкала Джоранн – Любой частью своего могучего крепкого тела.

Серпентарное Рваноземье.

Красиво назвали. Метко. Теперь бы не сдохнуть в этом захолустье, что в пятнадцати километрах от облюбованного нами трактира Веселая Халупа. А сдохнуть тут прямо легко. Но не от ядовитых укусов, на этот случай в избытке имелись антидоты как для нас, так и для живых лошадок. Нет. Тут можно легко сдохнуть, сорвавшись в ущелье или получив по башке валуном с нависающего над нами бока покрытой зеленью горы.

Но я не жаловался – сам ведь согласился принять участие в этой попахивающей безумием авантюре.

Мы неспешно направлялись в земли обетованные.

Мы двигались прямиком в рай.

В те самые райские кущи или как-то еще называют места, где можно вкусить все из вкушаемого и тебе не только за это ничего не будет, но еще и улыбнутся ласково, а может и поощрительно, с таким нежным и незамысловатым посылом в глазах: «Давай, гаденыш, продолжай срать, продолжай…». А потом бац – и ты вылетаешь кубарем за золотые ворота с огрызком не слишком то и сладкого фрукта в зубах.

Опять лезет в усталую голову разный бред. Даже не бред, а обрывки бреда. Обрывки чего-то смешанного, частью

вспомненного благодаря наркоте, частью додуманного, частью придуманного. Но именно такие у меня ассоциации не со словом «рай», а с неким теоретическим местом, обозначенным кем-то как «рай».

А именно так наш пункт назначения и был обозначен на старой рукописной карте расстеленной поверх седла. Место, куда мы направлялись, называлось «Рай Обетованный». Охренеть просто…

Сначала, когда Теулра, то и дело прижимаясь ко мне прикрытой лишь тонкой ткань грудью, то и дело испуская насмешливые хрипловатые смешки, вливала в себя самогон и компот – так и знал, что геройская знать ворует рецепты бухла у быдловатых гоблинов. Добавил вишенку – и вот тебе аристократический коктейль, а не быдло-пойло… Да… Когда прижимающаяся Теулра Зеленоглазка вдруг упомянула пункт назначения как Рай, я рассмеялся. К тому времени к столу подсело несколько моих ветеранов плюс тигры, так что засмеялся не только один. Но, ничуть не смутившись, Теулра просто достала карту – я так и не понял откуда – и расстелила между тарелками, придавив края стаканами. И да – на карте нашлось название Рай Обетованный, выглядящий как большая зеленая чернильная клякса упавшая на серо-черную доску.

Скалы, скалы, бесплодные земли, снова скалы, беспорядочные нагромождения ущелий, горы, дюн и вообще всего, что может у природы выглядеть мрачным, неприветливым и не способным прокормить даже парочку тощих гоблинов. И прямо посреди этого «великолепия» расположена зеленая клякса Рая. Убедившись, что мы поверили, Теулра начала рассказывать, а Червеус ей помогал, хотя то и дело плотоядно косился на перевязанную Тиграллу, бесстрашно игнорируя зло порыкивающего Тигра.

Все как в древней потрепанной книге – в Рай попасть очень нелегко, а некоторым туда путь и вовсе заказан. Когда Теулра в самом начале рассказа заикнулась про некую небесную божью силу, я поморщился и велел выдавать исключительно факты и ничего кроме. Никаких небылиц.

Подумав, Зеленоглазка пожала плечами и, машинально свивая и развивая вилку, что мялась в ее руках как пластилин, заговорила фактами.

Рай Обетованный – официальное название особых территорий выданных системой в полное владение на веки вечные или же до тех пор пока стоит и живет этой мир. Кому выдано? Некой общине. Фанатично религиозной многочисленной общине, что не признает технологий после определенного уровня.

Конная повозка или ручная тележка – это хорошо. Небесные силы не гневаются. Самоходная повозка будь она на бензиновом двигателе или электрическом – грех! Конная косилка или плуг – отлично! Моторное устройство для вспашки поля… разбить и сжечь эту дрянь немедля!

Само собой, солиднейший кусок земли был выдан не бесплатно. Это вам не крохотный островок сыроедам подарить или иному немногочисленному музейному этносу.

Земли были проданы. За невероятную сумму, если верить обрывкам информации, что просочилась уже довольно давно из Земель Завета. Община согласилась заплатить затребованную сумму беспрекословно, но при этом потребовала для себя особых условий. Когда был получен отказ, община, мило улыбаясь, предложила сумму втрое больше. Снова отказ. В пять раз больше. И на этот раз ответ был утвердителен.

За уплаченную дикую сумму община получала в свое полное пользование огромный кусок земли, а также ей гарантировалось полное отсутствие какого-то бы ни было внешнего контроля.

Никаких летающих дронов.

Никаких полусфер наблюдения.

В жопу торговые автоматы!

В сраку стальных лошадей! Хотя тут не очень у них вышло…

Никаких самодвижущихся повозок, электрических проводов, бесовских средств связи, новейших химических препаратов, книжек больше, чем с одной черно-белой картинкой и секса ради удовольствия. На костер всех иначе думающих ублюдков!

Список требований был столь велик, что полностью его не знает никто.

Но суть проста – это закрытая территория, что отделена от всех других земель кольцом необжитой местности. Зверье и змеи живут. А разумные – нет.

Вся эта территория – Рай – окружена стальным частоколом, снабженным прекрасно вооруженными полусферами наблюдения. Вокруг кольца – снаружи его, само собой – патрулируют летающие дроны.

Посетители не приветствуются категорически. Если попытаешься пройти – система тебя остановит. Обязательно остановит.

Община, известная как Аммнушиты, очень миролюбива и при этом до безумия жестка. Своих воспитывает ежовыми стальными рукавицами сбрызнутыми серной кислотой, а пришлых там не бывает.

Посетить Рай Обетованный можно лишь два раза в год. Это право было выторговано системой – или Высшими – в

незапамятные времена и мотивировано это было как редкий, но вынужденно необходимый контроль, ведь кто знает, чем там в изоляции занимается большая группа глубоко верующих людей. Вдруг им вчера в головы пришла светлая мысль, что все остальные жители сего мира – дерьмо гребаное? И начали они дружно отжиматься и делать выпады двузубыми вилами, намереваясь вскоре пойти войной на весь прочий мир… Опять же возможна эпидемия – вдруг распространится? Изначально пытались сделать визиты чаще, но аммнушиты воспротивились. Итого – два раз в год по их землям может проехать группа из семи конных всадников. Никакой колесной техники. Даже обычных конных повозок нельзя. Потому что чужое и бесовское, нехер землю благословенную своими грязными колесами чертить. Копыта еще ладно – за частоколом бежит широкий и неглубокий закольцованный Серебряный ручей, чьи воды очистят приезжих грешников. Да. Купаться надо. И себя и лошадей отдраить хорошенько, после чего можно двигаться дальше. Почему нельзя и повозки к примеру вымыть? А кто его знает – кротко улыбающиеся аммнушиты не планировали просвещать недоумков. С ними никто особо не спорил – сумма ими уплаченная действительно была запредельно дикой, счет вроде как шел на миллиарды, а еще они передали вообще все из имеющегося, оставив только свои священные реликвии. И ведь, по сути, взамен они ничего не потребовали – ни постоянной медицинской помощи, ни защиты, ни еды. Просили лишь обеспечить их плодородными землями и лесом. Что и получили.

Кто бы отказался от столь щедрого предложения?

Я тебе – все! А ты – просто не лезь.

И вот не лезли.

Одна проблема – вот уже как год ни одна из групп, посланных на регулярный контроль, оттуда не вернулась.

Тут и всплыли мы – гоблины из жопы мира и приставшее к ним по пути всякое зубастое, когтистое и безумное.

Дело в том, что к аммнушитам не могут зайти те, кто их понятиям грешники почернелые. Таковыми они считают всех, кто поднялся в статусе героя выше второго ранга. Почему? Потому что герои убивают. Мочат всех налево-направо. Цветочки собирая и коалам жопы нежно массируя героем не стать. Чтобы подняться в статусе от доброса ты должен убивать, убивать и снова убивать. По им лишь понятным причинам аммнушиты считали, что те, кто ни разу не поднимался выше второго ранга еще не настолько прокляты и пропитаны грехом, чтобы одним лишь своим присутствием отравить их обетованные светлые земли. Откуда им знать биографию героев? Ответ прост – система знает.

Аммнушитам и проверять ничего не надо, они знают, что система не пропустит к ним «диаволов» в зверином аль человечьем обличье.

Кто собирает досмотровую группу из пяти всадников?

Эта задача не считает ключевой. Но все же считается важной. Поэтому ее решение доверяют лишь героям четвертого ранга и не ниже.

Уже два героя четвертого ранга получали за последний год задание от системы составить досмотровую группу, что на двое суток «нырнет» в Рай, а затем вернется с докладом. Оба героя облажались и отхватили по полной, разом надолго лишившись шанса на восхождение до высшего ранга.

Следующим, кого система назначила ответственным – причем через месяц после последнего фиаско – оказался Червеус Магмус. И вот, когда он пригорюнившись, жевал мелкорубленную травку, зло поглядывая по сторонам, ведь ясно, что такую дерьмовую подставу именно ему подбросили не просто так, какая-то ведь гнида посоветовала именно Черва… к нему вдруг подсела зеленоглазая спасительница. И сказала она ему – не печалься, ушлепок, есть еще шанс спасти твой сраный ранг и ради этого счастья быть может даже не придется делать ничего слишком влажного и пахучего. Червеус воспрял и слушал дальше очень внимательно…

Так в этой истории оказался вылезший из жопы мира и пересекший океан на траханых тунцах гоблин Оди, успел уже устроить нехилый такой переполох в Зомбилэнде и зажег легендарный синий ночник.

Моя биография и проверенные потом факты так впечатлили Червеуса, что он решил попытать счастья с таким отморозком как я. А вдруг?

Условия задания просты.

Сопровождение возможно только до охранного кольца – до границы земель аммнушитов.

Внутрь могут зайти только семеро со статусом героев не выше второго.

Система должна доверять этим славным героям или хотя бы их лидеру – были случаи, когда назначенные системой ответственные личности выбирали членов будущего отряда, а система отвергала их кандидатов без каких-либо объяснений.

Через двое суток максимум – сорок восемь часов, отсчет с момента входа – герои должны вернуться обратно.

В пути они должны коснуться нескольких «контрольных» камней-сенсоров, что не позволяют системе наблюдать за землями, но при этом дадут ей понять, что вошедший отряд

действительно что-то делает, а не просто загорает за соседними елками. Аммнушиты считают это неким ритуалом для чужаков и те камни давно уже вроде как окружены постройками защищающими от скверны, рядом курятся благовония. Ага. Прикрыли зловонный туалет дверью и пшикнули цветочным спреем.

Никаких греховных сношений. Да. Вот так. Никакого траха между героями. Ни-ни. Нельзя. Грех великий.

Само собой, выказывание полного уважения драгоценным традициям аммнушитов. Среди них – а мне перечислили десяток пунктов минимум – значится запрет даже на частичное обнажение «женских прелестей», а мужчины должны выглядеть как мужчины. Последнее требование меня немного озадачило, но я решил не заморачиваться.

Оружие. Да, понятно, что опасностей много, но при этом пусть оружие будет не слишком греховным. Потому – только переломные дробовики, револьверы и однозарядные винтовки. Никакого автоматического оружия. Никаких игстрелов категорически. Никаких хреновин бесовских гребаных вроде прилипших под левой сиськой аптечек. Вообще ничего электронного и автоматического. Единственная поблажка, которую смогла выбить система – стальные скакуны. Своих аммнушиты давать грязным гостям не собирались, а живые лошади пусть и имеются, но все же не всегда и все такое… короче – можно, если очень осторожно. Но оставлять их за околицей населенных пунктов и все такое. И придать этим тварям по возможности живой вид. Может потому хрен стальной и приклепали роботу?

Если через двое суток семеро контролеров, причем в полном составе, не вышли оттуда с докладом, того, кто послал их туда, ждет жесткий штраф – падение в статусе сразу на два ранга. Состав вышедшего отряда может быть и не совсем уж живым – если вдруг кто умер или погиб, достаточно вынести его тело или же жизненно важную часть подохшего организма. Короче – если выйду я один, таща за собой гирлянду голов соратников, система примет это за успех.

Вот так…

Смелая семерка.

Дотошная семерка.

Великолепная семерка контролеров.

Выслушав до этого момента, я согласился.

Сам толком не знаю почему. Но согласился, почувствовав, что это действительно что-то интересное. Едва я дал и подтвердил свое согласие, Червеус спросил у меня список имен тех, кто

пойдет со мной. Я дал. И похожий не дерьма засохшего кусок герой тут же отправил их системе, представив как свой доверенный отряд контролеров. Ответ пришел мгновенно – принято. Быть у границы не позднее чем через шесть часов. Вот я и отдохнул…

Прежде чем слушать дальше, я потребовал аванс, что включал в себя бесплатное проживание всего моего отряда в Веселой …Пе на следующую неделю полностью, включая пропитание, стирку и прочее. Так же я потребовал запас определенных боеприпасов и оружейных запчастей. Ну и пакетик любимых горьких леденцов тоже потребовать не забыл – мои запасы подходят к концу.

Когда я получил обещание, что все будет доставлено в течение часа, продолжил слушать сказки уродливого червя, боящегося потерять так много из-за чьей-то подляны.

А послушать было что.

Система проявляет к аммнушитам огромное уважение по довольно странной причине – она не считает их одними из тех, кто способствовал гибели старого мира. Грубо говоря – их кармическое сальдо положительно. Что такое сальдо? Червеус пожал плечами – а хрен его знает, просто словечко нравится. Но, как бы то ни было, сказать можно по-разному, хотя суть останется прежней – аммнушиты, что, как и все прочие гоблины, обосновались в этом новом мире лишь с целью выжить – мало того, что до этого жили почти идеально по меркам Высших и системы, так еще и щедро заплатили за свое пребывание здесь.

Это как бы если в сдаваемые апартаменты въезжал мало того, что богатый, но еще и с безупречнейшей «зеленой» репутацией жилец, да еще и платящий на века вперед.

Поэтому у аммнушитов есть право не только жить, но и как-то влиять на будущее этого мира.

Это как?

А хрен его знает, снова улыбнулся Червеус. Просто система выдаст небольшой плоский стальной контейнер с какими-то бумажками. Открыть этот контейнер может очень ограниченный круг аммнушитов. Их называют элдерами. По возможности каждый из элдеров должен открыть контейнер, прочесть содержимое и черкануть галочку в пункте, который он считает наиболее верным. Если невозможно доставить контейнер всем – тогда хотя бы одному. Это минимум. Задание в задание. И чем больше элдеров выскажет свое мнение, тем больше бонусов выдаст щедрая система, что очень любит, когда все происходит по максимуму идеально.

Что в контейнере?

Бумажки. С картинками, графиками и текстом.

В чем суть?

Неизвестно. Аммнушиты не разглашают, бумаги просматривают в отдалении, решение принимают быстро. Что удалось углядеть под косым углом – то угляделось и слухами распространилось среди геройского сословия.

Но в чем может быть решение касательного будущего мира?

Да хрен его знает! Может там просто какой-нибудь сраный опрос вроде «а не заменить ли нам умирающие дубовые посадки тисовыми или все же опять посадим дуб? Аль все же замахнемся на крамольное и везде натыкаем камфору?».

Ладно…

Ладно… тут как раз подоспела служба доставки, принесшая подарки.

Кивнув, я разложил перед собой весь вытребованный для себя лично «аванс» и принялся разбирать револьвер. Мои бойцы, увидев затеянное командиром, шустро сбегали за личными пушками и занялись тем же самым. С нескрываемым одобрением поглазев на наши действия, Червеус открыл пасть и начал было цедить скупую похвалу, но наткнулся на мой насмешливый взгляд, обиженно заткнулся, горько поглазел в окно и неожиданно признался – если мы не облажаемся, то это немало что изменит в политической картине Кронтауна. Он сможет продвинуться чуть выше, ухватиться за пару важных рычагов, сдвинуть несколько пыльных шестеренок, заткнуть десяток ядовитых ртов и может даже выколоть пяток наглых глаз. Многие получат многое. Многие потеряют очень многое. Потеряют так много, что снова захотят ощутить на себе дар амноса.

Стоп.

Дар амноса?

Верно. Дар амноса.

А чуток подробней можно, червь?

А вилку в горло тебе не воткнуть, обезьяна? К-хм… Картина это!

Тут уже в дело вступила порозовевшая от выпитого и съеденного Теулра, что явно пребывала в самом наилучшем расположении духа и то и дело напоминала Червеусу, что теперь они уже не просто друзья. Теперь он перед ней в большом долгу. На что тот отвечал, что задание даже не начато, так что рано мурлыкать, кошка драная. Зеленоглазка, прекратив фыркать на героя, пояснила.

В Хэло, пригороде Кронтауна, в одном из самых темных, узких переулков, есть большая картина, что нарисована прямо на кирпичной стене. Нарисована мастерски. Нарисована так, что без

эмоций на нее смотреть не получится. Не сохранишь бесстрастность как бы не старался.

Что изображено?

Люди. Люди с раздутыми прыщами вместо голов. С прыщами украшенными лицами. На тонких перенапряженных шеях качаются огромные мерзкие красные пузыри с белыми навершиями из гноя, с гнойными же потеками через искаженные болью и страданиями лица… Держась за эти прыщи руками, поддерживая неимоверную тяжесть кожаных резервуаров полных гноя и грязи, люди появляются из красноватого страшного сумрака, ступают на тонкую тропу и по ней, по становящейся все светлее и прямей дорожке, шагают к золотистому светящемуся облаку впереди. Внутри облака с трудом различимы тонкие нежные руки, что тянутся к приближающимся бедолагам с гнойниками вместо голов. Несчастные, торопясь, толкая, пиная, переступая через себе подобных, пробиваются к золотистому облаку. Каждый пробивается по-своему – кто-то с криком указывает на украшенные жирными звездами погоны, кто-то тычет кому-то под нос золотую визитку, кто-то сквозь боль льстиво улыбается, одновременно ставя подножку. Очень многие смотрят не вперед, а назад – вглядываясь с тревогой, испугом и сожалением в густой багровый сумрак, который как будто рвется вперед, стремясь поглотить не только тропу и людей-прыщей, но и само золотистое свечение… Так или иначе, все несчастные шагают по тропе и входят в светящееся золотом облако…

Это первая – левая – половина картины.

А правая… из золотисто-белого марева выходят счастливые люди с гротескно суженными и слишком маленькими головами. Никакого гноя, никакой болезненной красноты раздутых прыщей. Обычные аккуратно причесанные головы с абсолютно счастливыми и одновременно спокойными лицами. Уже никто не толкается, не бежит, не орет, все идут спокойно, поддерживая друг друга под руки и улыбаясь. Что сразу бросается в глаза – никто из них не оглядывается. Никто. Все они смотрят только вперед – где в сером спокойном сумраке виден ослепительно белый арочный проем с падающим внутрь солнечным лучом…

Под картиной надпись «Великий дар амноса».

Вот в принципе и все. Из мелких деталей – у всех шагающих к золотистому облаку детей стерты лица. А на тропе, что уже ведет из облака прочь, детей нет вовсе.

Картина эта охраняется круглосуточно. Более того – она прикрыта огромным прозрачным листом крепчайшего пластика, снабжена стальным козырьком с подсветкой. Минимум трое крепких героев постоянно дежурят у картины, неся

ответственность за ее сохранность. Были попытки некоторых придурков уничтожить полотно неизвестного художника. Такие вот новости из мира искусства. И вот что такое дар амноса.

Ясно…

Так что там еще про общину аммнушитов?

Да в принципе больше ничего.

Отправляйтесь гоблины в страну обетованную, особо там ничего не пачкайте, не сношайтесь, суки и кобели похотливые, сапогами не бухайте. Пробежитесь по камешкам контрольным, покажите старперам-элдерам бумажки, дождетесь, когда эти морщинистые недоумки поставят галочки, оглядитесь… и на выход! На все про все у вас сорок восемь часов с момента входа на территорию Рая Обетованного.

Что ж – вполне приемлемые условия.

И вполне приемлемая награда – и я не про то, что в случае успеха миссии мне крупно задолжает Червеус сраный Магмус. Это мелочи. Но вот система… система получит еще один весомый довод в пользу того, что вылезшему из жопы миру гоблину Оди – со столь же грязными и вонючими соратниками – вполне можно доверять. Что это даст? Что-то да даст. Тут не угадать, но в одном я уверен – чем хороша машинная логика, так это своим постоянством. Недавно это подтвердилось, когда Червеус за секунду получил утвердительный ответ от системы о составе нашего отряда. Никаких размышлений. Никаких проверок каждого из членов отряда. Стоило глазам умной машины узреть имя «Эрыкван-Оди» – она тут же врубила зеленый свет.

И я хочу, чтобы так было и дальше.

Чтобы как-то загоралось в качестве кандидата имя гоблина Оди – система тут же радостно давала добро.

Отряд…

Я потащил с собой почти всех, оставив лишнее барахло под присмотром Рокса, что начал копаться в раскуроченной взрывом заднице экзоскелета Гиппо. В присмотре ему помогали наши раненые и те, кого в принципе уже подлатали, но чье здоровье я оценил как хреновое.

Из Веселой Халупы выдвинулся большой смешанный отряд численностью двадцать пять бодрых и хорошо вооруженных рыл. Мы добрались до пятачка безопасности, расположенного в конце тропы, что упиралась в Серпентарное Рваноземье. Три исцарапанных торгмата, чуть покосившийся навес, один газовый костерок, что зажегся далеко не сразу и долго фыркал, выплевывая воздух. Здесь мы оставили лишних – включая Каппу и Тигрицу. Они должны были приглядывать за окрестностями до нашего возвращения, держа при себе запас боеприпасов, оружие,

свежие аптечки и прочие любимые прелести цивилизации. В их обязанности входит контроль окрестностей, уничтожение любых подозрительных ушлепков по моему любимому принципу чу-чудо-залп. Чуть чудится – стреляй в башку картечью! Иначе тут не выжить – особенно относительным новичкам. Каппа и Тигрица опытные, но их на все не хватит. А я хочу быть уверен в том, что по возвращению – а мы можем возвращаться на последнем издыхании – нас встретит помощь, а не вражеская пальба. Еще я приказал проводить как минимум две полевые тренировки в сутки и как минимум одна должна быть ночная. Если вдруг долбанет дождь – сразу начинать внеочередную тренировку. Бойцы должны уметь действовать в любой ситуации, в любое время суток, при любой погоде. И действовать должны умело, уничтожая врагов, а не самих себя. И я не забыл обговорить с Каппой дымовые сигналы. Первобытный век. Но порой это самый надежный способ послать сигнал бедствия или срочного призыва – попробуй скрой поднимающийся к небу толстенный серый столб дыма. Каппа принял судьбу гордо и внешне равнодушно – как и подобает воину. Но я все же посоветовал ему присмотреться к правилам их интересной игры затрагивающей камни, ножи и соски – не слишком ли часто Каппа проигрывает хитрожопому орку в тех случаях, когда на кону что-то интересное и важное? Каппа глубоко задумался, стоя у наконец-то ровно загоревшегося газового костерка и поглаживая ладонью рукоять меча.

Дальше по узкой тропе, что вскоре поднялась изгибами вверх и побежала вдоль края глубокого ущелья, мы двинулись всемером.

Я. Тигр. Рэк. Джоранн. Волочащийся Хван. Стейк. И Котлета. Одна из лошадей тащила на себе пару увесистых вьюков с едой, водой, боеприпасами, одеялами и всякой мелочовкой. Да и наши лошади были чуток загружены кое-чем помимо всадников. На территории аммнушитов я не собирался пить или жрать ничего из местного, равно как и лечиться их припарками. Я не собирался спать в их домах и на предложенных ими условиях.

В течении года бесследно пропали несколько боевых групп. Было бы наивно думать, что в тех группах были одни неумелые недомерки, что споткнулись об один и тот же камень, хлопнулись башками о жопы друг дружки и подохли разом от вони и сотрясения. Нет. Надо брать за отсчет, что один за другим тут погибли не абы как, а с учетом возможной опасности составленные из семерых бывалых вояк отряды. Тогда как мне уже все уши прожужжали сказочками про то, что тут бродят бородатые миролюбивые овечки, ненавидящие насилие. Ну да… ну да…

Стальной частокол оказался низким и куда более надежным. Это вообще не частокол. Тут две параллельные линии сетчатых заборов высотой в три с небольшим метра. Поверху витки колючей проволоки. Между заборами решетчатые загоны, из которых, подобно уродливым грибам, растут столбы с полусферами. Одна из них «ударила» по нам лазерными лучами едва наши потные хари поднялись по склону змеиного ущелья. Лазерные лучи скользнули, изучили и, мигнув, пропали.

Проход разрешен.

Как буднично и мило…

С легким скрежетом и скрипом перед нами распахнулись первые створки ворот, сметя нижними краями палую листву и мелкий мусор с бетонной площадки. Я въехал в ворота первым, равнодушно углубляясь в сетчатый тамбур и не обращая внимания на лежащий метрах в десяти разлагающийся труп, над которым усердно трудились крупные кролики, умело отрывающие свисающие волокна рваного мяса и жадно проглатывающие. Блеснув на нас красными бусинками глаз, ушастые тихони вернулись к трапезе. Ворота медленно закрылись, оставляя нас в клетке с хищниками. Но ненадолго. Вторые створки открылись с еще большим скрипом.

Дорога открыта.

Проход разрешен.
Добро пожаловать в Рай Обетованный.

Как выглядел рай?

Тухло. Вот как он выглядел.

Более скучной местности я не видел нигде в этом мире – с тех самых пор как разлепил вспухшие глаза на острове сыроедов. Там было хоть что-то.

Здесь же…

Вот вроде бы все и было, но одна проблема – тут все на корню было переделано кем-то упорным, основательным и никуда не торопящимся.

Отъехав от стены всего ничего, мы оказались на берегу мелкой речушки. Купаться я никому не позволил – да никто и не рвался жопу мочить в райской водице. Поэтому копыта намочили только лошади и даже Хвана я приказал перетащить уложив поперек стального лошадиного крупа. Я сомневался, что в воде есть что-то гиблое, но нахрена рисковать? Если на территории потенциального врага тебе предлагают руки омыть – плюнь в

харю его и вотри плевок подошвой ботинка поглубже.

Форсировав невеликую водную преграду, мы вошли в рассеченный просекой лес и, петляя между молодым разросшимся кустарником и юными деревцами, продвинулись еще метров на двести, после чего случился резкий переход, и мы… оказались в парке.

Сначала я и не заметил – какие-то пару секунд продолжал блаженно наслаждаться теньком – а потом сообразил, что здесь все деревья без исключения растут строгими рядами. Причем здесь смешанный хвойно-лиственный лес. Несколько линий – сосны, пара линий – елки, еще пару линий – что-то лиственное, крепкоствольное, дальше опять лиственное, но уже другое. Мы будто двигались между армейскими порядками – пехота, артиллерия, разведка, саперные войска…

Остановившись, я впервые спрыгнул с лошади, райская земля ударила в подошвы ботинок. Пройдясь, зачерпнув перчаткой листву, я переглянулся с Джоранн и там понимающе кивнула:

– Это не лес. Резервные лесопосадки.

– Резервные?

– Запасник. Живой склад древесины на любой жизненный случай. Посадка слоистая, уверена, что многие похожие виды деревьев разнесены максимально далеко друг от друга на случай вредителей или какой болезни. Учитывая, что аммнушиты все строят сами и презирают продвинутые технологии – жалкие придурки! – у них должна быть постоянная нужда в древесине.

– Сделано грамотно?

– Более чем – подтвердила рыжая, с высоты седла, оглядывая бескрайние старые посадки – Здесь была проведена титаническая работа.

– Вижу – кивнул и я, снова взбираясь на бесстрастного робота – Двинулись.

Раньше здесь был лес – такой же, что остался за нашими спинами. Но впоследствии дикий лес был вырублен и выкорчеван, все было утащено, после чего начались земляные работы, если судить по рельефу – слишком уж он тут ровненький, прямо идеальный, будто сначала срыли холмы, засыпали овраги и только затем принялись за посадку саженцев.

Джоранн полностью права – здесь проведена поистине титаническая работа.

И это был задел на далекое-далеко будущее. Аммнушиты собирались жить на этих землях вечно и загодя обеспокоились нуждами потомков.

Продвигаться по лесопосадкам было легко, но до блевоты скучно. Тянутся и тянутся шелестящие кронами деревья, из всех

препятствие – редкие отломленные непогодой сучья. Зверья всего ничего – и я их понимаю. Попробуй жить в таком тошнотворном месте. Хотя мы заметили нескольких волков, увидели и лисицу, слышали копошение мелких тварей в листве, вальяжно прошел вдалеке черный медведь. Повстречались нам и змеи – три ползучие крупные гадины. Джоранн умело направила своего жеребца так, чтобы волочащийся следом зевающий Хван протащился по чешуйчатым телам – и Хван своего гастрономического шанса не упустил, ухватив придавленное мясо уж не знаю какой частью тела и в какое именно отверстие запихнув.

Апофеозом скучности стала аккуратная табличка-стрелка с надписью «Скромный и славный город Благочестивая Гавань».

– Охренеть – процедил я, проезжая мимо.

– В тихой гавани заразные шлюхи водятся – поддержал меня Рэк.

– Акулы – поправила его Джоранн.

– Сочный на трах на заросшем лавандой заднем дворе – вздохнула Котлета, бойкая и разбитная бабенка средних лет, с трудом привыкающая к тяжести снаряжения и злым командирам.

– Да? – оживился Рэк, осторожно поворачиваясь к ней и стараясь не упасть со стального злобного коня – Давай подробности, боец. Лаванда жопу колола?

– Так… – добавил я к своему прежнему комментарию и спешился второй раз.

Сойдя с едва заметной тропки, бегущей посреди просеки, я присел и развел в стороны колючие ветви, что почти скрыли от меня кое-что интересное.

На земле, скрючившись, закрывая живот ладонями, лежал дохлый гоблин. Средней длины светлые волосы, замершие в мертвом удивлении синие глаза, четко очерченные скулы и углы подбородка. Покрывающие лицо ссадины, царапины и кровь не могли скрыть того гоблин на удивление юн.

– Тигр…

– Ему лет четырнадцать! Плюс-минус год…

– Я не про это. Возьми Котлету и Стейка. Пробегитесь вокруг. Радиус – триста-четыре шагов вокруг нас. Ищите его след. И след тех, кто его преследовал.

– Тех?

Я убрал уже лишившиеся закостенелости руки пацана от живота, показывая торчащие из его живота два глубоко ушедших арбалетных болта. Один болт был окрашен красным, другой желтым. Это именно краска, что-то вроде метки. И вряд ли разноцветными болтами стрелял один и тот же стрелок. Хотя…

выдернув болты один за другим, я сравнил наконечники. Одинаковые – плоские, зазубренные. Такие хорошо пойдут против ничем не защищенной мягкой плоти, а против брони… отскочат, не нанеся вреда. У поймавшего животом два таких болта гоблина не было ни малейшего шанса. Еще удивительно, что он добежал досюда – а он бежал, о чем говорят проломленные заросли шагах в семи дальше. Он убегал.

– Я понял – повел плечами зверолюд Тир – Но может я один? Они меня притормозят…

– Не нарывайся и не показывайся – после краткого раздумья кивнул я и Тигр исчез, моментально затерявшись среди деревьев.

Перевалив труп на спину, я разглядел его внимательней. Белая домотканая рубаха с воротником на шнурках, просторные рукава, никаких вышивок или еще чего. Грубые черные штаны заправлены в кожаные невысокие сапоги. Штаны снабжены помочами. В полушаге лежит пропитанная кровью скомканная тряпка. Рыжая развернула ее, и мы обнаружили жилет. Из его карманов высыпалось несколько разноцветных камушков и бусин. Это все. Ни мешка. Ни сумки. Ни оружия – даже ножика складного не обнаружилось.

– Что за дерьмо лесное? – буркнул я, стоя над трупом в недоумении – Кто бродит по лесу без ничего?

– Может он полудурок? – предположила Котлета.

– Или обронил все на бегу – возразила Джоранн.

Повернувшись, я направил стволы дробовика на деревья… и опустил. Показавшийся из-за деревьев Тигр поманил нас лапой, другую прижимая к пасти и показывая – «Тс-с-с-с, гоблины!». Еще парой жестов он повторил призыв всем заткнуться, заодно показал, что лошадей с собой тащить не надо – как и Хвана.

– Посторожи лошадей, гнида – глухо велел я, переступая через беспомощного призма закованного в кокон.

– А?

– И чтобы ни царапины на жопе моего коняги! – велел Рэк, тоже – без нужды – наступая на призма, чтобы миновать его – Я проверю!

– Стейк, Котлета – останьтесь с Хваном – не оборачиваясь, приказал я.

– Да, командир!

Следуя за Тигром – и я уступал ему в ловкости передвижения по лесистой местности – мы преодолели совсем небольшое расстояние и уперлись в небольшой холм, поросший соснами, выглядящий здесь так же чужеродно, как если бы стоял посреди пшеничного поля. Почему местность вокруг стесали до состояния ровной столешницы, а холм оставили? Но сейчас интересно не

это. Тигр жестами показал, что в прошлый раз он холм обошел и остановился вон под той огромной надломленной сосновой лапой. А сам он хочет забраться повыше… Миг подумав, я кивнул, поняв, что ничего реально угрожающего и внезапного под той ветвью нам угрожать не может, а разведчик просто хочет занять позицию поудобней, что вполне нормально для их племени.

Едва я дошел до сосны, до конца тем самым завершив огибание холма, до моего слуха донесся громкий укоризненный голос, срывающийся на крик, но затем возвращающийся к сиплой усталой хриплости. Вот почему мы не слышали голосов – их более чем надежно блокировали сосны и холм. Вот почему и они нас не слышали и вот почему не особо таился Тигр, решивший ничего не объяснять. А что тут объяснять? И так все ясно.

Холм был почти подковообразным. Этакая дуга с высокой вершиной и понижающимися краями. Хорошая защита от непогоды. Крохотная лачуга из темных бревен. Крыша свежая, крыта деревянными пластинами навроде черепицы. Трава вокруг скошена и сброшена в стожок, который задумчиво пожевывает десяток оседланных лошадей. Дверь в лачугу распахнута. Перед лачугой еще одна куча – на этот раз мясная. Для полной гармонии с лошадиным стожком не хватает крупных хищников, что деловито бы рвали и глотали мертвое мясо.

– Вашу мать! – выдохнула вцепившаяся мне в запястье Джоранн.

Поворотом кисти высвободив руку, я кивнул и тихо согласилсяя:

– Неожиданно.

Подростки. По сути, еще дети. Вот из чего… вот из кого состояла мясная куча. Стащенные сюда лошадьми мертвые тела так и бросили в кучу вместе с веревками, не распутав им связанных рук и ног. Торчат из ран разноцветные арбалетные болты – желтый, красный, зеленый. Безбородые мертвые лица, многие из которых так и не познали первого бритья. Та же самая одежда – черные жилетки и штаны, белые рубахи, сапоги. Это на пацанах. На девчатах синие длинные платья, из-под подолов торчат ноги в чулках и крепких башмаках, на головах платки. Вашу мать… тут самому младшему, что как раз смотрит на меня единственным уцелевшим глазом – вместо второго торчит болт – не больше тринадцати лет. Это максимум. На меня таращатся глаза жестоко убитого ребенка.

А судя по уже услышанным словам – детей не просто убили. Этих подростков сначала отпустили, а потом загнали в лесу как дичь, перестреляли и на веревках стащили сюда к этой лачуге,

где и сбросили в кучу. Сами же охотнички присели отдохнуть на чурбачках, поместив рядом луки, арбалеты и топоры.

Чуть в стороне от кучи трупов валялись одинаковые светлые заплечные мешки кое-где попятные кровью и принявшие на себя несколько выстрелов.

Всего пятнадцать взрослых – и уже даже седоватых – охотничьих рыл. Одеты они примерно так же как и жертвы, разве что на некоторых полотняные длинные плащи, что наверняка неплохо защищают от дождя, другие прикрыли рубахи куртками из того же материала.

Из лачуги раздался тонкий девичий испуганный вскрик, следом послышался звук тупого удара. Еще через минуту из темного проема показался седенький дедушка довольно крепкого телосложения, тащащий за руку мертвое нагое тело. Я ничуть не удивился, увидев подрагивающие женские груди – хотя сначала заметил пробитый топором лоб и закатившиеся глаза. В той куче трупов было еще несколько обнаженных. И все они были девушками.

– Грешница толстосисая – грустно вздохнул дедушка, вбивая окровавленный топор в один из чурбаков – Хаунс, подсоби-ка.

– Грешная и сладкая – вставая, вздохнул мужичок со светлой редкой бородкой – Потому дважды я согрешил… не удержался от соблазна…

– Замолишь.

– Замолю… ой замолю…

Вместе они умело подхватили труп за руки и ноги, забросили на кучу и отошли. Тело девчонки – ей лет пятнадцать – перевернулось и сползло с вершины кучи, навалившись грудью на лицо другого ребенка.

– Все ерзают! – с нескрываемым раздражением прокряхтел дедок и, покосившись на того, кто толкал речь до его появления, поощрил – Ты говори, говори. Правильные ведь слова говоришь. Истинные. Добрые. Наставляющие. Просветляющие.

– Все так, дядюшка Якоб, все так. Благодарю, что заметили. Поощрение от элдера Благочестивой Гавани – великая честь!

– Продолжай, Теодор. Продолжай просветлять.

Склонив почтительно голову, Теодор – ему лет сорок, поседевшие у висков волосы аккуратно острижены, бородка тоже поседелая, верхняя губа, как и у всех прочих охотников, выбрита.

– К чему грешить? Ради чего? – развел руками Теодор, после чего театрально схватился за голову – Вы хоть задумались, чада грешные? Куда стремились? Я отвечу! – в ад! Прямиком в мерзкое адилище рвались! А что в том адилище? Знаю и на это ответ – там смерть! Там свободный похабный секс! Там нет надежды на

рай! Ну и? Вот вы познали то же самое здесь – на нашей благословенной земле. Познали вы смерть, секс и потеряли надежду. Нравится?

Почти висящая с вскинутыми руками троица подростков промолчала, решив не отдирать залитые кровью подбородки от груди. Два пацана. Одна девчонка. В ее ноге торчит арбалетный болт. Еще года два-три – и могла бы стать настоящей красоткой. Ниспадающие на грудь распущенные волосы прикрывают девичьи прелести и разбитое лицо.

– Вот все друзья ваши, коих подбили вы на румшпринге на отказ от жизни чистой… вот они лежат! Истерзанные! Кто виноват в сем? Вы! Из-за вас погибла поросль молодая да славная! Из-за вас!

– Мы просто хотели уйти… просто уйти! По нашему древнему праву – никого не держат силой! – тихо, но яростно просипел крайний слева темноволосый паренек, не выдержав и вскинув все же голову.

– Замолкни!

– Вы изнасиловали их! Изнасиловали!

– Они грешницы…

Повернув голову к сидящим рядом бойцам, я пробормотал:

– Как начну – валите чурбачных. Элдера не трогать.

Дождавшись кивка, я начал вставать.

– Они просто хотели уйти! – надрывался паренек, с ненавистью глядя на обидчиков – Они выбрали свободу! И вы сами проводили нас в путь к иной жизни! Сами собрали нам припасы! А затем догнали и…

– Обман. Не спорю. Обман как есть. Так и там так – улыбнулся ласково Теодор – Пусть утроба моя взвоет, если там иначе…

– Там хуже, мудила – буркнул я, делая большой шаг из-за сосны и вскидывая дробовик, что убил уже стольких тупорылых ушлепков, что пора придумывать ему хлесткое имя – Утроба? Ну пусть утроба…

Выстрел картечью почти в упор буквально сложил Теодора. Всплеснув руками, он отлетел назад. Следующим выстрелом я раскурочил башку загонщику схватившемуся за арбалет. Последовавшая стрельба не оставила шанса никому из любителей грешной сладости. Двоим, правда, удалось избежать серьезных ранений, и они бросились бежать, но сверху на них обрушился Тигр, подмяв под себя и принявшись махать когтистыми лапами.

– Ц-ц-ц-ц… – покачал я головой, направляя револьвер в пространство между элдером и Хаунсом – Так насколько сладко было?

– Я… – выдохнул Хаунс и, утробно хрюкнув, схватился за простреленную промежность, завалившись и забившись в хвое.

– Сраного доброго дня тебе, гребаный дядюшка Якоб – широко улыбнулся я элдеру Благочестивой Гавани – Мы тебе тут бумажки принесли. Поправки там какие-то по мировому укладу. Галочки надо проставить…

– Это… – старик был хитер и умен. Он очень пытался как-то вывернуться. В его седой голове метались миллионы мыслей. Он пытался отыскать тропинку ведущую к жизни… и тем самым сразу стал для меня скучен. Этот сопротивления не окажет…

Но как?

Какой верой можно объяснить такое?

– Галочки проставить – повторил я, кладя ему руку на плечо и заставляя вернуть жопу на чурбачок – Ты проставь, где хочешь и мы продолжим разговор…

– А если я не хочу?

– Что не хочешь? – удивился я, глядя во вскинутые глаза старика.

– Галочки ставить… в поправках…

– Куда ты сука денешься – ласково улыбнулся я и прострелил ему раковину левого уха, не став приближать ствол слишком уж близко к его башке – Куда ты сука денешься…

Когда затихли вскрики – все до единого – и над холмом и лачугой повисла тишина, я, припечатав дергающегося старика ботинком, наступив ему прямо на остатки уха, с испугом уточнил:

– Мы щас не слишком устои вашей веры попираем? Не грешим ли, не ведая…

– Да мы до святости их позорно не дотягиваем, лид! – скривил горестно рожу орк и перерезал глотку одному из недобитков – Они вон чего творят со смаком… а мы?

Джоранн рванулась вперед.

– Вы убивали детей, твари!

От удара рыжей Теодор захрипел и на пару секунд отключился. А когда очухался, то обнаружил, что его оседлала настоящая красотка, коленями придавившая его руки к земле. А очнулся любитель грешных дел оттого, что в его порванные пулей яйца воткнулся нож, что тут же вынырнул и… проборождил глубоко щеку от виска до подбородка. Это был первый штрих – примерочный. Затем Джоранн взялась за кромсание его лица всерьез. Я не мешал, продолжая придавливать голову элдера ботинком к хвое и с интересом наблюдая за настоящей Джоранн, чьи лицо было искажено яростью и наслаждением одновременно.

– Я скажу все и сделаю все что надо… – голос элдера прозвучал из-под подошвы моего ботинка с отстраненностью

какого-то божества. Голос стал безразличным. Голос стал уверенным. Старик сделал выбор.

– Только убейте быстро… не так…

– Тебя бы дубиной трахнуть перед смертью – прошипел я с нескрываемой ненавистью – А потом эту же дубину забить в глотку! Но ты ведь достопочтимый элдер добрых пацифистов аммнушитов… разве есть на тебе грех? Ну убили вы стадо молодежи… перед смертью поистязав и трахнув их… но разве ж это грех?

– Грех! Великий грех! Но!

– Тут сука есть еще какое-то «но»? – злобно выкрикнула Джоранн, вонзая и вонзая лезвие в остатки лица хрипящего Теодора.

Бросив взгляд на Тигра, я коротко очертил круг и понятливый зверолюд отправился на пробежку – проверить одиноки ли мы в этой местности или сюда уже скачут в опор еще несколько аммнушитов желающих чего-нить сладкое …

– Куда бы они пошли?! – старик под моей ногой дернул головой. Я с интересом убрал подошву, глянув на него как на таракана – Куда бы пошли?! Вы – живое доказательство той мерзости смрадной, что обитает в большом мире! Ты безумная рыжая тварь заживо сдираешь лицо с живого человека! Вы начали убивать нас без малейшего сомнения! За что?! За то что мы решили спасти души сбившихся с пути агнцев? А мы спасли их души! Они ушли незапятнанными. Они ушли мучениками! И пред ними откроются златые врата рая!

– Как завернул – восхитился я – Долго проговаривал в голове?

– Но это истина! Вы хуже нас! Вы пришли сюда и тут же начали убивать! Поглядите! – рука старца указала на валяющихся охотников – Каждый из них был отцом! Каждый! И у каждого было по двое-трое детей – воспитанных правильно! Их дети возделывают поля, собирают урожай, ухаживают за садами, заботятся о скоте! Денно и нощно! Мы трудимся! Мы думаем о будущем наших детей! Но что будет, если мы однажды отпустим этих – рука на этот раз указала на троицу под деревом – Они уйдут, напитаются жестокостью и грехом, а затем вернутся сюда – по праву рождения! И начнут сеять скверну, смущая умы невинной молодежи! Да лучше мы растерзаем их подобно голодным зверям и разбросаем их останки по дебрям, чем позднее они, будучи отпущенными, приведут к нам за руку самого Сатану! Мы жертвуем малым ради большого! Слухи о их смерти – пусть не совсем истинные – быстро расползутся по нашим землям и смирят умы остальных юнцов! Вернут их на

истинный путь! Так в чем я неправ, жестокий чужак?!

– Галочки проставь – буркнул я, бросая перед стариком плоский стальной контейнер – Стейк! Котлета! Отвяжите пленников. Отведите их в сторону. Перевяжите. Уколите чем-нибудь.

– Есть, командир!

– Выполняем!

– Так главный супостат – это ты – бледно усмехнулся дядюшка Якоб – Посланный железным богом в наши благословенные земли…

– По поводу твоих речей…

– Где я ошибся? Нигде!

– Везде – усмехнулся я – Если трое смутьянов мутят чистую воду… не жди последствий, а сразу вышвырни их за стальную ограду в большой мир. И намекни, что, если однажды вернуться вздумают… ну ты понял. Вот только ты будто специально ждал, старик…

– Чего? Гнева божьего?!

– Нет. Ты ждал, чтобы в их группе прибавилось больше девчат. Юное мясо, что так тебе по вкусу. Как ты там прокряхтел, вытаскивая мертвого подростка из халупы? Толстосисая грешница? Видать заранее приметил ее, да? Давно слюни на девчонку пускал? И вот оно… момент вонзить гнилые зубы в сладкую конфетку…

По одному быстрому и тут же ушедшему вниз взгляду стало ясно – я не ошибся.

– Я закончил! – элдер показал мне мельком бумаги с жирными галочками и, будто подчиняясь старому инстинкту, тут же забросил их обратно в контейнер, захлопнул крышку и с надеждой заглянул мне в глаза – Поговорим? Я укажу тебе зерно истины в моих словах и ошибки в твоих…

Забрав контейнер, я вырвал с чурбака топор и швырнул его под ноги темноволосому парнишке и буднично спросил:

– Справишься? Или даже на это не хватит тебя?

– Сдюжу! – крепкие руки парня сграбастали топор, и он решительно шагнул вперед.

– Окстись! – взвыл элдер – Я держал тебя на руках на третий день после твоего рож… А-А-А-А!

Когда убивает неумелый и ненавидящий… он вкладывает все силы в каждый скошенный удар, зачастую снимая пласты кожи и мяса, но не задевая внутренних органов и важных артерий. Удар за ударом, удар за ударом… старый элдер затих где-то после девятого. Стоя над его трупом, тяжело дыша, мертвой хваткой держа заляпанный топор, парень глянул на меня волком:

– Вы пойдете за остальными элдерами? Если да – то я с вами!

– Для начала – пойдем-ка побеседуем о жизни вашей безмятежной – широко улыбнулся я, безбоязненно поворачиваясь к нему спиной – Я гоблин Оди. Ты?

– Я Стеард!

Глава третья

Сначала все было хорошо. Потом все стало просто отлично.

Стеард, как и все остальные из рожденных здесь – в Раю Обетованном – назубок знали историю своего народа.

Их предки первопоселенцы, вместе с детьми, скарбом и кое-каким скотом, прибыли сюда одновременно с доставкой всего прочего – собственной земли, леса, холмов и даже рек.

О таком грешно даже думать, но все было как в книге, описывающей сотворение мира. Это там, где на первый день отделился свет от тьмы, на второй появилась луна и звезды… или как-то так – точнее они не знали, так как старейшины не выпускали эти книги из рук, не давали никому читать и даже не называли названия. Зато сами они изучали эти книги постоянно и регулярно зачитывали отрывки из них на молельных сборищах.

Но он отвлекся…

Их предки прибыли сюда в день сотворения их нового мира. Они видели, как над ними зажигались звезды, как потом вспухало светом солнце, как опускались с неба на тросах деревья с огромными комьями земли на корнях, как величаво спускались с неба целые участки леса, занимая свое место. Они видели, как все вокруг затопило водой, что сначала разлилась морем, затем частью впиталась, а частью отступила в углубления, что позднее стали руслами ручьев и речушек. Их предки видели, как пошел первый дождь, а с ним поднялся и первый ветер – и дни эти слились в ветренную мокрую и холодную неделю. Предки видели, как с неба опускались клетки, как их дверцы открывались и оттуда робко выходили или стремглав вылетали перепуганные звери. Некоторых доставляли спящими – медведей, к примеру, что долго приходили в себя, не в силах оторвать массивных голов от земли.

Но времени поглазеть не было. Они оказались среди пирамид из прикрытых парусиной деревянных крепко сколоченных ящиков. Из них, этих самых тяжелых ящиков с личным имуществом, семенным фондом, инструментами и прочим, предки сделали первые надежные укрытия для женщин и детей, защитив их от ветра и дождя. Вооружившись лопатами, изрезали облюбованную ими долину глубокими канавами, чтобы отсечь воду от укрытий. Устроили навесы. Разожгли костры. Установили котелки. И тут в дело вступили женщины. Над долиной – над их новым миром – поплыли запахи каши, чая, яичницы и жарящегося бекона. Едва требовалась сытная – впереди было очень много тяжкой работы…

Так было положено начало. Рассказы об этом передавались от поколения в поколение, и никто не мог этому помешать. А помешать пытались – элдеры с их многочисленными прихвостнями. Старейшины пытались не то чтобы искоренить саму историю их появления здесь, саму хронику трудовых подвигов, но они всячески пытались исказить былое и выдвинуть на первое место старейшин, старательно воспевая их как гениальных предводителей народа, не менее гениальных строителей, эпичных трудяг, что носили по пять мешков песка сразу и так далее… Само собой, вот уже как сто лет, выборная прежде должность элдера стала наследоваться. Так появились роды элдеров… быстро растерявших смиренность… Но это случилось гораздо позднее. Сначала же все начиналось очень хорошо и светло…

Аммнушиты – это название народа появилось позднее.

Здесь, в Раю Обетованном, собралось несколько больших общин с зачастую отличающимися где-то верованиями. В бога вроде как одного и того же верили, но по-разному это делали, во многом не сходились касательно допустимых технологий, молитв, воспитания детей, языке общения и прочих важных вещей. Было сломано немало копий в словесных баталиях и хриплых спорах, прежде чем различия были уничтожены и разрозненные общины слились в единый дружный народ мирных хлебопашцев.

Были определены места для будущих поселений и началась стройка. Прокладывались дороги, рубились деревья, выкапывались камни, дробились валуны, быстро вырастали дома, сари, намечались огороды, а следом на бережно и умело возделанных землях появлялись первые зеленые ростки…

То были счастливые времена. Но следующие столетия оказались еще более счастливыми. Золотое время. В то время стоило жить, если хотел чувствовать себя счастливым каждый божий день. Это был настоящий Рай. И никто не мешал им жить по святым заветам.

Разве что было четкое указание о пропорциях и правилах. Так земли аммнушитов на шестьдесят процентов должны были состоять из лесов, а еще минимум на пять из невозделанных лугов. Аммнушиты не имели права менять места истоков рек, что пробегали через их земли и выходили за стальную ограду. Не имели права пускать палы, чтобы сжечь мертвую траву. Эти жестко прописанные и навязанные сверху правила назывались Балансом. И это было постоянное напоминание о том, что за ними наблюдают – пусть издали, наверное, с тех окружающих из земли стальных грибов, но наблюдают. И потому нечего соваться

к тому частоколу – затем попадать под грешный тяжелый взгляд? Ни к чему это.

Другое вмешательство железного бога? Его не было. Заключенный договор чтился свято. Аммнушиты жили тихо и к ним никто не совался – за исключением прибывающих семерых верховых грешников-чужаков, что спешно проезжали по их тропам, дорогам и поселениям, после чего, коротко переговорив с элдерами, убирались прочь. Это мелочь. И даже нужно – всегда идет на пользу молодежи, когда они видят истинных мрачных грешников, чьи души обязательно отправятся в ад. Вот они едут – вонючие, злые, ожесточенные, пропитанные тьмой, отмеченные печатью ада, воняющие смертью… так говорили о них все аммнушиты, всячески уклоняясь от прямого контакта и оставляя эту тяжелую долю многострадальным элдерам.

С этого и началась беда, как некогда заявил один из давно уж почивших трудяг-стариков.

С этих мелочей началась большая беда!

Сначала элдеры просто толковали спорные моменты, разбирали ссоры. К ним обращались, зная мудрость этих избранных всем народом стариков. А выбирали их долго. Когда умирал очередной элдер, народ того поселения, похоронив старца, размышлял порой неделями и месяцами, прежде чем избрать нового – тут ведь главное не ошибиться. Но затем избранные элдеры взяли на себя тяжесть общения с чужаками, просматривали приносимые ими бумаги, где каждый из них мог поставить две отметки – крест или галочку – никто особо не понимал этого, но знали, что это касается всего мира в целом – и не только их Рая Обетованного. От этого важность элдеров в их глазах возросла – они участвуют в судьбе мира… разве это не приближает их к богу?

Элдеров начали почитать слишком сильно. Начали почитать их чрезмерно. И это привело к тому, что происходит прямо сейчас… спустя поколения и поколения элдеры из добрых мудрых советчиков превратились в злых королей…

И, само собой, именно они начали заниматься теми из молодежи, кто достигал подросткового критического возраста, когда им, по древнейшему обычаю, сначала давалась неделя жизни со своими ровесниками в специальных зданиях, что были на отшибе каждого поселения, а затем им предлагался выбор – остаться или уйти. Никого и никогда не держали в Раю силком. Наоборот – им с рождения втолковывали, что попасть сюда неимоверно сложно, а вот оказаться лишенным права на жизнь здесь очень легко… потому грешить нельзя! Это место для чистых и смиренных тружеников, чьи помыслы лишь о Боге, семье и

пашнях. Это место для тех, чьи дни одинаковы. Чьи дни начинаются и заканчиваются одинаково на протяжении всей жизни. Чей распорядок никогда не меняется – и от этого их счастье только возрастает.

Кому нужна неопределенность? Никому! Ведь незнание того, что будет завтра, порождает волнение, а оно приводит к смятению… если же душа начинает метаться, это открывает в ней лазейку для адских шепотков, что подбивают тебя на странные мысли и дела… потому неопределенность – грех! Каждый аммнушит знает, что послезавтра, через неделю или даже через год он точно так же будет мерно взмахивать мотыгой на огороде, задавать корм скоту, воспитывать детей, общаться с женой – и все в точно установленные отрезки дневного времени. Поздний вечер и ночь? В это время надо спать! За два часа до полуночи каждый должен быть в постели и мирно почивать, отдыхая до следующего утра. Коли же ты колобродишь в полночь… то самое время наградить себя парой ударов ивового прута, поплакать навзрыд, покаяться, после чего лечь в постель и задуматься о спасении души своей! Ибо светлые души ночью не колобродят! Не зря старики вспоминают о страшном наказании, которому подвергались грешные души полуночников в старину – их одевали в позорные яркие обноски, что почти обнажали их телеса, собирали в одном месте, напаивали допьяна хмельным, после чего начинала звучать невыносимо громкая музыка и всех грешников заставляли танцевать. Снова пить хмельного и снова танцевать. И так порой до утра – для самых согрешивших. Наутро же рыдали он навзрыд от боли в головушках и от стыда жгучего за то справедливое унижение, что познали они на том наказании…

Так и жили они счастливо из дня в день.

А элдеры потихоньку набирали мощь, одновременно собирая вокруг себя все больше прихлебателей. Первый тревожный звоночек случился, когда согрешившего тяжко элдера не смогли убрать с занимаемой выборной должности. Просто не смогли. Его прихлебатели не позволили. Конечно, действовали не грубой силой, а увещеваниями, отводя всех в сторону, разговаривая по одиночке, где надо прося и даже умоляя.

Откуда это известно? Хроника. Каждая семья хранит в себе немало информации, передаваемой от старшим к младшим. А семьи общаются и между собой. Понятно, что очень многое искажено временем и пересказами, но как бы то ни было… история восхождения элдеров в каждой семье одинакова.

Сначала у них прибавилось обязанностей.

Затем их полномочия стали шире и глубже.

Следом они получили право единолично судить тех аммнушитов, кто совершил тот или иной проступок.

Так элдеры стали не только советчиками, но и судиями. А собрания аммнушитов права судить лишились.

А потом…

– Достало – прервал я сбивчивый рассказ темноволосого парнишки – И так все ясно. Затем элдеры захватили остатки власти в свои сухонькие морщинистые ручонки и начали трахать и убивать детишек. Так?

– Так! Хотя мы говорим – волки грешников съели…

– Это как? – невольно удивился я.

– Уже века отцы находят своих решивших уйти детей гниющими в лесах – мрачно ответил Стеард – Истерзанными так жестоко, что жуть берет… Оттуда и пошла у нас поговорка. Грешных детишек волки пожирают. И…

– И?

– И ведь мы верили! Верили в то, что по границам Рая бродят лютые волки посланные железным богом! А может и не богом – а самим Сатаной посланные! Но некоторым мол все же удается проскользнуть через стальную ограду и уйти – а там волков уже нет… там безопасная дорога ведущая в большой грешный мир…

– И вы верили в такую хрень?

– Что такое хрень?!

– Верили! А что такое «хрень»?

– Это то, что в твоей голове – буркнул я, заканчивая чистку револьвера и возвращая его в кобуру на поясе.

Кобура кожаная, открытая, в меру тугая. По дороге я потратил часы на то, чтобы научиться – или восстановить-обновить навык – единым слитным движением выхватывать револьвер, взводя попутно курок, направлять на цель и тут же стрелять. Наловчился вроде неплохо, но до идеальной скорости еще далеко.

– В моей голове ложь…

– Ты хотел верить. И верил в сказки. Но я не поверю, что все аммнушиты настолько же тупые. Нельзя быть настолько имбецилом, чтобы свято верить в бродящих по границам лютых волков-убийц и не связать исчезновение подростков с совпадающими по времени отлучкам элдера с прихлебателями! Это же главное свидетельство! Ушел похотливый старпер с загонщиками вдруг из селения по следам ушедших к свободе подростков… а через несколько дней начали находиться истерзанные тела… ну конечно сука это волки виноваты!

– В моей голове гремит ложь…

– Хлебни-ка – я втиснул в его ладонь влягу с чуть

разведенным компотом самогоном.

– Что это?

– Кровь грешницы и жопная слизь святоши два к одному! – рявкнул Рэк, отвешивая парню подзатыльник – Пей, ушлепок мягкотелый!

– Угх…

– Дай! – лежащая на одеяле девушка с залитой клеем простреленной ногой требовательно протянула рука, выхватила флягу и сделала решительный глоток. Закашлялась, выпучила глаза… но тут же сделала еще глоток и протянула флягу сидящей рядом подруге – с мальчишеской фигурой и неровно, если не сказать варварски, остриженными каштановыми волосами. Пропуская сквозь пальцы окромсанные волосы, девчонка с суровым лицом мрачно глядела куда угодно, но только не мертвые тела. Сделав глоток из фляги, стриженная вернула ее напарнице по несчастью и на этот раз та хапнула еще больше явно незнакомого напитка. Зря она так.

– Так вот тут, где настоящий характер и мозги – ухмыльнулся я, хватая Стеарда за плечо и отталкивая – А ты просто хронист-марафонец…

– Кто я?

– Отвали в сторонку и помолись – велел я, поворачиваясь всем телом к девушкам – А я поговорю с настоящим лидером.

– Я хочу с вами! Биться! – набычился Стеард.

– Пошел нахрен – отмахнулся я и паренек, подхваченный лапищей орка, отлетел в сторону, шмякнувшись на тела погибших.

Подскочив, он хотел что-то сказать, но я перебил его:

– Копай могилы для своих.

– Но…

– Копай могилы, сученыш! – лязгнул я – Копай, сука! Почему ты вообще жив?! Твоих баб трахнули во все дыры! А тебя всего лишь пару раз по харе приложили и лекцию прочитали о грешной жизни?! Ты должен был умереть первым! Умереть до того, как ублюдочный старпер всунул свой вялый хрен в почти ребенка! Где ты был в тот момент?! Ладно! Если ты сейчас скажешь, что тебя оглушили и связали уже в беспамятстве – я не назову тебя жалким хренососом! Итак! Тебя оглушили? Ты был в беспамятстве?

– Я… меня… меня… нас загнали! Окружили! Они взрослые и сильные… злые… и я не знал, что они хотят сделать!

– Чего ты не знал? Вас убивают, девчонок лапают! Уверен, что они и вслух говорили немало – и кричали вслед тоже! Это племя ушлепков всегда одинаково – не могут не крикнуть вслед,

что вот-вот нагонят и трахнут!

– Да… но… мы думали это какое-то испытание!

– Хера себе испытание… а когда первые болты кому-то в спину влетели? Когда первая девчонка заорала, когда с нее начали сдирать одежду и силой раздвигать ноги? Когда в нее взрослый ушлепок воткнул свой вонючий хер… Ты продолжал думать, что это такое странное испытание?

– Я… уже ни о чем не думал! Я… был испуган… не понимал… я не понимал ничего!

– И ты позволил себя связать. А ведь если бы ты сопротивлялся до конца, если бы грыз их глотки или хотя бы сапоги – может кто-то из пошедших с тобой девчат остался бы жив, сумел бы убежать…

– Они бы сразу убили меня!

– Ага – кивнул я – Убили бы. Ладно сначала был шок, и ты позволил себя связать. Почему потом не бился в веревках как безумный, когда одну из ваших в халупе трахал дядюшка Якоб и другие?

– Я…

– Копай могилы! Закапывай тех, кого не спасли воняющие смертью и грехами чужаки! И начни с той толстосисой бедолаги!

– Ее звали Ханна…

– Да уже насрать. Копай!

– Стеард сладко говорит… но и только – тяжело выдохнула девушка – Но он не подбивал нас уйти. Это сделала я.

– Ага… имя?

– Амнушка.

– Амнушка – кивнул я, глядя как взявшийся за старую мотыгу, найденную орком у хибары, Стеард принялся копать землю под первую могилу. К пареньку подошел орк, остановил его на пару секунд и снова протянул флягу с самогоном. На этот раз плачущий парень не отказался и сделал пару огромных сладко-горьких глотков – Ты не расскажешь мне, Амнушка, куда подевались те ужасно грешные чужаки, что приезжали до нас? М?

– Каждый раз семеро.

– Ага.

– Каждый раз такие… удивительные… – добавила лежащая Амнушка, скользя по моей фигуре внимательным цепким взглядом.

Ее можно понять. На их фоне мы выглядим как пришельцы из далекого будущего. Против домотканой одежды – сверкающие кирасы и прочее снаряжение, огнестрельное оружие, шлемы с прозрачными забралами, тяжелые рюкзаки за спинами.

Это большой недогляд со стороны системы. Это большая

ошибка. Нельзя пускать в пасторальное прошлое выходцев из грешного сладкого будущего. Хочешь запустить контролеров? Запускай. Но потребуй, чтобы у них были бороды, никаких призмов и зверолюдей, одень избранных в такую же смешную одежонку, дай исключительно живых коней и вооружи копьями и арбалетами. Вот такие чужаки не привлекут к себе всеобщего внимания неискушенных аммнушитов.

– Где эти удивительные?

– Кто умер. А кто в Запретному Саду – легко ответила Амнушка.

– О как… – хмыкнул я – Умер или в Запретном Саду… вот тут давай поподробней, боевая девчонка.

– Я расскажу все. А ты дашь мне ту гремящую штуку и покажешь, как ей правильно пользоваться.

– Зачем?

– Ради этого я возглягу с тобой, грешник. Я юная, но спелая!

– И тупая – дополнил я, скривившись – Не переоценивай себя. Зачем тебе дробовик?

– Я из другого поселения. И в путь сюда – тех, кто решил выбрать свободу грешную – провожал наш элдер дядюшка Дутч. Он очень стар. Очень добр и мудр. И он не мог не знать куда нас посылает…

– Не мог – согласился я – Они должны быть повязаны – все элдеры Рая. Он сознательно отправлял вас на изнасилование и смерть.

– Дашь дро-бо-вик?

– Рассказывай про Запретный Сад. А за своего элдера можешь не волноваться – нам все равно надо навестить гребаного дедушку. Ведь он сука еще не проголосовал… грешник…

– Грешник – повторила Амнушка и переглянулась с молчаливой трясущейся подругой – Грешник элдер… сука элдер! Сука элдер! Я правильно говорю?

– Правильно. Давай про Сад. А то отправлю тебя копать могилы…

– Сад… Великий Запретный Сад…

Самогон чуть исказил слова, но растормозил мозги и развязал язык. Слова полились полноводной рекой.

Запретный Сад – это название никак не связано с чем-то плохим или грешным. Наоборот – чаще всего этот сад называли Райским или же Чистым. По очень простой причине – его посадили в незапамятные времена еще предки аммнушитов, выбрав для его местоположение центральный и самый плодородный участок. В центре сада высились голые скалы – им тоже нашлось применение. Весь сад обнесли каменной оградой –

ее строили в свободное время все сообща, дробя валуны, роя землю в поисках камней, меся хитрый глиняный раствор и лепя глиняные кирпичи с добавлением соломы и пепла. В общем, на ограду пошел весь найденный материал, а сама ограда получилось ну очень немаленькой – сад был огромен. В ограде имелось несколько почти всегда заботливо прикрытых деревянных ворот. За ограду вбегали несколько полноводных ручьев. Сад был открыт ветрам и солнцу.

Давным-давно мудрые предки, живущие опытом прошлых поколений, рассудили, что однажды может случится мор среди растений. Они называли ее боязливо «белой гнилью», «черной слизью», «гниющим корнем» и давали еще немало названий. Саму по себе хворь победить можно – если только она не распространилась по всем землям и поселениям. Поэтому и был создан Запретный Сад, что содержал в себе и изобилии все имевшиеся у них плодовые, ягодные и посевные культуры. Каждый год по весне в саду высаживались десятки новых саженцев, обрабатывались собственные поля, обрезались кустарники, сколачивались новые ульи, рассаживались цветы… в общем, проводились массовые посадки. В течении лета и осенью собирались плоды трудов. Часть отдавались в «малый мир» – как жители Сада называли земли аммнушитов. Часть поедали сами. А часть – лучшую, самую здоровую и крупную – особым образом обрабатывали и убирали на долгое хранение в специальное хранилище, что и было расположено в сердце сада, под теми голыми неприветливыми скалами. Там, в сухости, темноте и прохладе, хранились бережно посевные культуры народа аммнушитов. Отныне им не страшен любой растительный мор, любая растительная болезнь будет побеждена. Придется – уничтожат все больные растения и деревья, вывезут больную почву подальше, а затем на опустевшие сиротливые места посадят новые культуры полученные из Запретного Сада. И эта практика оправдала себя как минимум трижды – после крупных вспышек болезней среди растений.

Откуда взяться болезни?

Так… зверье на лапах принесет или птицы какие забеглые на перьях притащат… или чужаки на сапогах грешных принесут – если не станут как следует омывать тела свои в Серебряном кольцевом ручье, что проложен таким образом, что нигде более не пересекается с другими входящими в Рай ручьями и реками, проходя под ними сквозь трубы каменные. Но из того ручья может напиться зверь, а может и искупаться, после чего затащит заразу в лес и дальше… короче – чужаки во всех бедах виноваты. Хотя бы два раза за последние пять лет так точно – именно после

визита очередной Семерки случилась вспышка белой гнили. А как-то раз чужаки прибыли уже чем-то болеющие и после этого подохло немало свиней, но не один из аммнушитов не заразился. Это вызвало бурную реакцию смиренного народа – праведников мол свинские болезни не затронут.

В любом случае Запретный Сад спасал во всем касательно растений и семян. А еще в Саду были пруды полные здоровой крупной рыбы, имелись птичники. Но не более того – никакого другого зверья в Саду не держали. Ах да – еще были козы. Их вроде как использовали для очистки от мертвой травы на лугах и меж старых деревьев. Ведь коза не зря с глазами столь грешными страшными на свет уродилась – жадная она, жрет все подряд не разбирая, где хорошее, а где плохое. Но на этом все. Разные птицы и рыбы. И козы.

В Саду трудились старые, немощные и покалеченные. Конечно, уходили туда только по собственному желанию. Если не желаешь – то дети и внуки всегда о тебе позаботятся. А ты сколь сможешь сделать полезного – столько и сможешь, никто слова плохого не скажет, если за весь день старик одну ложку деревянную вырежет или всего пару веников сплетет. Их дело седое да покойное. Мирный и долгий закат в окружении любящих родственников.

Но многие предпочитали уйти в Сад.

Почему «уйти»? Потому что назад пути нет. Давно так постановили. И кто-то придумал тех, кто в Запретный Сад ушел и там жить да трудиться стал, называть друидами. Шутника того потом долго искали старшие, но не нашли и накрепко наказали подобных срамных слов не использовать. Не друиды они. А такие же аммнушиты, как и все, но чуть более святы – потому как даже свой светлый жизненный закат решили связать с трудом на благо всей общины. Этим путь в рай открыт гарантировано.

Почему возврата нет из Сада?

А потому как на то он и Запретный Сад. Ведь человек каков? Человек непоседлив, суется куда не надо, трогает что не велено, ковыряет что не попадя, трется, топчется, пробует на вкус, вдыхает, пыль всякую на себя сотрясает… а потом тащит всю заразу к своему дому. Так зараза и расползается – от тех, кто особливо часто любит бродить, гостевать в разных местах и вообще…

Да, можно купаться тщательно, опять же никто не застрахован, что крохотная мышка полевка не наведается в сад и не занесет заразу. Но… береженого как известно бог бережет. Вокруг Сада широкая полоса очищенной от крупных растений земли, трава регулярно скашивается, крупное зверье

останавливается на подходах добровольными патрулями от каждой общины, мелкое зверье по возможности тоже. Ну и молятся все, чтобы с водой в Сад не попало что…

Но пока бог миловал, а Запретный Сад уже не раз и не два спасал народ аммнушитов от великих бед.

Друиды… то есть садовники божьи… трудятся непрестанно, появляются у ворот Сада регулярно, издали общаясь и обмениваясь новостями хорошими и плохими, такие же получая взамен. Свое и кладбище у них – прямо там в Саду.

Ясно… хрен с ним… чужаки тут причем?

А согрешили они тяжко. Настолько тяжко, что даже смиренные аммнушиты смириться… не смогли. Первая из невыпущенных отсюда семерок устроила пьяный погром, налакавшись привезенного с собой адского пойла, сожрав какие-то крохотные штучки, некоторые еще и носом что-то вдыхали, в глаза закапывали, под язык клали и разве что задницами на чем-нибудь смазанный кол не садились. Головы им снесло напрочь. Уважения к аммнушитам не было изначально. Зато с потерей головой появилась нескрываемая похоть. Потянулись к девкам. Когда за них вступились с мирными словами их мужья и отцы… были они жестоко искалечены. Обезбашенные чужаки вдруг решили отрубить им руки. И отрубили, одновременно крича, что так и быть, остальное рубить не станут, чтобы тупые придурки-аммнушиты могли на своих двоих добрести до ближайшего медпункта, где им какая-то Мать пришьет новые.

Кто может пришить руки и ноги?

Раз потерял – все, навеки. Либо мастери крюк на место утерянной руки, либо клещи. А к ноге прилаживай выструганный деревянный чурбачок. Так и живи дале.

В тот страшный день руки потеряли девятнадцать аммнушитов. Еще двое были убиты. Итого двадцать один. Когда же обпившиеся и нажравшиеся страшной дури чужаки отрубились, спешно собравшиеся элдеры решили – этого так спускать нельзя. Бог не простит, коли отпустят они посланников диавола. Убивать тоже, конечно, не след. Так пусть отрабатывают своих грехи тяжкие в Саду Запретном. Всех чужаков заковали в кандалы, каждому, пока они спали, подрезали подколенные сухожилия. Лишили их богомерзких вещей. Заковали негодяев в кандалы. И отправили в Запретный Сад, где их уже встретили предупрежденные мрачные друиды… то есть садовники…

Следующая Семерка ушла по тому же пути – в Сад. Их уже напоили сразу же, гостеприимно предложив особого сидра с добавлением таких трав, что сначала успокаивают, лишают тревоги и ясности ума и только затем убаюкивают. Они заснули в

гостевом «грешном» доме первого поселения, а проснулись уже в Запретном Саду. Дальше процесс пошел по накатанной и, что удивительно, садовники Сада вошли во вкус, прямым текстом заявив, что еще для четырнадцати грешников места хватит!

Сведения эти не скрывались, широко расползшись по всем землям аммнушитов. Каждому было наказано на общем собрании – встреться вам вдруг кто чужой, про события недавние с чужаками связанные, чтобы ни словечка не проронили! Ни единого! Все что не делается – все на благо народа! Пусть плодоносит сад! А плененным чужакам сия доля лишь на пользу – от грехов хоть отчасти отмоются. Переживать же не стоит – что для грешников двадцать потерянных темных душ? Ничто. Никто особо переживать о них не станет. Никто и искать их особо не станет. А вы – молчок. И ведите чужаков к старшим – те уж знают, что предложить охочим до хмеля и разврата гостям…

Выслушав последнюю часть рассказа уже хмельной девчонки, я рассмеялся и покачал головой.

Тупые деревенские…

Поймав недоуменный взгляд девчонок и переставшего копать Стеарда, я сплюнул на чей-то труп и пояснил причину своего веселья.

Никто особо не станет переживать из-за пропавших грешников?

Ну нет. Это важное задание системы и абы кого сюда не пускают. Единичный случай с общей попойкой и последующей бойней это только доказывает. До этого ведь все в норме было. Если кому из деревенских в рожу бородатую били порой… это мелочи. Короче – сюда не наркоманы и алкаши прибывали, а серьезные гоблины, причем гоблины посланные не менее серьезным героем. Таким героем, который за любой промах спросит жестко и дешевых оправдания типа «да самогон паленый попался и кукушку вдруг всем разом отключил…» слушать не станет. Он бошки резать начнет за подставку. Но и за своих бойцов он тоже спросить не забудет.

Это норма. Это правило. Это обязанность.

Я себя праведником не считаю, но, если у меня пропадет семь бойцов разом – я докопаюсь до сути и узнаю, что с ними случилось. Голову положу – но узнаю. Потому что это мои бойцы. Я несу за них ответ. Дальше уже буду разбираться. Если натворили что дерьмовое и их реально за дело покрошили наглухо – ну… не знаю, там уже решение всплывет. А если их просто так – как вторую семерку и последующие – напоили, подрезали сухожилия и, по сути, обратили в рабство ни за что… я тут же вооружусь серпом и начну каждому второму аммнушиту

резать глотку, а каждому третьему яйца. Садовников сраных выкорчую под корень.

На моем месте так поступит почти каждый.

Вывод? Аммнушитов спасает не грешная безразличность, а системная жесткая защита, что не позволяет никому сюда организовывать поисковые отряды. Так бы – давно души повытрясали из здешних и бородатые овечки живо бы показали, где сейчас на коленках ползают их бывшие камрады…

Прервав пьяного подростка, я поднялся и крикнул темноволосому трусу:

– Хватит херней страдать. Поднимай трупы друзей и грузи на лошадей охотников. Рэк. Помогите трусу.

– Я не трус! – даже не спросив какого хрена он зря упражнялся с мотыгой, паренек отбросил инструмент и зло сверкнул глазами – Мы воспитаны так – жить мирно, не отвечать ударом на удар, принимать судьбу смиренно!

– Да ладно?

– Так и есть!

– Тогда какого ж хрена ты уже беспомощного дядюшку Якоба топориком крупно напластал, пацифист? – осведомился я.

– Э…

– Э – кивнул я, растягивая мышцы и морщась – часы в седле сделали свое черное дело, превратив бедренные мышцы в шматы боли. А ведь я просто сидел в седле железного коня, особо даже не стискивая его бока ногами… и скачек безумных не было и в помине… – Вяжи трупы друзей и приторачивай к седлам! Грузи друганов в повозку. Загляни каждому в глаза и прикрой их заодно – и глядя, помни, что в их смерти есть и твоя вина.

– Зачем вы мне это говорите?!

– А ты подумай – зло ухмыльнулся я и повернулся к девчонкам – А вы чего на него так вроде как уже даже обиженно смотрите? Это и вас касается! Свою жизнь надо продавать дорого! Биться за каждый вздох, за каждую секунду! Если не хотите – так оставайтесь в своем мирном затхлом болотце, тихо живите, плодите детишек, старейте, уходите садовничать! И не рвитесь в большой мир!

– Ты очень злой – заметила Амнушка.

– Поднимай раненую сраку и громозди на коня. Знаешь что про это Гавань?

– Да.

– Кто там главный после Якоба, кто был в курсе происходящего…

– Да.

– Поедешь рядом. И будешь рассказывать.

– Вы не тронете мирных и честных, славных и добрых?

– Тебе самогоном голову ушибло?

– Да… но вы не тронете?

– Мне неинтересны мирные и добрые – усмехнулся я, берясь за поводья неживой животины – И мне насрать на честных и славных. А вот про других расскажи, как можно подробней… Бойцы! Живее! И на коней! Мы отправляемся в славное и честное поселение Гавань! Улыбайтесь ширше…

– Будем убивать? – с надеждой спросил орк.

– Не сразу – ощерился я, глядя на мотающую головой помершую «толстосисую» – Не сразу. Посмотрим – вдруг нам предложат сидра…

– Который с наркотой травяной?

– Ага…

– То есть мы вроде как даже и не в курсах… это я для тупого Хвана уточняю.

– Ага.

– Понял. Вразумлю остальных, чтобы улыбались. А трупы?

– Не пыли, орк. Все по ходу дела.

– Понял. Кстати – Хван вылупляться начал. Часик другой – и вылезет гнида страшная…

– Одна хорошая новость за другой – кивнул я, поднимаясь в седло – Пусть поторопит свою костяную жопу.

– Так и передам…

Глава четвертая

Гавань встретила нас… оторопело.

Шесть мрачных всадников вынырнули из леса полностью неожиданно для веселящихся на пасторальном зеленом лужку. Аммнушиты играли в мяч. Веселые добрые возгласы наполняли уши наблюдающих умиротворением – вот она истинная жизненная благодать. Поля колосятся, дети веселятся. Взрослые умильно улыбаются. И при этом добрая половина из них знает, что прямо сейчас, где-то там за деревьями, в укромном темном лесном уголку, насилуют и убивают точно таких же подростков.

Не удивлюсь, если эта громкая публичная забава была устроена с единственной целью – отвлечь внимание общественности от тех, кто ушел ради иной судьбы и от тех, кто пошел за строптивыми.

Недалеко от того поля, что прилегала к поселению, которое я не собирался пока разглядывать, начиналась мощенная камнем дорога – тут вполне могут разъехаться две встречные повозки. Когда мой стальной конь ударил копытом по первому камню, тот даже не шелохнулся, ответив чуть злорадным звоном.

Качественно поработали над дорогами… да и насрать. Меня интересовали живые.

И вот они уже бегут странным аллюром, выставив вперед плечо и вытянув руку. Так боязливые гоблины приближаются, когда боятся, что им могут врезать прямо по харе – потому и прикрываются заранее, открывая тем самым яйца.

– Хех-хех… – именно это сказал подбежавший первым аммнушит, поспешно утирая харю жилеткой.

– Это твое приветствие, гоблин? – зевнул я, с высоты седла оглядывая замершую на поле толпу, катящийся куда-то позабытый мяч, замершую с корзиной белья бабу у ближайшей к нам постройки.

– Добро пожаловать! – очнулся аммнушит, сумевший отдышаться – Вы семеро!

Тут его глаза поочередно пробежались по нашим шести фигурам, чуть задержались на лошади без всадника, груженной сумками и секунд на десять прикипели к лежащему на камнях дороги кокону Хвана прикрытому пыльными тряпками.

– Семеро контролеров – дополнил аммнушит – Мы рады вам гости иноземные! Благодарим, что решили проведать нас! Благодарим что обеспокоились о нас! И еще раз добро пожаловать в наши тихие мирные земли! Позвольте проводить вас к гостевым домам! А женщины тут же начнут готовить славную сытную

трапезу…

Он явно повторял чужие слова. Заученные многократно. Не удивлюсь, если именно этими вот сладкими и явно непривычными для извращенцев-святош словечками поприветствовали предыдущую Семерку перед тем, как напоить их отравленными сидром. Но этот аммнушит, хоть и старался как послушный ученик – из тех, что всегда в любимчиках у учителя, но которых всегда макают головами в унитазы на переменах – хоть он и затвердил речь, актер из него хреновый. Но этого бы вполне хватило для обычных усталых «внешников», что прибыли сюда больше отдохнуть, чем воевать, усыпленные информацией о племени просветленных пацифистов.

– Ты элдер? – улыбнулся я, подаваясь вперед.

Оставшись на месте, мужик чуть не переломился в пояснице, отогнувшись назад, и замотал башкой:

– Нет-нет! Наши старшие… и… и многие из достопочтимых… отбыли по срочному важному делу. Но скоро они вернутся! А я лишь назначен благословением элдера приглядеть в его отсутствие за нашим поселением…

– Их нет… – разочарованно подытожил я – Проклятье…

– Они скоро прибудут! Я знаю, что элдеру надо взглянуть на важные бумаги, прежде чем вы сможете продолжить свой путь дальше… Следуйте за мной, дорогие гости! Я покажу достаточно уютные покои, где вы сможете омыть натруженные тела и…

– Бумаги? Да срал я на бумаги. Элдер ведь тут у вас вроде как законника? Судья?

– В-верно…

– Вот мы и хотели предъявить ему кое-каких ублюдков. И потребовать награды – ведь мы, вовсю напрягая натруженные булки, остановили преступление не где-то там, а здесь – в вашем гребаном Раю. Мы помогли вам. И разве с вас овечек сирых не причитается теперь?

– Преступление у нас? – впервые на его губах появилась искренняя широченная улыбка.

Аммнушит, позабыв про неуверенность и страх, а также, наверное, про скромность и благочестие, открыто веселился.

– Мы в Раю… тут нет подобных грешников! Никто не украдет! Никто…

– Не изнасилует и не убьет? – улыбнулся я в его же манере и кивнул Рэку после чего резко повысил громкость голос, одновременно меняя его, превращая в хриплый грозный рык – Странно мать вашу! Странно! А мы тут едем не спеша, красотами райскими любуемся и вдруг смотрим – в кустах шевелится. Заглядываем – а там голожопые насильники подростков трахают,

пытают, убивают, да еще – вот ведь сука умельцы! – назидательные проповеди им читают!

– А… а… – он уже все понял, но еще не понял, что уже все понял.

Что-то в его аккуратно подстриженной башке не срасталось. Это же происходило с еще несколькими подошедшими поближе зрелыми и в возрасте мужиками. Они доперли. Они поняли, кого мы там видели, но все еще отказывались верить в такую подляну…

– Ну само собой мы порезали этих ублюдков на куски – моя добрая улыбка заставила главного среди аммнушитов отступить на пару шагов и снова прикрыться руками – Мы их жестоко пытали – предельно жестоко! – а затем медленно перерезали их хрипящие глотки. Головы ублюдков мы доставили сюда – на суд мудрого доброго элдера, что, несомненно, осудит подобные преступления.

Рэк дернул за веревку на горловине мешка и на дорогу посыпались отрубленные головы. Котлета повторила фокус и добавила новых мячей в веселую детскую игру. Да еще и ласково улыбнулась замершей на краю зеленого поля девке, к чьим ногам подкатилась одна из голов:

– Сюда обратно не пихнешь?

Согнувшись, девка оросила все перед собой фонтаном рвоты, на миг породив радугу – на которую сама завороженно и уставилась.

Еще пару голов орк намеренно пустил по дороге так, чтобы они подкатились поближе к мужикам. Почти уткнувшись в сапог старшего, голова дядюшки Якоба, дохлого элдера, задрала мертвое лицо к облакам и радостно оскалилась, сжимая в зубах собственный член. Идея украсить подарки пришла в мой светлый разум, а выполнять ее пришлось Стейку и Котлете, для чего они ненадолго вернулись на место бойни.

– А-а-а-а… – прохрипел аммнушит.

Сделав шаг назад, он запнулся, хлопнулся на жопу и пополз, скребя сапогами по дороге и не отрывая взгляда от отрезанных голов.

– Вот они – насильники! – прогремел я, спрыгивая с седла и выдергивая из-под ремней дробовик – Так что преступления в вашем раю случаются… и ведь одежда на них была – как у вас! И вот что поразительно – когда мы, возмутившись подобным гадством, пихали сосну в жопу вот этого – я указал на голову Якоба – он, хрипя, булькая и отвратно брызгая изо всех дыр, почему вдруг возомнил себя элдером поселения Гавань… представляете наглость? Он – ублюдок и насильник –

достопочтимый старейшина! Прямо порочил вас! Грязью и жопной слизью обмазывал! Само собой мы возмутились и махом пихнули сосну еще глубже… чтобы ароматом хвои перебить запах дерьма!

– А-а-а…

Блевали уже многие. Кто-то убегал. Некоторые, кто покрепче духом, поспешно уводили прочь детей. Хлопали двери и ворота. Где-то заголосили. Праздничное украшенное поле стремительно пустело.

– Я… я… – слепо мотая головой, аммнушит все куда-то полз, стирая жопу о отлично выложенную дорогу, бегущую меж зеленых лугов и полей.

Я добро успокаивающе улыбнулся:

– Не знаешь ли ты кем были эти ублюдки? Не из вашего ли они поселения?

Ответом был молчание. Даже те, кто блевал, вдруг резко сумели преодолеть слабость гоблинских организмов и замерли в согбенных позах или на коленях, погрузившись в глубочайшую задумчивость и глядя на мертвые лица.

– Ну? – надавил я, наклоняясь к старшему из ушлепков – Гоблин! Ты узнал их лица? Может вытащить члены из их ртов?

– Я…

– Да-да?

– Я не… мы не…

– Мы их не знаем! – решительно брякнул согбенный дедуля с толстой тростью в руке и злым подлым огоньком в глазах – Мы не знаем!

– Открестились – звонко рассмеялась Джоранн и, вскинув дробовик, прострелила в дедушкиной груди дыру – Лживый старпер!

Крики и вопли поднялись до небес. Я, раскачиваясь с пяток на носки, чуть подождал и махнул рукой, продолжая с интересом разглядывать попадавших на колени аммнушитов, кричащих вдалеке баб, вопящих детишек. Детишки… они так переживают… многие из них – кто постарше – поглядывают на нас отнюдь не со смирением и в руках сжимают не фрукты для даров, а дубины и топоры. И ведь они – эти двенадцатилетки – не знают, что однажды придет время, когда они смогут выбрать свою судьбу. И если они выберут свободу – за ними в лес явятся такие вот смиренные сука старики и мужики, что изнасилуют их, расчленят, разбросают по окрестным лесам, а затем начнут повторять сказки про злых волков, что пожирают строптивцев…

В ответ на взмах моей руки из-за поворота тропы и прикрывающих ее изгиб деревьев выкатилась повозка. В ней

сидели выжившие подростки-аммнушиты. Вернее, они стояли во весь рост, глядя на поселение с нескрываемой злобой.

– Вы послали нас на смерть! – яростно донеслось с приближающейся повозки – Вы послали нас на смерть!

Сколько трагизма… неужели, и я в свои пятнадцать-шестнадцать жил настолько эмоциональной жизнью и считал, что кому-то есть до меня дело в этом сраном злобном мире? Вряд ли…

– Вы тупые – вздохнул я, нагибаясь и хватая оставленного за старшего в поселении за шиворот, легко подтягивая к себе – Вы невероятно тупые. Я же сказал – мы увидели, как они трахают и убивают. Ты должен был спросить, дебил – а вы спасли кого-нибудь? Понимаешь?

В его глазах я не увидел понимания. Поэтому, тяжко вздохнув, боднул его шлемом в переносицу, отбросил обеспамятевшее дерьмо в сторону и повернулся к одному из здешних, что привлек мое внимание своей молчаливостью и задумчивостью. Он тоже был испуган. Очень испуган. Но при этом в его глазах одна за другой мелькали эмоции. Он напряженно думал, пытаясь найти выход из этой дерьмовой ситуации. Причем думал он не только за себя – иначе бы давно тихонько убежал. Он пытался понять, как ему сделать так, чтобы разъяренные чужаки не разнесли все поселение.

Я поманил его пальцем. Он, шатнувшись вперед, заставил непослушные ноги сделать пару шагов. Демонстративно вытянул руки по швам. Замер. Лицо серьезное, нет тупой улыбки, нет слез, нет следов блевоты вокруг рта.

– Я говорю – ты делаешь – предложил я.

Он кивнул.

– Вы тут сука натворили гребаных дел. Устроители охоты на юных гоблинов…

– Я всегда был против – он впервые нарушил тишину – Пусть бы уходили в большой мир. Но не я решал…

– Так убил бы нахер всех ублюдков и установил добрую карательную диктатуру…

– Я не такой… сильный и решительный…

– Ну да. Слушай сюда, слабый и нерешительный. У вас у всех есть пять часов. Когда я говорю про вас всех – это про весь народ аммнушитов. Ты понял?

– Да.

– Через пять часов здесь должны быть все элдеры без исключения. Все до одного из этих старых ублюдков! Они ведь отцы нации, нет? Разве отец нации не должен быть готов пожертвовать собой ради народа? Вместе с элдерами пусть

прибудут все приближенное к власти старичье. Таких в каждом из ваших поселений около пяти. Бесполезно пытаться скрыть кого-то – те выжившие уже назвали мне кучу имен. Вы ведь здесь живете дружно. Ни у кого нет секретов. Знаете каждое имя…

– Я все понял. Пять часов. Все элдеры и все причастное к власти старичье.

– Ты удивительно спокоен…

– Я пытаюсь сделать так, чтобы вы не начали убивать и поджигать…

– Хорошо. Но это еще не все. Так же сюда должны прибыть все, кто хотя бы раз принимал участие в охоте за детьми. Каждый из этих ублюдков. И передайте им – они сдохнут. Элдеры, кстати, тоже умрут. Знаешь, я просто гоблин из жопы мира и мне на многое плевать. Да если честно, мне плевать вообще почти на все. Но я ненавижу, когда кто-то насилует и убивает детей. Может это остатки какого-то давно ненужного отцовского инстинкта? Как думаешь?

– Я… я не знаю… о боже… вы предлагаете мне позвать их всех на смерть? И заранее сообщить об этом?

– Ага – ощерился я – Каждого сука! Предупредить! И дать пять часов! Если не явятся за этот срок в полном составе – я уничтожу ваш сраный рай! Я перестреляю все взрослое население! Выведу отсюда всех детей! И там, на границе ваших земель, я сообщу системе, что на территории Рая Обетованного загоняют, насилуют и убивают ни в чем неповинных детей! И в доказательство своих слов заброшу на допрос в ближайший медблок всех выживших. С их же помощью отыщу пару ублюдков-насильников, что еще дышат и дрожат – и туда же их! На допрос! Они расскажут все! Признаются во всем! И это будет означать для вас ваш личный сука Конец Света! Вашему Раю придет конец! Сюда войдут такие как я. Они разыщут остатки взрослого населения и отправят на допросы. Всех причастных накажут. Всех детей заберут. А тех аммнушитов, кто не совершил ничего плохого, просто стерилизуют. А нахрена вам возможность плодить детей, если вы их так легко пускаете на убой?

– Боже…

– Те, кто годами убивал и насиловал, должны ответить за свои грехи. В назидание потомкам. Если хотят спасти свой Рай, свой народ – пусть явятся. Тем самым они и вам докажут свою верность принципам. У тебя пять часов! И время уже пошло! Вперед!

– Да!

– Быстро!

– Да!

Но аммнушит, потрясенный и одновременно завороженный, не мог двинуться с места.

И тут, с оглушительным треском и волной смрада, кокон Хвана треснул, отлетели в сторону грязные тряпки, шипастая нога проломила хитиновую оболочку, следом вылезла рука, пробивая тугую багровую слизь. Сквозь бульканье и хрипы послышался знакомый голос:

– Дерьмо липкое! В каждой щели! Сука!

С этими словами боевой призм выпрямился во весь рост, с ревом ударил руками, разбивая опустевший кокон.

– Хванчик! – обрадованно пискнула Джоранн, бросаясь на богомола и присасываясь к его жвалам.

– Клешня на жопе – завистливо проревел Рэк, поворачиваясь ко мне – Почему им – все, а нам ничего?! Клешня на жопе, командир!

– Хвост с клешней – поправил я, задумчиво почесывая подбородок – А ничо так… и остального… прибавилось…

Я мельком бросил взгляд через плечо и усмехнулся – вокруг нас никого. Ни единого аммнушита. Только медленно оседают облачка пыли на дорогу.

– А в Сад сраный пойдем, командир? – поинтересовался Стейк.

– А нахрена? – пожал я плечами.

– Ну… пленники же там… редиску моют, брюкву лижут…

– Они герои. Вот пусть и бьются за свою свободу!

– Ну да…

– Хотя я пока не решил – признался я, оглядывая окрестности – Джоранн! Хватит слизь всасывать! Собираем головы! Вешаем в гирлянды на повозку! Топаем в поселение. Заселяемся. Чистимся, готовим пожрать – только из своего! Ждем…

– Думаешь они придут? – прохрипел Рэк – Элдеры эти… и прочая труха…

– У них нет выбора.

– Ну как… возьмут и не придут. Спрячутся в лесах.

– Пусть – кивнул я – Рэк… они годами отстаивали свои принципы. Если они сейчас отступятся от этого и не захотят принести себя в жертву ради общего блага…

– Это политическое самоубийство – буркнула рыжая, утирая рот.

– И физическое – добавил я – Представь что ты отец, чью дочь он убил и пояснил это как действо во имя всеобщего блага. И вот пришло время ему самому подставлять морщинистую жопу под удар топора – во имя того же сраного всеобщего блага. А он раз… и отказался… испугался… не захотел умирать ради других… что

ты сделаешь, Рэк?

– Да я бы с самого начала свою дочь не отдал! Это моя дочь! Убью нахрен любого! И срать я хотел на их слова!

– Тоже верно – пожал я плечами и снова перевел взгляд на Хвана – Хм-м-м-м…

Не сказать, что призм изменился полностью. Нахлынувшая вторая волна эволюции оставили после себя что-то вроде «грязной пены», осевшей на некоторых частях тела. Первое что бросалось в глаза – жвала. Они стали длиннее и массивней. Вполне верилось, что подобными лицевыми клешнями можно было сломать кость. Чуть массивней и лобастей стала и голова, на выгнутой плите лба появился десяток мелких острых шипов. Если боднуть в чью-то не прикрытую защитой харю… Шипы выросли и на плечах – там они были и до этого, но теперь там громоздился целый уродливый частокол. Выросшая заново рука оказалась чуть тоньше, но при этом куда более бронированной и шипастой, став окончательно походить на лапу насекомого. Хван беспрестанно сгибал и разгибал новую руку, сжимал и разжимал пальцы, тестируя новое приобретение. Опять прильнувшая к нему рыжая завороженно наблюдала за этими манипуляциями. В паре шагов привстал из высокой травы позабытый всеми дедок, сгреб с земли шапку, развернулся… и его вмиг вытянувшаяся седобородая харя оказалась в метре от уродливой бронированной спины призма. Богомол повернул башку на шум – почти вывернув ее назад, но не двинув при этом телом. Щелкнул жвалами. Дедушка тонко и протяжно заскулил, на синих праздничных штанах начало расплываться темное пятно.

– А ты, дед… тоже детишек в лесу мучал и трахал? – с интересом спросил я, глядя на перепуганного старика – Или не пачкался?

– Грешники они… наказание такое – лишь во благо им душам строптивостью запятнанным… – машинально выдал старик, явно не соображая, что именно произносят его дрожащие губы – Лгать грешно. Но не упомню сколько раз ходили мы с почившим уж братом в погоню… сколько раз мы настигали беглецов, ловили, прижимали к земле их бьющиеся тела… Как сейчас помню… я ей – покайся и прими это как очищение… легче будет…

– Хером мясным от грехов очищать? – хмыкнул я – Хван… убей…

Призм шевельнул плечом, но повернуться не успел – растущий из поясницы хвост резко дернулся, щелкнул клешней… и забулькав, старик начал оседать, зажимая ладонью покрасневшую от крови шею.

– Гирлянды готовы!

– Вперед! – рявкнул я и глянул на хвост неуверенно зашагавшего по дороге призма повнимательней.

Длинный, чем-то похожий на затянутую в кожу толстенную цепь хвост – видны частые сегменты-звенья. Не слишком длинный – метр с небольшим. При ходьбе, хвост то свисает, то вдруг поднимается и удивительно легко приникает к позвоночнику, помещая сомкнутую клешню под затылком. Окровавленная клешня выглядит как надо – зазубрины, толстый хитин, уродливый пугающий внешний вид. Взмахни такой перед лицом перепуганного доброса – и тот отдаст все что имеет, расскажет все, что знает. Аммнушит так не только обоссался, но и обделался, судя по запашку.

– Кирасу и прочую снарягу под тебя снова придется переделывать – заключил я.

– Ага – кивнул Хван, начав шагать чуть уверенней – Джоранн… я в норме… мой рюкзачище где? Хочу нагрузки… Командир!

– Да?

– Уже можно заново познавать себя? Прыгать там, ползти, сгибаться…

– Само собой – с одобрением кивнул я, глядя на приближающееся поселение и не обращая внимания на поскрипывающую рядом повозку с молодыми аммнушитами, напряженно вглядывающимися в бывший отчий дом.

Мне сейчас не до них.

Беспрепятственно войдя в поселение, мы прошли короткой улочкой и оказались на аккуратно прямоугольной площади, мощенной серой камнем. Со всех сторон фасады домов, окна плотно закрыты ставнями, двери захлопнуты, равно как и калитки – перед каждым домом небольшой клочок земли, огороженный невысоким забором и усаженный цветами. Цветущие растения взбираются по стенам домом, накрывают собой крыши, образуют ажурные благоухающие арки над боковыми улочками, покрывают собой большие навесы, под которыми полным-полно столов, лавок и жратвы. Ясно… Именно сюда должно было прийти наигравшееся на поле в мяч стадо пацифистов, чтобы рассевшись по лавкам, пожрать от пуза вкуснятины. А вон там груды каких-то ярко окрашенных палок, еще мячи, обручи… видимо, веселые игрища планировались до глубокой ночи. Ну да. Надо же поскорее выбить из голов молодежи воспоминания об ушедших в лес подростках посмевших выбрать для себя иной жизненный путь.

Но не могу не признать – это такое пасторальное с виду поселение действительно может показаться кому-то раем.

Поэтому я и пнул разинувшего рот Стейка под колено, что посвятил аж несколько минут своей жизни на завороженное разглядывание тщательно взращенных благоухающих красот. Охнув, тот рухнул, тут же заученно перекатился и подскочил, уронив руку на оружие. Поняв, кто именно его пнул, убрал лапу и уставился на меня с вопрошающим недоумением.

– Как только в башке появляется мысль – вот бы мне такой дом, красивую пухлую женушку и стайку детишек… – волк умирает, рождается буйвол. Знаешь разницу между этими двумя зверьми?

– Э-э-э… волк ест мясо, а буйвол траву жует?

– Буйвол убивает только защищая себя или стадо. Волк убивает постоянно и не задумывается о причине. Понял меня?

– Да!

– Что ты понял?

– Что не хочу быть Стейком! Ведь это как кусок жопы буйвола которого завалили волка…

– Ты учишься – одобрительно кивнул я – Заслужи другое имя.

– Да! Но вообще меня зовут…

– Заслужи другое имя.

– Все понял, лид! В жопу рай, подайте ад! С волками жить – людей крошить!

Поморщившись, я махнул ему в сторону повозки и велел помочь сразу со всем – с разгрузкой, с едой и прочим. Нас слишком мало, чтобы я мог назначить каждому бойцу одно дело. Заставлять же своих ветеранов заниматься готовкой я не собирался – мирные тут пацифисты или нет, но это их земли, их родина. Даже червь попытается укусить, если на него наступить. А мы не только прошлись по ним подкованными сталью ботинками и копытами, но еще и выдвинули нехилый такой ультиматум. Мы подобны демонам явившимся прямо из ада… и фальшивые праведники обязательно попытаются вернуть нас назад.

– Лид?

– Не расслабляйся, орк – произнес я и кивнул на крыши – Ушастого и Котлету на крышу. Пусть залягут пятками друг к другу и наблюдают за крышами и улочками.

– Что сделают эти тупые ушлепки? – орк поморщился даже с некоторым разочарованием – Они тронутые! Вялые уроды! Только и умеют что молиться, ничего при этом не делая!

– Согласен – кивнул я.

– Они же перепахали тут все вокруг – заметила Джоранн, пытающаяся что-то выковырять ножом из щели в броне Хвана – Тут даже ландшафт изменен.

– Это сделали не они – рыкнул орк.

– Их предки – пахали – продолжил я – А эти слизни просто живут по однажды составленному сборнику правил с четко прописанным распорядком бытия. Пахать землю тогда-то, сеять пшеницу тогда-то, собирать ягоды и грибы тогда-то, насиловать и убивать грешных подростков тогда-то, сладко петь в молельнях – тогда-то. Рэк?

– Бегу.

Передав мои приказы, Рэк повернулся и изумленно разинул пасть. Я, глядя на обрамленный пышными белыми цветами выход из переулка, понимающе усмехнулся. Не каждый день такое увидишь… и услышишь…

– Проклятые грешники! Осквернители! Убийцы! – вопил бегущий на нас мужик в шлеме с опущенным забралом, крайне неумело держащий перед собой дробовик. Нас разделяло шагов тридцать, но вопящий дебил быстро сокращал это расстояние, несясь по камню площади.

Это его и сгубило. Мостовая – не бетон. Брусчатка – не бетон. Тут надо ноги повыше задираться, чтобы не запнуться…

На очередном шаге гроза грешников споткнулся, начал заваливаться и… дернул за спусковой крючок, на наших глазах превратив свою правую ногу в кусок рваного мяса.

– А-А-А-А-А! – рухнув, начав кататься по камню, гулко ударяясь о него шлемом, кричащий грешник выглядел…

Я заржал. Глядя на истекающего кровью придурка, я хохотал, понимая, что реагирую слишком эмоционально и понимая, что одна из причин этому – приближающийся флешбэк. Опять подкатило это полузабытое чувство надвигающегося беспамятства, напичканного кусками рваных воспоминаний. Но пока я держался.

– Что ж вы смеетесь, ироды?! – пронзительно завизжала выскочившая из того же переулка женщина, бросаясь на колени рядом с раненым – Он же человек! Он ранен тяжко! Кровью истекает! А вы смеетесь! Надо помочь!

– Рэк…

– Да…

– Если через десять секунд этот крикун будет все еще здесь – прострели ему вторую ногу.

– С радостью! – оскалился Рэк и тут же заорал – Эй шлюха благочестивая! Напряги жопу, заткни пасть и тащи своего мужа или тупого сынка туда, откуда он вылез – в жопу! Считаю до пяти – потом стреляю ему в тупую башку!

– Что ты такое…

– Пять! Четыре!

– Боже! Боже! – вцепившись в руку раненого, женщина поднапряглась и с удивительной скоростью и силой поволокла его в переулок. Во временной лимит они уложились, скрывшись за забором. Следом хлопнула где-то там калитка и все затихло секунд на пять.

Очередной протяжный вопль – мышиный боевой крик, походу – дрожащий и слишком уж тонкий, донесся из следующей улочке.

– С топором – буркнул Тигр, успевший залечь на краю крыши и ласково поглаживающий лежащую рядом винтовку – А за ним молча бежит еще один пацифист – с дробовиком в левой руке и вилами в правой. Можно я…

– Ни в чем себе не отказывай – повел я рукой, другой снимая с пояса флягу с водой.

Щелкнул выстрел. Тут же с улицы заорали. Вдруг затихли. И снова резкое дрожащее «А-а-а-а-а!», на этот раз наполненное куда большим ужасом и удивлением. А следом и вовсе фееричное:

– Пули грешников рождают адскую сталь! Адскую сталь в чреслах наших порождают! Адскую сталь! Матерь моя! Отец моя! Адскую жгучую сталь родят в чревах и чреслах наших! Семя их грешное! Семя проклятое вошло в меня и породило… породило! Боже!

И снова тишина на пару секунд. А потом крик, принадлежащий уже другому:

– Что сотворил я?! Что сотворил с задом его?! Что сделал я с задом ближнего своего?!

Не дожидаясь вопросов, фыркающий от смеха зверолюд, перезаряжая винтовку, пояснил:

– Стрелял в живот. Попал ниже. Он от огорчения резко встал. А бегущий следом с вилами – нет. И с размаху всадил ему вилы в задницу – под таким углом, что все три зубы вылезли с того места, куда ушла пуля. Вот он и решил…

– Что пуля расцвела в его животе… подстрели второго крикуна. Но не убивай. Рань так, чтобы мучился.

– Живот или яйца?

– Как вариант. Больше раненых – больше забот с ними, больше страха, меньше желания нападать на грешников. Наблюдение вести постоянно! А я чуток отдохну…

– Есть, лид!

– Всем! У них есть не только дробовики и вилы! Найдутся и винтовки – с прошлых Семерок взятые. Могут сыскать револьверы или даже пистолеты! А может что-то автоматическое и компактное, что легко можно скрыть в штанах, подойти вплотную и всадить в упор очередь в того из придурков-героев, кто возомнил себя слишком крутым. Не расслабляться, короче. Броню

не снимать. Забрала не поднимать – чтобы харей свинцового шершня не словить. Никого к себе не подпускать!

– Есть!

– Автоматическое и компактное в штанах? То есть скорострельное и маленькое? – прогудел Рэк, озирая притихшие дома – Ха! Я так и думал! Ушлепки тупые! Кролики сраные! Еще одна падла сюда явится с оружием – всех нахер вырежем под корень!

Щелкнул еще один выстрел. С улицы донесся второй крик, что перерос в стон настоящей муки, а затем и вовсе затих.

Приткнувшись у стены, так, чтобы меня прикрывала повозка с одной стороны и поленница с другой, я затих, стремительно отключаясь.

Изоцитрат алого лайма…

А в кармане есть и еще кое-что прорекламированное Лео Сквалыгой. Я получил это в качестве аванса, но использовать все сразу пока не решил – погляжу, чем обернется этот флэш…

Деловито работая тяжелым молотком, он умело прибивал картину к стене старого кирпичного дома. Эти тесно стоящие муниципальные коробки «уютно социальное жилье эконом-класса» были предельно тесно понастроены там, где некогда была пустынная возвышенность, что теперь превратилась во влажное душное побережье. Море шумело в тридцати метрах. И с каждым днем он подходило все ближе. Очень скоро тут все уйдет под воду и десятки тысяч нищебродов превратятся в бродяг. А следом лишатся социальной помощи и регулярных правительственных поставок дронами – кое-какие лекарства, пищевые пайки, немного витаминов, чтобы дети росли не совсем уж уродами без овощей и фруктов. А еще клетчатка. Центнеры клетчатки поставляло заботливое правительство – ведь надо чтобы дерьмо двигалось по кишечнику, а не кисло там бездвижно, порождая гнилостные нездоровые последствия. Но откуда взяться дерьму в кишечнике, если большинство жителей этого прибрежного городка жрут не чаще раза в день?

Бесшумно спустившись с влажной крыши, я прислонился к стене шагах в пяти от широкой и некогда мускулистой, а теперь просто мясистой спины этого тяжеловеса с молотком. Спуск с крыши мог и не быть таким бесшумным, я действовал по намертво въевшейся привычке, хотя знал, что равномерный стук молотка служит надежной звуковой маскировкой всем моим движениям.

Как необычно для серийного убийцы – пользоваться таким шумным инструментом и действовать так спокойно и неторопливо.

Приколоченная стальными штырями к стене мертвая обнаженная женщина была лет сорока. Отвислый дряблый живот и полные тяжелые груди с отсосанными ребятней огромными сосками подрагивали при каждом ударе молотка. Голова уже не шевелилась – вошедший в левый глаз штырь пробил затылок и закрепил череп на стене под таким углом, что казалось, будто труп смотрит в небо. Руки раскинуты и приподняты. Ноги широко – слишком широко раздвинуты. Над телом едва светится почти умерший светодиодный светильник. В этом городке много таких почти умерших огоньков.

Забив последний штырь, тяжеловес решил передохнуть. Я ему не мешал, продолжая с интересом наблюдать, как он, тяжело дыша и похрюкивая, разминая поясницу и бицепс, убирает молоток в петлю на поясе, достает из нагрудного кармана какой-то листок, подсвечивая себе крохотным фонариком вчитывается, что-то бубнит, сопит, в несколько жадных глотков выпивает остатки из бутылки. К зловонию этого места добавился запах самогона. Я продолжал терпеливо ждать. Закончив чтение и переведя дух, мужчина достал новый предмет из поясной сумки. Им оказался распылитель с белой краской – им он щедро прошелся по стенам под мертвыми руками, предельно неумело нарисовав раскинутые ангельские крылья с печально обвисшими перьями. Убрав распылитель, он вытащил из ножен кукри, с силой полоснул по животу приколоченной женщины, вспарывая его и вываливая наружу всю требуху, что, повисла огромным багрово-черным комом. Тяжело сглатывая, ругаясь, отфыркиваясь и явно с огромным трудом сдерживая рвоту, тяжеловес кончиком лезвия подправил кровавый ком, из нагрудного кармана доставил еще несколько предметов – я знал, что именно – и, повозившись с требухой, поспешно и облегченно отступил, прижался плечом к стене, взирая на сотворенный им и подсвеченный умирающим светильником шедевр.

На стене, раскинув руки и крылья, висел мертвый выпотрошенный ангел. В вывалленную требуху было глубоко вонзено несколько нарочито толстых и ярко-оранжевых коктейльных соломинок и пять столь же ярких коктейльных зонтиков.

– Господи – пробулькал тяжеловес и поспешно зажал себе рот ладонью – Окх… Гошпади…

– Ты очень удивительный серийный убийца, Рана Джанг – заметил я, не двигаясь со своей позиции – Очень удивительный… и явно не любящий свое нелегкое дело…

– Господи! – подпрыгнул тяжеловес, рывком оборачиваясь ко мне – Хрень сучья!

Разглядев меня – я стащил прикрывающую лицо полумаску и подался вперед, чуть отлипая от прекрасно скрывающей меня стены, чей рыже-буро-зеленый оттенок идеально подходил под настройки моего умной одежды – Рана Джанг, угрюмый твердолобый исполнительный великан, захлопнул пасть и замер. Только его ручищи его еще двигались, медленно отодвигаясь от пояса с оружием. Растопыренные пальцы ясно показывали – в нас ничего нет.

– Обычно серийники кайфуют от своего занятия – продолжил я, возвращая полумаску на место, чтобы отфильтровать скопившийся в узком переулке смрад – А ты как-то наоборот… Давай начистоту, ушлепок. Это ты тот самый страшный Энджел Риппер, или как там тебя прозвали местные и пресса? Ты тот, кто погрузил этот сраный городок в ужас, воруя женщин прямо из их спален? И это заставило мужиков сидеть дома, заставило их забросить срочную и крайне важную контрактную работу… что в свою очередь заставило могущественную корпорацию нанять меня… а дети? Их убил тоже ты? Ты сотворил с малышами ту гребаную кровавую жуть?

– Я не трогаю детей! Никогда! Никогда! Только баб полосовал! Да и то – разве ж это бабы? Шлюхи! Дешевые шлюхи, что отсосут тебе за сигарету или глоток бурбона! Зачем таким жить?

– Ну да… так это все же ты – Потрошитель Ангелов? – спросил я, делая пару шагов от стены в сторону хрипящего и хрюкающего тяжеловеса, что некогда был силачом, но превратился в жирного борова, еще сохранившего остатки былой мощи.

– Все… сложно… – просипел Рана Джанг, срывая с пояса небольшой серебристый предмет и швыряя в мою сторону. Следом он прыгнул сам, выставив перед собой окровавленный кукри…

– Охренеть – выдохнул я и меня тут же скрутило в позыве рвоты.

С огромным трудом удержав пищу в желудке, я чуть постоял на карачках, затем медленно выпрямился и, выпивая остатки воды из фляги, повторил – Охренеть…

Я помнил только что посетивший меня флешбэк. Помнил! Пусть не полностью, но теперь это не было мешаниной вырванных непонятно откуда обрывков. Более того – я вспомнил всю ту мрачную и страшную историю на островке-городе. Вспомнил с момента как я туда попал и чем все закончилось. Провалы имелись, но… я чувствовал, что там нет ничего особенного в этих потерях.

Стоя неподвижно, я поспешно прогонял воспоминание в голове раз за разом, стараясь запечатлеть их в сознании, чтобы не забыть вдруг снова. Поймав себя на опасном сейчас движении, я заставил руку убраться от кармана с пакетиком «слез». Не сейчас. Но позднее – обязательно. Вместе с той рекомендованной таблеткой…

– Мертвые Дьяволята – прошептал я, мысленно читая всплывший перед глазами газетный заголовок.

С него все началось – со звонка, с огромной наградной суммы, с просьбы поторопиться в обмен на шикарные бонусы за спешку, с жалких крупиц информации и огромных полномочий…

Я помнил. В тот раз я провел расследование в своем излюбленном стиле – быстро и беспощадно.

И бросившийся на меня с загнутым тесаком Рана Джанг не солгал – там все оказалось очень и очень сложно…

– Что я пропустил? – мой вопрос был адресован Хвану, что застыл в довольно странной позе неподалеку, явно охраняя отрубившегося командира.

Странность была в том, что он сидел, использовав в качестве опоры собственный хвост, уткнув клешню в землю. Призм даже ноги скрестил, чувствуя себя вполне удобно. Немигающие глаза не отрывались от новых когтистых пальцев, что поместились на новой руке в странноватом вырезе костяного лезвия. Это как из лезвия тесака выпилить прямоугольный кусок и поместить внутрь лезвия. Когда Хван выпрямлял и смыкал пальцы, лезвие становилось сплошным.

– Боец – напомнил я нахальной гниде о своем присутствии.

Очнувшись, призм тряхнул уродливой башкой и радостно заявил:

– Снова могу взять в руку кружку с кофе!

– Это достижение – кивнул я – А висеть на пальцах можешь?

– Да! Хват Хвана держит! Уже пробовал. И даже подтянулся.

– На одной руке?

– Ага.

– Сколько раз?

– Но сорок восьмом надоело и считать, и подтягиваться.

– Ясно. Что я пропустил?

– Одну атаку. Одиннадцать местных неумело обрядившихся в броню и увешавшихся оружием. Огнестрел. Мы всех шутя положили. Джоранн посчитала общее количество трофейных пушек. Если брать по револьверу и винтовке или револьверу и дробовику на одно геройское рыло – мы заполучили оружие где-то пятнадцати героев. Так что местных мы чуток разоружили. Уже легче.

Чуть подумав, я покачал головой:

– Расслабляться не стоит.

– Согласен.

– Что еще?

– Из добычи? Плюс одиннадцать комплектов брони – кирасы, шлемы, разгрузки, ботинки и даже рюкзаки, в которые они… ты будешь смеяться, командир.

– Ну?

– В рюкзаки они до отказа напихали полотняные бинты, травяные мази, нити и иглы для шитья ран. Нахрена?! Такое впечатление, будто они собирались этими бинтами и мазями прямо во время боя лечиться. Замотал рану бинтиком со святой мазью – и рана закрылась! Ура-а-а! О! Еще у них были тряпичные полоски с текстами вроде как молитв… а это зачем? И на кой черт за ними бежали безоружные придурки громко выкрикивающие эти самые молитвы и заодно пытающиеся проклясть нас? Бред! Бред! Гнида-бред! Они все тут сгнившие! В головах гной и дерьмо!

– Что-то ты больно весел?

– У меня снова есть пальцы, командир! Вроде мелочь – а жопу почесать приятно!

– Это повод – признал я весомость его довода – Готовься принимать личный десяток бойцов, гнида. И десяток будет смешанным. Трое-четверо гоблинов, остальные – мрачные уроды вроде тебя.

– Понял.

– Твой авторитет в десятке должен быть абсолютным.

– Понял.

– Нет – покачал я головой – Нихрена ты не понял, гнида. Когда я говорю про абсолютный авторитет…

– Я понял, командир! – перебил меня Хван – И это легко.

– Да ну?

– Я просто буду копировать тебя. Много издевательств, боли и снова боли. И капля похвалы раз в семь дней и то не каждому – чтобы остальные от зависти подыхали.

– Почти уловил – одобрительно кивнул я и покосился на «табуретку» гниды – Удобно?

– Болеем чем! Прямо многофункциональная штука! А еще вот…

Встав, гнида повернулся ко мне жопой и вытянул хвост по направлению ко мне, разжал клешню. Чуть крутнул клешней… и из нее сантиметров на пять вылез достаточно толстый хитиновый шип, из которого, в свою очередь, вытекла тягучая желтоватая капля какой жижи.

– Стряхнуть забыл после сортира? – поинтересовался я, с интересом разглядывая действительно шикарную штуку. Даже позавидовал.

Оценив мою шутку, призм клацнул жвалами – но одной жвале появилась нарисованная красная улыбчивая рожица – и втянул шип обратно в клешню:

– Классная хрень! Думаю, это яд. Испробовать бы.

– А что на придурках пацифистах не протестировал?

– А я минуты три назад сам узнал. И вот что еще…

– Да?

– Я ведь как узнал про скрывающийся в хвосте шип – мне будто подсказал кто – немигающие глаза призма уставились на меня – Кто-то сидящий внутри меня. Ну тот… второй…

– Насекомое?

– Ага. Как тот без слов она дала мне знать про шип… и я даже понял как именно чуть подкрутить полураскрытую клешню перед ударом, чтобы шип выскочил наружу…

– Она?

– Она! – уверенно кивнул Хван – Костяная прожорливая тупая сучка, что живет во мне. Я зову ее Клашей.

– Не говори Джоранн – хмыкнул я – А то она выковыряет из тебя Клашу при помощи ложки и пилки для ногтей.

– Ну да… ты только не смейся, командир. Такие просто у меня ощущения… И она кажется мне улыбчивой и доброй… заботливой и смелой… и живет она где-то здесь – новая рука гниды обрисовал круг на левой стороне груди.

– Меньше думай – больше делай – проворчал я, потягиваясь – Натягивай кирасу.

– Не налазит.

– Мне посрать. Облачайся. Первым делом прикрой башку.

– Понял.

– Долго я был в отключке?

– Четыре часа. Первый час ты дергался и что-то бормотал про покромсанных танцующих детей и бабу-ангела с наряженной елкой в заднице. Еще говорил про темные улицы, залитый кровью асфальт и про то, что полоскать содранную человеческую кожу лучше всего в старой стиральной машинке с парой колпачков жидкого мыла, но только без запаха – странно, когда мертвая кожа воняет кокосом… Потом ты затих и следующие три часа просто спал.

– Хорошо.

– Кошмар снился?

– Да нет – пожал я плечами – Что-то из прошлого повседневного. А это кто там к нам?

– Все те же – донеслось сверху – Можешь даже не вставать, лид. Мы сами.

– Опять – Хван явно попытался поморщиться, но с его лицом это вышло плоховато и эмоции он выразил злым перестуком жвал – Отряд прямо!

– Отряд прямо – согласился я, берясь за дробовик – Но на самом деле – дерьмо ходячее. И… – замерев на полушаге, я опустил слишком опасное оружие – Дерьмо! Всем убрать дробовики! Повторяю – никакой сука картечи или дроби! Вот дерьмо!

На нас двигался отряд из тридцати аммнушитов. Все вооружены. Десять из них – старцы преклонные ублюдочные, что смиренно жили, зная от творящемся здесь дерьме. Еще десять – неумело держащие в руках топоры и вилы девчонки в возрасте примерно от тринадцать до шестнадцати. И еще десять – просто дети. Самому старшему лет одиннадцать наверное. Зло насупленный, он тащит слишком большой для него топор.

– И это рай? – спросил я у пространства, по привычке ища взглядом полусферу наблюдения – И это сука рай? Дети идут в атаку!

Будто услышав меня, из-за домов донесся гнусавый дребезжащий голос:

– Они убили ваших родителей! Без жалости! Поганые грешники расправились с невинными! Вон лежат тела невинно убиенных! Мстить грешно! Мстить недозволительно! Но очистить нашу святую землю от грешной мрази – наш долг! Долг каждого аммнушита! Мы прогоним их! Прогоним прочь эту гнусь из нашего рая обетованного!

– Тигр! – мой голос сорвался на змеиное шипение.

– Лид?

– Достань говоруна!

– Да!

– Не убивать! Тащи сюда целехонького! И живо!

– Да! Котлета! За мной!

– Вашу мать! – заорала выскочившая из-за угла Джоранн – Охренели, придурки? Детей на убой посылаете?

– Просите смиренно, отроки и девы! Просите, старцы! Молите, прежде чем бить и гнать! Просите слезно иродов! – не унимался говорун.

– Грешники! – нестройным хором заговорили бойцы отряда – Убийцы родителей наших и родичей… просим вас – уйдите… Грешники! Убийцы родителей и родичей наших…

– Вы убили моего папу! – одна из аммнушиток – лет тринадцать – закусив губу, вскинула дробовик.

Выстрел выбил оружие из ее рук, ударил по лицу, отбросил назад. Накрытая залпом картечи с криком крутнулась Джоранн. Хван рванул в ее сторону, сгреб одной рукой и утащил в прикрытие. Ругающаяся рыжая дура держалась за бедро – похоже, одна картечина прошла мимо щитков защиты.

Грянуло еще два выстрела. Стволы были задраны слишком высок, оа. Пуля из винтовки и дробовой залп ушли в небо. Я рванул вперед. Проскользнул мимо натужно замахнувшегося старца, коротко ударив его в горло. Подхватил с земли дробовик, перепрыгнул стонущую девчонку и всей массой врезался в сплоченную груду попытавшихся отпрянуть человеческих тел. По шлему пришелся слабый смазанный удар вил, следом мне в стальной живот ткнулся такой же садовый инвентарь, свободной рукой я вырвал топор из мальчишеской руки, плечом сбил пару детишек, стараясь не покалечить, оступив, позволил шедшему на меня с топором старику опустить оружие на голову второго старца. Не обращая внимания на изумленно рухнувшего на колеи дебила с топором в седой голове, я расшвырял всех, кто мешал, забрал оставшийся огнестрел и по крутой стремительной дуге вернулся на позиции, где зло бросил трофеи у стены. Дерьмо! На земле корчились ушибленные злым грешным дядей дети, из головы старика выдернули топор, после чего ему на плечо упала морщинистая рука невольного убийцы, что тревожно спросил:

– Ты как, Лазарь?

Что-то пробулькав в ответ раненый рухнул. Уселась, утирающая разбитое дробовиком окровавленное лицо девчонка, не отводя от меня злого взгляда. Хороша. Очень хороша. Будь у меня в запасе годы – я бы не забыл о такой потенциально прирожденном бойце.

– А-а-а! – к небу взметнулся дрожащий гнусавый крик. Раздалось три выстрела. Послышались новые крики, а следом дикий звериный рев Тигра.

Еще через минуту – «отряд мстителей» так и продолжал оставаться на месте – вернулся Тигр, несущий на плече смешно брыкающегося придурка.

Сбросив его к моим ногам, он отступил. Взгляды присутствующих скрестились на подскочившем и тут же перепугано замершем мужичке с козлиной бородкой и выбритой верхней губой.

– А че ж ты сам не пошел? – улыбнулся я, не глядя больше на мужичка. Я не отрывал взгляда от посланных на смерть «бойцов» – Почему детей в бой послал?

– Так не на смерть! – встрепенулся мужичок – Ведь есть и в вас святого крупица! На детей бы руки не подняли!

– Говорить ты мастак – хмыкнул я, вынимая из кобуры револьвер.

– Погоди, чужак! Погоди! Мы одного хотим – чтобы вы у…

Выстрел не дал ему закончить. Пуля ушла в живот, гарантировано пробив желудок. Следующие четыре быстрых выстрела я всадил ему в плечи и таз, старательно целясь, чтобы раздробить кости. Не удовольствовавшись, с силой пнул ботинком в правый бок, стараясь всадить окованный сталью носок как можно глубже. Я буквально ощутил, как внутри его тела что мерзко хрустнуло. И пятый выстрел прямо в яйца. Чтобы посылающий детей на смерть ублюдок не вздумал плодиться. Искалеченный мужик даже не крикнул. Он отрубился сразу после первой пули – а жаль.

Глянув на «войско вражье» я зло проревел:

– Дети! По домам! А если не уйдете – убью всех взрослых и детей! Всех ваших мам и бабушек! Всех ваших дедушек и еще живых отцов и братьев! Я сожгу ваши дома и цветущие сады! Обещаю – я сделаю это, если через три минуты еще буду видеть хотя бы одного ребенка или подростка! По домам! ЖИВО!

Грохочущая и лязгающая в моем голосе сталь заставила их ожить. Побросав оружие, посеревшие от испуга «воины» опрометью убегали. А я продолжал орать им вслед:

– Увижу хоть одного ребенка на улице – убью всех! Всех вырежу! Всех до единого! Держите детей дома, если не хотите беды! Эй! Старпер-убийца! Этого с собой забирайте – я кивнул на корчащегося у моих ног ублюдка.

– Кому нужно это… дерьмо – хрипло ответил старик, тяжело поднимаясь на ноги – И чего я пошел? И чего детей повел дурак старый? Господи… гореть моей душе в аду… не за убийство друга – а за детей которых я понукал идти и не робеть… Такое не отмолить. Такое самому себе не простить. Бес попутал этот говорливый… запутал меня… в грех окунул черный… Что ж! Пора и ответ держать!

Первый удар топором старик нанес себе по руке, глубоко надрубая левое запястье. Второй удар пришелся по шее, легко прорубив дряблую плоть и порвав артерии. Шатнувшись, он выронил топор и упал рядом с убитым им Лазарем. Отправился держать ответ…

– Ладно – кивнул я – Ладно, старпер. Ты вернул каплю уважения к своему народу. Тигр… что там сверху видать?

Успевший вернуться на крышу зверолюд ткнул когтистым пальцем в сторону противоположную от приведшей нас сюда дороги:

– Идет толпа. Полста рыл.

– Дети?

– Ни одного.

– Оружие?

– Тоже нет. Впереди седые. На всех белая одежда – простые штаны, рубахи. Идут босиком. Вроде как распевают молитвы. Весело же они здесь живут…

– Жили – поправил я – Жили. Независимость этих дерьмоедов закончилась. Джоранн! Как ты там?

– Я в строю! – отозвалась Джоранн и ее голос продолжал дрожать от переполняющей ее злости – Этот ублюдок говорун-подстрекатель еще жив?

– Считай, что нет – ответил я, перезаряжая револьвер и глядя на дергающегося в расползающейся луже крови агонизирующего ублюдка.

– Спасибо, Оди! За детей – спасибо! Я уж думала…

– Все на крыши! – крикнул я, перебивая ее откровение – Трофеи в повозку! Эй! Подростки боевые! Да, я про вас, жертвы насилия. Уходите!

– Куда? – высунулась из повозки испуганная темноволосая девка.

– К ним! – ткнул я рукой в дома – Лезьте к ним в дома и рассказывайте!

– Что?

– Все! И со смачными кровавыми деталями! Расскажите им как кричали, плакали и молили ваши друзья. Как их насиловали и убивали. Больше шокирующих деталей! Покажите в лицах, как гоготали ваши насильники! Как пускали по кругу охреневших от такой подляны подростков ваши святые элдеры и старшие!

– Боже… зачем им знать такое?

– Чтобы не шли на смерть ради этих ублюдков! – жестко ответил я и повелительно махнул рукой – Вперед! За все надо платить, детишки! Даже за спасение от членов и ножей! Ваша плата – убедить спятившее население не пытаться умереть за тех, кто такого не достоин! Считай это вашим… вашей…

– Епитимьей, мать вашу! – рявкнула рыжая – Бегом! Спасайте детей, пацифисты! Живо!

– Ну и рай – покрутил я головой – Ну и гребаный сраный рай… уж лучше жить в аду!

– А чего мы тогда вылезли? – осведомился удивительно молчаливый сегодня Рэк – Сидели бы в родной жопе…

– Меньше философии – буркнул я, отправляясь следом – И больше убийств.

– Мое любимое кредо – осклабился орк, ласково проводя лапой по винтовке.

Удобно расположившись на крыше, прикрывшись парой трофейных кирас с не смытыми следами крови, я терпеливо ждал, глядя в безмятежное синее небо. Настолько сильное и почти настоящее, что можно быть уверенным – его покрасили действительно дорогущей краской. И ведь и облака есть – наверняка искусственно сгенерированные специальными машинами. Не все же из распрыскивателей землю поливать. Я глядел на небо и прислушивался. Сначала я услышал знакомые голоса отправленных нами спасенных подростков. Они пытались докричаться до наглухо закрытых домов. Это не дома, а тараканьи клеевые ловушки. Снаружи все ярко, чинно, благопристойно. А внутри крепкий религиозный клей с психоделическим эффектом, намертво вцепившийся в души фанатичных придурков. До таких хрен достучишься. Но количество кровавых смертей обрушившихся на это придурошное поселение должно их сделать более восприимчивыми. Может и удастся убедить тупых матерей и отцов, что не стоит отправлять детей под пули.

Через несколько минут криков перемежающихся крайне неумелым, можно даже сказать позорным использованием таких важных слов как «сука», «жопа» и «дерьмо», дело у переговорщиков пошло на лад. Но надо отдать им должное – ученики оказались способными и с каждым новым предложением использовали речевую сочнятину все умелее. Аж брызгало из ртов говорящих и смачно чавкало в ушах изумленных слушателей. Потом все затихло. Но ненадолго – вскоре подвалила и белоснежная многочисленная делегация добровольных смертников.

Мельком оглядев явившуюся на залитую кровью площадь толпу, я поднялся во весь рост. Глянул сверху-вниз на переминающихся аммнушитов, медленно обводя их взглядом. Тут около сотни рыл. Мало. Крайне мало. Обманывают ушлепки тупые. Обманывают.

– Все ли здесь из тех, кто насиловал и убивал детей? – спросил я так громко, чтобы меня услышали не только на площади, но и в окружающих ее домах.

– Мы чисты в наших помыслах как чисты были в деяниях наших страшных, но важных… – с потрясающей умелой уклончивостью ответил стоящий в центре высокий, если не сказать величественный старик.

– Всю жизнь тренировался, упырок? – лениво поинтересовался я, снова пересчитывая ублюдков – Не иначе годы потратил на прокачку словесного арсенала…

– Я не понимаю…

– Да и нахрен не надо – махнул я рукой и ткнул в старика рукой – Ты! Лечь в ту лужу! – моя рука сползла на самую большую лужу заполненную смесью из воды, крови и чьей-то прелестно желтой блевоты.

– Я…

– Живо! – рявкнул я и переломившийся старпер в белоснежных одеяниях без единого пятнышка, начал медленно укладываться в лужу, сохраняя на морде выражение истинного мученика.

Спрыгнув с крыши, я в несколько шагов оказался рядом и с силой наступил на седой затылок, окуная его харей в лужу. Подержав так, пнул в бок, заставив перекатиться.

– Встать!

На дрожащие ноги поднялась грязная красно-черная фигура, с морщинистого лица стекали желтоватые потеки, губы тряслись, отчего тряслись и повисшие на них тягучие капли.

– Следующий! – я ткнул пальцем в ближайшего – Лечь! В лужу!

– Мы пришли дабы мирно обсудить…

– Заткнуться! Всем!

Убедившись, что меня поняли, махнул Рэку, Хвану и Тигру. Эта троица выглядит как явившиеся из кошмаров аммнушитов грешные из грешников обожженные в аду.

– Помогите им качественно искупаться! Не хватит крови – найдите! Но! Не убивать.

– Не убивать? – с изумленным разочарованием выпучился на меня Рэк своими разноцветными зенками – Э-э-э…

– Они не оказывают сопротивления – пояснил я – Нахер нам в системную карму массовое убийство потомственных извращенцев-пацифистов?

– Ну да… хотя тогда я не въехал на кой хер нам было их всех здесь…

– Делайте! И быстро!

– Ага.

Вскоре дело пошло на лад.

Поганая людская натура.

Стоило аммнушитам понять, что их пока не убивают и даже не делают им больно – тычки, плевки и пинки по ходу дела не в счет – они тут же приободрились и более того – принялись все делать самостоятельно, довольно спокойно купаясь в крови соплеменников. Многие сблевнули, конечно, особенно, когда Хван отыскал много свежей крови, пригнав из загона десяток коров и устроив посреди площади крутящуюся мясорубку с летящими ошметками плоти. Но это только на руку – в их

удивительно яркой блевоте мы их и покатали хорошенько.

Когда с этим этапом закончили, я подозвал Джоранн, парой слов пояснил свою задумку, и она вместе с Рэком начала вторую фазу. Хвану и Тигру я приказал притащить и привести еще живности. Мне нужна кровь. Много крови.

На площади один за другим падали аммнушиты, рыкающая Джоранн, позабыв временно про ненависть, старательно раскладывала их. Вернувшиеся с коровами и овцами бойцы принялись резать невинным животинам глотки. Овцы оказались самым удачным вариантом для носки подмышкой – полоснул чуток, зажал под рукой и ходишь поливаешь тесные ряды.

Мы закончили через полчаса.

Взобравшись снова на крышу, я осмотрел проделанное и широко осклабился.

Неплохо получилось. Главное – масштабно.

– Сработает ли? – вопросил задумчиво Стейк.

– Здесь нет Матери – добавила приплясывающая Котлета.

– Система есть везде – качнул я головой – Я никогда не поверю, что настолько огромный кусок земли находится в полном системном сумраке. Бред.

– Но где тогда ее глаза?

Я молча ткнул пальцем в небо.

– Никогда о таком не слышала – возразила подошедшая Джоранн – А как же тогда погруженные в сумрак дороги, где убийцы творят что хотят? Вспомни тот гребаный зоопарк.

– Система есть везде – повторил я – Но она обязана подчиняться каким-то правилам. Запутанным и слишком сложным правилам, которые больше мешают, чем помогают.

– Да с чего ты взял?

– Логика – пожал я плечами – Сраная гоблинская параноидальная логика, которая гласит – за тобой всегда наблюдают! Система видит… но не видит.

– Я не въехала – призналась Котлета.

– Я поняла – кивнула Джоранн – Система может и видит… но вынуждена игнорировать увиденное из-за какого-то ограничения. Чтобы у гоблинов оставалась иллюзия свободы…

– Да.

– На небе есть системные глаза… она видит все… но как бы и не видит… а черт… сама путаться начала! Думаешь, сработает?

– Такое послание трудно проигнорировать – широко-широко улыбнулся я, с высоты крыши глядя на площадь – К тому же какая дама устоит перед красными цветами пахнущими жопой и кровью?

– Ну да… я бы не устояла… и сколько ждать? Долго?

– Не думаю. Машины всегда реагируют быстро. И у системы есть четкие стремления, Джоранн, раз она так старательно пытается везде восстановить свои законные глаза.

– Какие?

– Быть везде – ответил я и улыбнулся еще шире, почувствовав мощный толчок земли.

Рукотворное землетрясение…

Еще один толчок. На этот раз сильнее. И еще один, после чего земля просто медленно затряслась, аккуратно уложенная многовековая брусчатка начала расползаться, пропуская в щели темную плотную землю. Из-под аккуратности и приглядности лезла сыпучая сырая чернота… прямо как в их мерзких прилизанных снаружи и давно сгнивших внутри душонках.

Лежащие аммнушиты перепугано взвыли, начали сползаться в молящиеся в голос кучки. Я им не мешал – дело сделано и их позиции уже не важны. Но перед тем, как шедевр был окончательно испорчен, я успел глянуть на него еще разок.

На площади из мертвых и живых тел мы выложили надпись обрамленную не пригодившимися придурками. Что-то вроде уродливого цветка с надписью посередине «БЕДА! ВЫЗОВ СИСТЕМЫ! СРОЧНО! ОДИ!». Надпись была выложена неподвижными телами, залитыми ярко-красной свежей кровью. Дополнительно по площади были максимально растащены выпотрошенные растерзанные тела животных и людей. Добавили мы и несколько отрубленных голов – ну чтобы никто не подумал, что это просто шуточная вечеринка в старом добром мирном духе Рая Обетованного.

Подобное сообщение мало кто проигнорирует.

Был такой шанс, конечно, что система не отзовется. Но учитывая ее машинную целеустремленность везде установить свое явное – ключевое слово «явное» – присутствие хотя бы временно… Попытаться стоило. И вот он итог…

С глухим шумом из брусчатки, прямо рядом с той хреновиной «контрольным камнем» из земли вылезла такая знакомая стальная колонна, поднявшаяся метров на двадцать. Над поселением пронесся долгий протяжный рев сирены. И тишина… повисшую пыль рвут десятки лазерных лучей ползающих по визжащим аммнушитам и крышам домов, по растерзанным трупам животных и людей.

И знакомые буквы перед глазами:

Герой Эрыкван!

Внимание! Немедленный полный вербальный доклад в свободной форме!

– Готовьтесь к возвращению в казармы, гоблин – ухмыльнулся я, шагая навстречу полусфере.

– Их надо было убить! – прошипела тихо-тихо Джоранн.

– Их ждет куда более страшное – ответил я, останавливаясь и задирая лицо – Система умеет карать почище нас. И главное – Раю конец. Такого им не простят…

– И будет кого допросить – проревел Рэк, ненароком наступая и ломая чей-то хлипкий локоть – Система получше любой прожженной шлюхи умеет выведывать секреты. Командир прав. Этому сраному раю пришел конец. Черт! Надо было из нескольких ушлепков написать вдоль улочки «Здесь был Рэк!».

– Нахрена? – удивился я.

– А хрен его знает – пожал плечищами орк и утопал.

А я принялся говорить, сжато и четко перечисляя причины побудившие меня нарушить покой безмятежного Рая Обетованного. И каждое мое слово было как гвоздь в крышку гроба этого сраного места. Чему я был только рад.

Глава пятая

Странно видеть улыбающийся кусок дерьма.

Я даже моргнул, надеясь развидеть. Но когда вновь приоткрыл веки, улыбка на его бугристой уродливой харе стала только шире.

Червеус улыбался. Червеус лыбился. Червеус скалился. Да чего он только не делал со своими тонкими губами, пытаясь выразить весь спектр охвативших его радостных эмоций.

Вдоволь наглядевшись, я смел со стола осколки, убрал самый большой из тарелки с навaристым супом и снова взялся за ложку. Хозяин Веселой Халупы скромно проблеял из дальнего угла:

– Я все уберу.

Никто не обратил на него внимания, и он обрадованно заткнулся, поспешив вернуться на кухню, откуда продолжали появляться тарелка за тарелкой.

– Шумный – неодобрительно заметил Каппа, играющий роль статуи за моим плечом уже второй час.

– Ты понимаешь, чего натворил, гоблин ты безумный? – затряс головой Червеус.

Никто из нас не обращал внимания на вынесенное нахрен окно трактира, через которое уродливый герой и пожаловал на наш отрядный ужин. За окном стоял выкрашенный в кричащие красно-золотые цвета экзоскелет с откинутым прозрачным бронеколпаком, открывающим удобное изогнутое ложе. Высотой три метра с небольшим, чересчур большой, с большой буквой М на брюшной части. Две ноги, четыре руки, огромная масса и нехилая такая скорость – учитывая с какой быстротой этот стальной монстр преодолел немаленький двор, попутно перепрыгнув средневековую повозку запряженную четырьмя обалдевшими конягами. Ну и надо учесть, несомненно, имеющуюся систему наведения и опознания – раз уж он четко вычислил место, где я находился, причем я сидел не напротив окна и сквозь стекло меня увидеть было нельзя. Но Червеус точно знал мое местонахождение, впрыгнув в окно и рухнув на единственное свободное место напротив меня.

– Тоже хочешь такой? – прекратив лыбиться, поинтересовался Червеус, поймав мой короткий оценивающий взгляд брошенный на эзкоскелет.

– Не мое – поморщился я.

– Цвет не нравится?

– И размер. Слишком большой.

– О как… а какой бы тебе в самый раз?

– Это уже не экзоскелет, а… шагающая машина – пожал я плечами.

– Так а ты бы что хотел? Там твой механик неумело ковыряется в рваной жопе Белого Гиппо.

– Тоже не мое.

– Ну а ты?

– Ночная Гадюка – вырвалось у меня, и я удивленно замер, прислушиваясь к себе и пытаясь понять, что означают сказанные мной слова.

– Не слышал – пожал плечами Червеус и вернулся к теме – Ты в курсе каких дел наворотил?! Охренеть!

– Мне система не докладывает – с намеком произнес я – Но кое-что и так понятно.

– Их независимости больше нет! – рявкнул червь – Конец вольнице аммнушитов! Ты видел, что там творится?

– Причем из поднебесья – кивнул я.

Сюда нас вернули за рекордно короткое время. Когда система предложила, я даже сначала не поверил, но отказываться и не подумал. Так что на базу мы вернулись, болтаясь в сетке под брюхом здоровенного грузового дрона, что утаскивал в основном контейнере трупы аммнушитов. У трупешников бизнес класс, а мы в багаже, но не в претензии.

Как я и сказал рыжей кобылке – система умела и любила действовать быстро или даже молниеносно. Лежащие в дерьме и крови аммушиты и проблеять протестующе не успели, как в Рай приперлось под три десятка летающих машин. Причем первые дроны появились еще до того, как я успел закончить на этот раз длинный доклад – многое надо было пересказать детально и четко, чтобы потом никто из детоубийц не вздумал вертеть хитрой жопой и пытаться выкрутиться. Такого шанса я им не дал. Я перечислил все чему мы стали свидетелями, назвал имена спасенных нами подростков, а сметливый Рэк их тут же отыскал и доставил, попутно выбив пару дверей. Перепуганные до жопы лазерным шоу подростки покорно выложили все пережитое, заодно указав на пару живых ушлепков, что в прошлом творили такое же дерьмо с собственным потомством. Я продолжил говорить, дроны прибывали и прибывали, мои бойцы принялись собирать трупы и зашвыривать в контейнеры, а система вторым эшелоном доставила медблоки совмещенные с допросными и понеслось. Третьим эшелоном прибыл эшафот. И вот тогда аммнушиты поняли – пришел Армагеддон. На их глазах проводился полевой суд, а следом выносился и тут же исполнялся приговор за приговором. Причем каждый приговор дублировался вербально, то бишь вслух – чтобы все прониклись до мозга

костей.

В этот промежуток мы и свалили. Но сначала я получил от системы подтверждение выполнения задания – пусть мы так и не удосужились проставить везде галочки и полапать все контрольные камушки. Это уже никому не надо. Больше никаких галочек, никакого опроса уважаемых старейшин. Это кануло в жопу.

Возвращаясь, мы подобрали всех из не понадобившегося прикрытия. А вернувшись, застали основной отряд подыхающим от незабвенно огромного количества устроенных им учений. Каппа скучал, Каппа злился и вымещал свою злобу на подчиненных, выковывая из визгливого говна стальные конфетки.

В честь успешного завершения миссии я велел трактирщику метать все на стол и объявил пиршество. Этим мы и занимались… пока с начинающимся закатом не появился Червеус на своем экзоскелете.

– Счет изнасилованных и убитых подростков идет на сотни и сотни! – фырчал Червеус, впихивая в рот огромный лист салата – А сколько прочего дерьма повылазило! А к этому еще незаконное пленение досмотровых отрядов, уродование их, принуждение к работам и потрясающие по фантазии и воображению садовые эксперименты с этими бедолагами! Одному из тех, кто сильно бунтарил и качал пальму протеста, веселые дедушка сука друиды пробили дырку в черепушке и посадили туда цветок с медленно растущими нижними и быстрорастущими воздушными корнями – чтобы эта хрень не значила. Парня намертво примотали сидячим к какой-то статуе, регулярно кормили, поили и каждый день водили ползающих рабов мимо него – чтобы смотрели, как он медленно подыхал. При этом приговаривали, что каждый грешник должен трудиться на благо святости – либо трудом в саду, либо в качестве плодородного грунта… Так эта травка, цветущая из генномодифицированных вроде как – антибиотики выделяет и вообще целебная. Так что парень не загнил… просто медленно сходил с ума, любуясь свисающими со лба голубенькими цветочками. Ах да – старички цветочки с его башки себе в чаек еще заваривали… Ну круто, круто. Парень, кстати, жив. Вытащили его оттуда и в медблок сунули. Но он уже растение… умеющее улыбаться и задумчиво теребить вечно стоящий воспаленный хер… Я вам аппетит не порчу?

– Продолжай.

– Понятно, что там порядок наведут. Те земли останутся закрытыми, но уже в качестве малого заповедника. И аммнушиты там остаются – те, кто не причастен к преступлениям. Но никакого сумрака! Копайте грядки и нагибайтесь пониже – чтобы

бдительный лазерный луч мог заглянуть даже в самые темные пахучие места! Но это все ерунда! Главное – моя весомость подросла! И знаешь, что первым делом я заявил системе, замаскировав все под невинный вопрос?

– М? – на миг оторвался я от смакования супа.

– Я спросил – а какого хера прочие Семерки Контролеров нихрена не заметили и вернулись с докладом, что у аммнушитов все чинно, благочинно и сверх сука милочинно? Я крут?

– Мне похер.

– Тебе похер, а я по жирному минусу записал в кармы тех высших героев, кто давно мне дыхание перекрыть пытались в здешней политической движухе. Система может напрямую им и не предъявит, но все равно, все равно… О! забыл сказать – их всех чипируют. Пособников преступлений и так далее – принудительно. Всех, кто в стороне – добровольно и с бонусами хорошими, включая ежедневное начисление пары крон на личный счет. На отшибе поставят торгматы с большими заманушными витринами. Помада там, бельишко, различный инструмент. Народишко не устоит. Потянется. Мелочь ведь – в башку винтик вкрутят. Зато потом сколько шикарных штук себе купишь!

– Бусы для аборигенов?

– Ну да.

– Ты откуда все это знаешь? Не поверю, что система тебе докладывает.

– Мне нет. А Высшим – да.

– А тебе Высшие по секрету в розовое пухлое ушко шепнули?

– А я знаю того, кому в ушко шепнули. Говорю же – ты шумиху поднял. Все болото забурлило и запахло. И пахнет не вечнозеленой свежестью. Рай Обетованный считался крупным доказательством успеха! А тут такое дерьмо!

– Доказательством какого успеха?

– Вот этого – Червеус обвел вокруг себя лапищей – Всего этого мира. Рай Обетованный был доказательством того, что пусть и чуток ущербно – они же прогресс отвергали – но все же в этом мире можно было жить мирно, спокойно рожая детей и правильно их воспитывая. Идиллия! А что на самом деле? Идиллия – туфта! Рай оказался страшным сумрачным лесом, заваленным детскими костьми! Полный провал! Одна мечта осталась – Заповедные Земли, где гарантировано уж живут счастливо и богато.

– Уверен?

– Ну… вот после того, что ты вскрыл в Раю… даже и не знаю. Знаешь… вообще я тот еще мудак… но то, что они творили с детьми… меня зацепило. Ублюдки! Им дали то, что отняли у нас

– возможность делать детей! Отняли чудо! Отняли продолжение! А им – даровали! Нате, сука, берите! А они? Что они сотворили? Я не понимаю… в этом мире дети – великий дар! Когда в поселении добросов появляется ребенок… обычно дают минимум двух или даже трех – чтобы общение у них было свое детское… так вот… когда это происходит и досюда доходит весть, многие из героев во время своих отпусков инкогнито пробираются в эти поселения и проводят все дни напролет в тех сраных деревнях, просто издалека любуясь как детишки играют в песочке, как детишки кушают кашку, капризничают и дуют губки… а потом, под конец отпуска, они обходят деревню по кругу, прочесывая леса и долины. И уничтожают под корень все то, что может угрожать жизни детей. И заодно объявляют на всеуслышание – не дай сука Мать кто вздумает напасть на деревню одаренную юными милыми жизнями… потом эти бесплодные бабы возвращаются сюда и бухают по-черному, заливаясь пьяными слезами в темных углах. А потом трахаются до безумия в попытке все же зачать! Вот что такое дети в этом мире! А эти твари…

Хмыкнув, я промолчал и пододвинул к себе миску с горой жареного мяса – с полосками и окраинами из подрумяненного жира. Подтащил и миску с мелконарезанным и смешанным с рубленым укропом луком. Тиснул краюху черного хлеба. Гоблин счастлив…

– Тебя вижу это не трогает? – правильно понял меня Червеус.

– Ваще никак – подтвердил я – Но ты продолжай.

– Зачем? Если тебе насрать на пьяные слезы стерильных баб…

– Чем больше ты болтаешь – тем больше интересной информации проскальзывает – не стал я скрывать своего интереса.

Смысл таиться? Червеус не дебил и не может не понимать моей заинтересованности в знании здешних реалий. И даже пьяные слезы стерильных героических баб – часть этой безумной блевотной мозаики мира.

– А сегодня я рад болтать! – дернул плечом Червеус и покосился на жрущего орка – Вкусное мясо?

Закрыв свою тарелку локтями, Рэк почти невнятно пробубнил:

– Сойдет.

– Ты в мою сторону чавкай – попросил червь – Ну чтобы смачный аромат кариеса и мяса доносился до моих ноздрей.

– А мясной слюной в харю не плюнуть? Чтобы запашисто стекало…

– А по хлебалу геройским кулаком не хочешь?

– Ты отвлекся от радостной болтовни – заметил я и глянул на

неподвижную статую раскосого – Каппа. Сядь и ешь.

– Да, лид.

Бесшумно втиснувшись между мной и Тигром – беззастенчиво потеснив мохнатого – Каппа вытащил откуда-то палочки для еды и взялся за мясо. На прочие блюда – а их все прибавлялось – мы внимания не обращали.

– Наберешь себе еще пять рыл в десяток – добавил я, прежде чем впихнуть в рот очередной кусок говядины.

Каппа равнодушно кивнул, принимая приказ. Рэк огорченно заерзал, что-то рыкнул, но промолчал. Повернувшись, я оглядел зал трактира, встретился взглядом с глазами неспешно трапезничающего Рокса и, убедившись, что нажирание бойцов идет в штатном режиме, опять повернулся к Червеусу и выжидательно на него уставился. Тот только и ждал намека, с готовностью продолжив изливать душу:

– Там – он опять ткнул ручищей в окно, за которым начинался сбегающий в огромную воронку Кронтауна склон, а на другой стороне высились «приближенные» к Заповедным Землям и самые «благородные» территории зоны – Там сейчас вовсю бормочут, шушукаются, шепчутся, лаются. Гонцов подсылают и сами в гости напрашиваются. Это одна из причин почему я здесь – пусть помаринуются в ожидании моего возвращения. Как все разом изменилось! Был я нахрен особо никому не нужен и даже мешал… а тут прямо жаждут все пожать мою крепкую лапу, а то и облобызать ее. А почему? Потому что благодаря тебе я поднялся на ступеньку выше в этой полной амбициозного гноя клоаки. Ты учти, гоблин. Скоро и к тебе может кто-то льстивый в гости пожаловать.

– Это и есть главная причина твоего сюда прибытия галопом – кивнул я – Хрен бы ты иначе дернулся из своего косого домишки. Ты переживаешь, что за меня может взяться кто-то еще из героев.

– Косого домишки? У меня шикарная берлога! И бойцы мои нехило обитают! Но да… ты ведь понимаешь чье внимание привлек своей громкой выходкой?

– Любой кретин поймет. Высшие.

– Высшие – Червеус скорчил гримасу – Они… Явятся обязательно под благовидным предлогом. Пивка там выпить, селедке соленый бок ободрать. И заодно понаблюдать за вами – деревенскими громкими выскочками. В первую очередь глазеть будут на тебя, гоблин.

– Плевать.

– Уже радует! Но глазеть они будут недолго. Кинут пару намеков, что не против будут поболтать о разных пустячках. И,

само собой, в первую очередь сюда явятся не благородные эльфы, а обворожительные эльфийки. Уточненные, пахнущие дорогим парфюмом, с холеными телами облаченными в шелка…

– Прямо сука утонченные? – шумно сглотнул Рэк.

– Они Высшие – усмехнулся червь – Среди них уродин не бывает. И жирух не встретишь. Если и есть жирок – он там, где надо.

– Там, где надо – повторил орк – К-хм… И когда они явятся?

– Уймись – буркнул я – Чем тебе уродины не милы?

– Ага. Сказал тот, кто на моей памяти еще не разу не спал с уродиной. Паучья королева, зеленоглазая героиня…

– Уймись – повторил я чуть жестче и глубоко вздохнувший Рэк вернулся к жратве.

– Уродины… – ожил вдруг Каппа и, помолчав несколько секунд добавил – И чертополох бывает цветет хотя бы однажды…

– О-о-о… – протянул Червеус – Надо запомнить. Красиво ты сказанул про свою тоскливую житуху. Надо запомнить и обогатить запас словарный. К слову, об обогащении… чем система наградила доблестного командира Оди? Не секрет?

– Мелочью разной – отмахнулся я.

– Ну понятно – понимающе кивнул герой – Ранг не подняли?

– Не-а.

– Какой ты многословный. Зато из меня поток так и прет! Короче… если леди из высшего общества явятся и вдруг у вас завяжется разговор… не опровергай, лады?

– Не опровергать что?

– Ну… я как бы намекнул в одном из разговоров с важными харями, что я мол изначально чувствовал что-то нехорошее и подлое исходящее из Рая Обетованного. И что даже предупредил тебя перед вылазкой держать ушки на макушки и не довольствоваться рутинной проходкой по контрольным точкам. Что я мол кровь из носу велел тебе отыскать какое-нибудь гнилое дерьмище. И вот ты справился… к-хм…

– А ты не охренел?

– Еще как охренел – не стал отрицать Червеус и нагнулся ко мне, сдвигая грудью тарелки с салатами – И за хамство свое готов выплатить щедрый штраф. Ты только назови чего хочешь. Но только из реального. Ночную Гадюку – чтобы это ни было – я достать точно не смогу.

– Запчасти к Белому Гиппо – начал я перечислять – Десяток ящиков патронов к нашим автоматам и винтовкам. Лично мне хочется чего-нибудь сладкого к своему игстрелу и можно числом в три-четыре комплекта. Тяжелый калибр на Белого Гиппо… желательно что-то вроде картечницы, но если найдется, то лучше

тяжелый пулемет. Ну и на десерт – минометы. Штуки три хотя бы.

– Ты на войну собрался?

– Собрался.

– У тебя не тот ранг для тяжелых пулеметов на машины. И никаких минометов тебе тоже не обломится. Система спросит. И даже если отмажешься – такое оружие потребует сдать. Если прикинуть на пальцах… твой статус сейчас что-то вроде продвинутого городского верга обласканного доверием системы и не раз уже подтвердившего свою надежность, постоянность и психическую стабильность.

– Стабильность?

– Ага. Система-матушка очень не любит массовых убийц. Были случаи, когда слетевшие с катушек герои вдруг накрывали шквальным огнем мирное поселение, где в трактире не оказалось их любимого сорта пива. Нет темного нефильтрованного – сжечь нахер эту тупую деревню! Как это мать вашу самогона на васильках настоянного не завезли? Залп! Вот с тех пор всем героям до четвертого ранга приходится сильно жопы напрягать, чтобы скрыть от системы слишком уж… убойное оружие вроде минометов, пушек и чего-то совсем уж страшного.

– Например?

– Например такого, что может пробить дыру в небе. Понял?

– А с героев четвертого ранга спроса уже нет?

– Мы многократно доказали свою верность и психическую стабильность головной кукушки – ухмыльнулся Червеус – Мы в шаге от Земель Завета! Кому нахер сдались крестьяне, не ценящие темный нефильтрованный нектар? Поэтому на наши арсеналы система смотрит добродушно… Ах да – еще мы многократно доказали, что вся военная техника нам очень и очень нужна в выполнении порученных заданий. Ты хоть раз сталкивался с отрядом диких призмов каким-то образом прошедших тройную эволюцию?

– Нет.

– Они броню экзов вскрывают на раз! А их собственная броня влегкую держит выстрел в упор из автомата! Бронебой их берет кое-как – но надо еще умудриться прицелиться, а эти твари быстры! И умны! Это же не звери тупые, что в лоб попрут на стрелков. Они воюют по всем правилам. Тактика и стратегия мать ее! Устраивают засады, пользуются взрывчаткой, роют огромные ямы со стальными кольями, устраивают атаки с тыла, а порой и с воздуха!

– С воздуха?

– Твой призм… дай ему окуклиться еще пару раз и в итоге вылупится такой кошмар… либо силища запредельная, либо

крылья отрастут, либо… да просто представь, что ты уменьшился до размера муравья и вдруг столкнулся с разумным жуком-носорогом, котором насрать на пукалку в твоих мягких хрупких ручонках… Может ты и прав, гоблин, что не торопишься в Кронтаун.

– Как дикий призм-преступник может пройти несколько эволюций без помощи системы?

– Тебя мой рассказ про ужасы не впечатлил?

– Ответишь?

– Хер его знает! Узнаешь – получишь разом высший ранг героя!

– Сам придумал?

– Официальное заявление от системы, что уже лет двадцать как висит на главной доске объявлений Кронтауна и не только. Любой, кто узнает, как дикие призмы умудряются это проделывать, мгновенно получит высший ранг! Причем без исключений – даже если ты был добросом или погонщиком трахнутых тунцов – тебе дадут статус! Но это невозможно.

– Почему?

– Потому что уже пытались и не раз! Но либо не находили ничего, либо пропадали всем скопом. А под словом «скопом» – в случае, когда мы о боевом отряде героя третьего-четвертого ранга – речь идет о хорошо обученной небольшой армии подкрепленной экзами! Они именно что пропадали – личный состав. Все что удавалось найти – впитавшуюся в землю кровь, обгорелые обломки машин и редкие кусочки рваного мяса или даже скорее фарша. Сам понимаешь для чего утаскивали убитых и раненых.

– Мясо?

– Наверняка. Жрать же надо что-то, а диким призмам система пайков не выдает. Год назад вообще случилось невообразимое – двести эрров атаковали сразу два поселения на границе области Кронтауна! Там проживало под тысячу мирных крестьян. Были и дети. По тревожному реву системы на каждое селение было отправлено по отряду героев – их вырезали. Они успели провопить в рации о несметной орде эрров. Тогда туда ломанулись еще десять отрядов. Но опоздали – хотя система перла их по воздуху. Пожары, кровь, чадящая техника. Пошли по следам. Но шли недолго – следы несколько раз разделялись, группы ублюдков становились все меньше, а затем и вовсе затерялись в глухих чащах Биореза.

– Так…

– Именно! Дерьмо жуткое!

– Я не про это. Эрры?

– Так мы называем этих тварей. Вроде как что-то относящееся к жукам. Вроде бы…

– Раз система сначала послала туда всего два отряда… там был сумрак, и она нихрена не видела?

– Верно. Первым делом потухли полусферы. Систему ослепили. И только потом туда бросились эрры.

– Что такое Биорез?

– Длиннющий многовековой лес частью растущий на равнинной местности, частью на примыкающим к ним горных склонах. Биосферный резерват с уникальной какой-то там мать ее экосистемой, причем настолько хрупкой, что там даже посрать нельзя под кустиком – разом нарушишь равновесие природное. Короче – туда нельзя. Табу. Ублюдкам эррам то насрать. Они влетели в сумрачный лес и затерялись. А мы остались на границе под зонтиками воющих полусфер натыканных по периметру. Часть полусфер, кстати, были заранее уничтожены. Знать бы это заранее! Сообщи система о сумрачных участках – мы бы рванули туда наперерез! А так тупо бежали по следу, но эрры куда шустрее.

– Шустрее бегущего экза? – усомнился я – Бред! Бегун против машины…

– Техника есть и у них! Ты думал от нас драпало нагруженное девственницами жучиное стадо? Хрен там! На полной скорости от нас уходила колонна техники. Причем они явно двигались по заранее приготовленному маршруту – и техника годна для бездорожья и путь подготовлен. Перекрытые бревнами овраги, отмеченные красными тряпками ориентиры ведущие к бродам. Представляешь, насколько точной и масштабной должна быть подготовка?

– То есть они обитают в запретном Биорезе?

– Наверняка. Но система упорно это отрицает и не дает туда доступ никому. Если наплюешь и сунешься – тебя пристрелит полусфера. Если прорвешься – лишишься геройского статуса за нарушение табу. Вернешься обратно – под суд пойдешь машинный.

– Как эрры добрались до поселений? Не пехом же.

– Если верить следам… вернее их почти полному отсутствию… их скрытно привозили малыми группами. На повозках, в торговых фургонах, на лодках.

– А боевая техника?

– Экзы и все грузовое подоспело позднее. Причем шло на полной скорости и подлетело как раз вовремя, чтобы начать погрузку и встретить первые два геройских отряда.

– Ясно. Значит, была и долгая предварительная разведка.

– Само собой! А вот тебе еще печенька, умный гоблин – полусферы были уничтожены людьми-смертниками с бомбами на теле.

– С эррами работают обычные гоблины – подытожил я.

– Да. И только гоблины. Никаких зверолюдей. Все эрры – из насекомых вроде твоего Хвана. Так что забудь, гоблин. Это дело тебе не потянуть. Силенок не хватит и член коротковат. Так что ты хочешь кроме минометов?

– Минометы.

– Слушай!

– Тайно передашь. Мы шуметь не будем.

– Из минометов без науки палить не получится! Где пристреливаться будешь?

– Это мои заботы. Три миномета. И пара бронебоев с нормальным запасом боеприпасов. Бронебои… что-то вроде противотанковых ружей?

– Верно.

– Тоже под запретом?

– Нет. Их вполне можешь поиметь под стандартную сказочку, когда система спросит – скажешь, что в жопе мол вчера ковырялся и вдруг выковырял… вот радость-то! Учитывая твой статус любимчика системы… она тебе лишних вопросов задавать не станет. Спросит разок для проформы… и забудет.

– Тогда договорились. Если меня спросят – я упомяну про твою нехилую мудрость и здоровую подозрительность.

– По рукам! А какие вообще дальнейшие планы?

– Следующие сутки, а то и больше, я здесь и никуда не двинусь – ответил я, сыто отдуваясь – Пора заняться отрядом.

– На связи?

– Заглядывай – пожал я плечами – Мы рады послушать сказки говорящего куска дерьма.

– Полюбил я тебя за комплименты твои гребаные… Про Зеленоглазку не спросишь?

– Не-а.

– Уважаю, уважаю…

Не знаю за что там меня начал сильно уважать червь, но на этом познавательная беседа завершилась. Он засобирался, бросил через весь зал две золотые кроны – и хозяин трактира их ловко поймал – после чего выскочил в выбитое окно, ловко впрыгнул в экз и ожившая машина, захлопнув бронеколпак, выпрямилась и рванул прочь, снова напугав лошадей.

Проводив бегущего по бездорожью меха, мудро решившего наделать дыр в мягкой почве, а не на мощеной дороге, быстро исчез из виду. Судя по направлению движения – Червеус мчал в

Кронтаун. Склизкий умный червь торопиться продолжить плетение паутины. Как по мне – слишком они погрязли в этом дерьмовом спектакле со всеми его декорациями и дешевыми неумелыми актерами. Они послушными марионетками прыгают на невидимых нитях тянущихся из рук Высших. А во что играют Высшие… а хрен его знает. Но что сука вот не верится мне, что элита этого протухшего мирка сильно уж заботится о его процветающем будущем.

– Дерьмо – подытожил я, мрачно глядя на залитый мирный солнечным светом Кронтаун на дне гигантской воронке.

– Что так? – поинтересовался Рэк и протяжно рыгнул, застав вздрогнуть и поморщиться проходящую мимо официантку.

– Сюда бы небольшой ядерный фугас – вздохнул я, не сводя глаз с Кронтауна.

– Нахрена?

– Язвы надо либо иссекать, либо выжигать – буркнул я – Я за последний вариант.

– Холодная дипломатия? – предположил Каппа, откладывая палочки.

– Нельзя победить в чужой игре играя по чужим правилам, Каппа – мотнул я головой и поднялся – Ладно… пора бы нам заняться важными отрядными делами. Готовьтесь, гоблины.

Глава шестая

После ужина планов у меня было немало, но сытый организм потребовал сделать небольшую паузу. Прислушавшись к ощущениям, поняв, что опять поднывает поясница, я сделал вывод и поднялся в комнату, где улегся прямо на деревянном полу, уставившись в потолок. Под языком таяла крохотная таблетка, рядом стояла бутылка с водой, в урчащем животе медленно переваривалось мясо, которым я набил себя до предела. За пищеварение я не переживал – давно заметил, что с момента получения мной первого боевого статуса – еще во время блуждания по стальному подземному миру – пищеварение ускорилось в разы. Не знаю, что за ферменты или что другое вкалывает нам система, но желудок разлагает тяжелую пищу очень быстро, а кишки с еще большей быстротой жадно всасывают в себя содержимое, отправляя строительные материалы по назначению. Мышцы наливаются силой, раны заживают быстро, выносливость радует. Система заботится о своих героях. Особенно о тех, кто раз за разом оправдывает ее доверие.

Таблетку эльфийских слез я заглотил осознанно. Мне надо возвращать воспоминания, я должен понять, кто я такое и какова моя роль во всем этом дерьме. А судя по прошлым флэшам моя роль была достаточно велика. А мои тогдашние полномочия были запредельно высоки. К тому же я пользовался определенной репутацией в узких властных кругах. Со мной считались. Меня боялись.

Главное же – я трудился на благо этого мира с полной отдачей. Не ради денег, не ради славы. Я считал, что выполняю что-то очень важное. Я считал свое дело особой миссией…

Но раз я был настолько крутым и весомым – какого хрена я оказался рожденным добровольно низшим?

Какого хрена я оказался заперт в вонючей стальной жопе кишащей червями с человеческими лицами?

Почему мне стерли память?

Вопросов сотня. Ответов ноль.

И на текущий момент есть только один способ выудить из темной бездны хотя бы часть воспоминаний – гребанная наркота, что давно бы сожрала мой разум, если бы не постоянная очистка системой блуждающих в моей крови «токсинов».

Прикрыв глаза, продолжая прислушиваться к ощущениям начавшей расслабляться на твердом поясницы, я терпеливо ждал. На вспышку какой-то тупой и слезливой радости грозящей перерасти в пьяный восторг, я внимания не обращал. Я пью это

дерьмо не ради дешевого кайфа. Мне нужно кое-что куда более мрачное и при этом куда более пьянящее – мои собственные воспоминания.

Я прибыл сюда не таясь. Прибыл в пасмурный полдень середины последнего месяца лета. Арендованный гражданский флаер мелкой загибающейся транспортной компании опустил меня на мощенную каменными плитами площадками и распахнул дверь, не забыв уныло пробубнить насколько они рады, что я воспользовался их услугами.

От площадки вела мощеная такими же плитами широкая дорога. По ней я и пошел, бесстрастно оглядывая окружающий меня первозданный дикий пейзаж. Старые потемневшие березы, еще более темные ели, заросли орешника. Единственное, что выдавало ухоженность и пригляд за лесом – отсутствие мусора и скошенная трава. Через километр неспешной прогулки я увидел и ответственных за порядок – улыбчивых мужиков с косами, сноровисто орудующих этим первобытным инструментом. Неподалеку щипал травку битюг, запряженный в нагруженную валежником телегу. Рядом с телегой стоит вместительный электрокар, уверенно опираясь на широкие шины, годные для любой местности. Я прошел мимо, и никто не спросил кто я такой и куда иду. Это ни к чему. Будь я незваным гостем – давно бы сработала система безопасности и я бы уже оказался окружен серьезными парнями, вооруженными кое-чем потяжелее острых кос и серпов.

Этот край особенный. Во всяком случае для тех, кто здесь живет и процветает.

После самого первого и почти незаметного для большинства рядовых жителей усталой планеты глобального климатического скачка, изменения появились, но не были столь явными как последующие. Минимальные можно сказать изменения, в первую очередь выразившиеся в перманентном потеплении на один-полтора градуса в тех местах, где подобного не было никогда и где климат тысячелетиями работал в одном и том же режиме. Работал как отлаженный швейцарский механизм. Скачок вызвал сбой… и начались последствия.

Холодное лето стало чуть теплее и чуть солнечней. Снега весной начали уходить на пару недель раньше, а осенью приходить на пару недель позже. Длинные снежные зимы таковыми можно сказать и остались, но при этом их суровость помягчела и запредельные минусовые температуры остались в прошлом. Здешняя природа к такому подарку отнеслась с благодарностью, удвоив цветение и плодоношение. Края здесь и

раньше были очень небедны на дары природы, а теперь начался настоящий рай.

Еще один огромный плюс для заинтересовавшихся этим местом сильных сего – эти места никогда не были по-настоящему освоены. Слишком обширны уж эти северо-восточные территории могучей северной страны. Сотни и тысячи километров нетронутого густющего леса называемого тайгой.

Когда был предсказан второй климатический скачок – а предсказание было озвучено далеко не всем, а только важным, богатым и «своим» – стало ясно, что зимы в тех краях лет через десять-пятнадцать станут еще мягче и короче, а лето будет радовать большей теплотой и солнечностью. Само собой, это райское состояние не продлится вечно, но определенная стабильность может сохраниться как минимум лет на пятьдесят, а то и больше. Так во всяком случае прогнозировали тогда. Это решило дело. Когда тебе говорят, что вон тот внешне не слишком приглядный торт на самом деле очень вкусный, у любого предприимчивого человека возникнет только одно вполне логичное желание – срочно взяться за нож и отхватить себе кусок торта побольше.

Торги прошли быстро и опять же – только между своими. Им даже удалось почти полностью сохранить национальную составляющую и в тех краях поселились опять же «свои из своих». Следом, на что ушел десяток лет, была продавлена автономия этого края.

Строительство началось задолго до автономии и не затихало много лет, хотя и было скрыто от взглядов широкой общественности. На виду были только поместья. Помещичьи поместья – так они назывались. Окруженные заборами огромные дома с колоннами, парадными входами, каретными сараями, конюшнями и прочим сонмом хозяйственных построек, среди которых терялись квартиры для охранников и обслуживающего персонала. Все постройки стилизовались под замшелую старину прошлых хмурых веков. Часть прилегающих земель отводилась под деревни – где каждый желающий мог получить дом с земельным наделом и целое поле. Обрабатывай, сей, выращивай, пожинай плоды и не забывай отдавать десятину помещику. При этом никаких химических удобрений – только натуральное. Вообще никакой химии, никакого асфальта и бетона, никаких транспортных средств с двигателями внутреннего сгорания. Под каждым поместьем пульсировало атомное сердце реактора, щедро питающего энергией всех нуждающихся.

И дело пошло. Двадцать лет тут все цвело и радовалось жизни, плодилась свекла, рождались детишки, люди жили

счастливо и были при деле. Помещики соревновались в роскоши и пышности, не забывая проворачивать многомилионные сделки и все богатея и богатея. Тем, кто вел дела неумело, приходилось сдаваться и выставлять родимые земли на аукцион. И вот там начиналась настоящая битва – каждый помещик жил безумным странным желанием увеличивать и увеличивать размер своих личных земель. Как малолетки меряются членами и сиськами, так помещики мерились размерами и ухоженностью своих владений. Продаваемые земли выкупались за бешеные суммы. После чего с купленного поместья сносились все постройки до единой, из земли вынимался каждый обработанный камень, а затем на перепаханной почве высаживались сразу взрослые деревья. Месяц… и там, где было горделивое поместье неудачливого помещика теперь растет густой дикий лес. В этом был особый шик – быть владельцем лесов, лугов и рек. Еще помещики мерились количеством деревень и душ в них обитающих. О своих крестьянах заботились. Крестьян преумножали. Детям обеспечивали особое образование – с тем, чтобы потом они никуда не уезжали и оставались на земле, получая собственные наделы. Дабы увеличить «поголовье» выкупались задолженности погрязших в долгах подходящих по нраву бедолаг, которых доставляли сюда и сажали на землю. Так они получали возможность рассчитаться с долгами. Так увеличивалось количество крестьянских душ, для которых вскоре появилось неофициальное название – крепостные.

Примерно в те же времена появилась знаменитая на весь мир символика помещичьего огромного края – Медвежья Гора. Крутые склоны блестят золотом и малахитом, а на вершине стоит на задних лап разъяренный оскаленный медведь. Эта эмблема, несмотря на свою грозность, полюбилась всем детям и родителям мира – под этой эмблемой продавались дорогие натуральные продукты питания. Никакой химии, все гарантировано органическое. А те придурки, кто пытался подделывать эмблему и толкать дешевую химию под видом дорого бренда… хватило десятка максимально жестких и кровавых наказаний с разбросанными повсюду отрубленными топором руками и головами, чтобы все поняли, насколько трепетно помещичий край относится к своему бренду. Так они и дальше богатели, попутно увеличивая свое влияние и приращивая все больше бесхозных территорий.

Идиллия длилась достаточно долго. А потом планета шарахнула вторым климатическим скачком. Его заметили все. Трудно не заметить глобальное стихийное бедствие, что унесло жизни почти двухсот миллионов жизни разом – только по

официальным сводкам. Но кто знает сколько на самом деле было вытащено трупов из разрушенных стихией трущоб по всему миру, а сколько из них так и осталось гнить под ушедшими на морское дно завалами. Но эти таежные края остались почти нетронутыми – сказалось географическое положение. Пока во всем мире взрывались покалеченные реакторы и смывались в океаны целые города, пока уходили навсегда под разом поднявшую воду целые архипелаги и немалая часть материков, тут все оставалось благочинно.

Мир пережил второй удар и продолжил жить дальше.

Рядовое быдло радовалось тому, что выжило и продолжало гробить климат одним своим существованием, не пытаясь хоть как-то урезать свои траты в питьевой воде и не задумываясь о сортировке мусора. Хотя уже поздно раскладывать пасьянс из мусора – момент давно упущен и гибельные шестеренки не остановить. Пусть простой люд и дальше живет с безмятежной уверенностью овец в завтрашний день.

Те, кто поумней и гораздо богаче, начались готовиться к следующему неизбежному удару. Чтобы пережить нокаутирующий удар злой планеты надо быть к нему готовым. И помещики, объединившись, вбухали огромные деньги в защитные меры и особые исследования, превратив свой край в одно из наиболее защищенных мест на планете. При этом умудрились сохранить первозданную природу, скрыв все самое важное под землей. Там, на большой глубине, находились современнейшие бункеры, вместившие в себя все необходимое для выживания. И там же располагались особые и удивительно успешные исследовательские лаборатории, о чьих невероятных достижениях были лишь самые смутные сведения. Но даже этих по сути обычных слухов хватило, чтобы очень и очень заинтересоваться…

По этой причине я и прибыл сюда незадолго до третьего климатического удара. Я прибыл сюда для того, чтобы сделать предложение, от которого нельзя отказаться. Хотя, учитывая гордый и упертый нрав здешних властителей… эти вполне могли взбрыкнуть и отказаться даже от самого щедрого предложения. Поэтому пришлось терпеливо ждать подходящего момента, тайно наблюдая, высчитывая, предполагая и выискивая тот самый единственный идеальный момент.

Как часто случается, большой шанс представился благодаря мелкому происшествию.

Отец царь убил старшего сына.

Разве что-то похожее однажды уже не случалось?

Главный помещик Савва Лукич в порыве гнева забил до смерти своего наследника, а вместе с ним отправил на тот свет

пару его дружков и трех девиц.

Причина? Обдолбавшиеся прекрасного качества наркотой парни устроили гонки на легких болотоходах, созданных для транспортировки сборщиков растущих на болотах ягод, грибов, травок и прочего гербария. Сначала они гоняли по болотам, а затем забава вышла из-под контроля, когда они перевели машины на скоростной режим и вылетели на дорогу ведущую от деревни к школе. Там и случилось то, что случилось – головной болотоход на полном ходу влетел в весело раскрашенный автобус с катающимися детишками, которым пожилой экскурсовод рассказывал о красотах родного края, пытаясь привить подрастающему поколению любовь к щедрой и доброй родине. От столкновения автобус смяло и откинуло – как раз под удар второго болотохода. Пассажиров раскидало во все стороны, насадило на ветви, придавило техникой. Смертей было много. Но проблема даже не в этом, а в отношении. Когда шестерка гонщиков вывалилась наружу и оглядела содеянное… богатые отпрыски начали смеяться. Прямо ухохатываться, глядя на изломанные детские тела, на разорванного пополам старичка экскурсовода, на хрипящую сопровождающую с передавленным животом и на расколотый салонный биотуалет, где так и остался сидеть на унитазе мертвый рыжий мальчонка со спущенными шортами и с зажатым в руках планшетом с весело пикающей игрушкой. Рыжему хитрецу наскучила экскурсия про елки и кедры. И он решил отсидеться в тишине туалета, проведя время за любимой игрой…

В подобной ситуации засмеяться может любой – так заявит авторитетно каждый третий седовласый врач, добавив, что это не глумление, а своего рода истерика. Мозг мол осознал содеянное и ужаснулся, после чего, чтобы заблокировать чрезмерно сильные негативные эмоции и тем самым спасти рассудок, насильно врубил другой режим и убийцы вдруг весело захихикали, тыча пальцами в рваные трупы.

Ну да…

Может и истерика. Сразу у шестерых. Может быть. В этой сраной жизни вообще все может быть.

Вот только Савва Лукич, что по несчастливой случайности как раз оказался неподалеку и шустро посадил свой флаер рядом с местом аварии, никак не ожидал увидеть мертвых и раненых детей, равно как и заливающихся хохотом убийц. Надо отдать ему должное – прежде чем начать убивать, он послал экстренный вызов всем службам, включая короткое голосовое сообщение. И только потом Савва Лукич взялся за стальную пудовую трость, с которой не расставался уже двадцать с лишним лет. Если ты

двадцать лет ежедневно и часами напролет вертишь в руках пудовую хреновину… сил у тебя будет много. Эту силушку главный купчина и применил, сотворив с убийцами такое, что, когда на зов прилетели не только службы, но и осиротевшие родители потерявшие детишек, они даже не подумали в чем-то кого-то обвинять. А зачем, когда правосудие уже свершено и вон лежат на дороге окровавленные изломанные мешки воняющие кровью, страхом и дерьмом? Хуже наказания быть не может – и тюрьма не в счет, ведь все знают в каких комфортных условиях отсиживают богатеи.

Одна проблема – помимо своего, Савва Луки и чужих отпрысков в вонючие отбивные превратил. Другим помещикам – потерявшим дочерей и сыновей – такой произвол не понравился.

Ладно мол дети по молодости и дурости совершили страшное дело. Пусть так.

Но!

Дочери наши ведь за штурвалом не сидели, верно? Малолетки приняли наркоты и весело прыгали в просторных салонах болотоходов, особо даже не наблюдая за происходящим. В любом случае машинами они не управляли и в аварии неповинны. Так какого хера ты дочерей наших убил? А то, что смеялись они – так то истерика от ужаса! Сами еще возрастом не вышли – само собой испугались! Плюс наркота не позволила им среагировать адекватно. А наркоту они где взяли? Да сын твой и предложил! Небось еще силком заставил принять таблетки!

Парни – из них только двое управляли машинами. Третий – обычный пассажир. Его за что убил, палач ты гребаный? Причем старшего – наследника! Самого умного, с раннего детства к делам приученного наследника прикончил!

Да как не крути – только своего сына ты может еще имел право порешить. Только своего! Но на наших как посмел лапу поднять?

Так не пойдет, Савва Лукич. Со всем уважением к твоим заслугам, но кто ты такой, чтобы детей наших убивать? Богом себя возомнил?

Тогда же от Саввы ушла жена – забрав всех оставшихся шестерых детей, а перед этим устроив ему грандиозную истерику. Мать всегда мать. Ей свое чадо милее. Так что она, забив на то, что все жизни ценны и равнозначны, истерично орала, что даже пять автобусов с детишками черни никак не могут быть равноценны жизни ее миленького старшенького. И что в таких случаях не своих детей убивать надо, а ситуацию в темпе разруливать, не жалея денежных пачек, чтобы заткнуть ими недовольные громкие рты. Заплатили бы крестьянам! А те бы

новых наплодили! А их сын остался бы жив – отдали бы в дорогую клинику на реабилитацию, прошел бы длительный курс, а как быдло деревенское чуток остынет – покаялся бы публично пред народом! И все! Все довольны! Зачем сына убил?! Может и нас заодно порешишь?!

Семью Савва Лукич любил. Он всегда был как раз из тех правильных мужиков, что четко и твердо знал – семья важней всего и всех! Друзья, коллеги, прочие знакомства – все временно. А семья навсегда! Поэтому уход семьи надломил матерого помещика. И вместо того, чтобы как-то контролировать набухающую подобно гнойному нарыву ситуацию, он засел дома как в берлоге и беспробудно пил.

Вот тут я и прибыл, неторопливо шагая по дорожке.

Распахнутые ворота – многослойная сталь скрытая деревом – я миновал беспрепятственно. Савва Лукич ждал меня. Причина ожидания – в коротком нашем диалоге я пообещал ему не только вернуть семью, а заодно решить все прочие его мелкие терки с озлобленными помещиками, но и сделать так, чтобы его любимая семья раз и навсегда забыла о произошедшем и снова полюбила главу семейства. Это бухого Савву Лукича и подкупило.

Молчаливый служащий в деревенской рубахе провел меня до нужной дубовой лестницы, и я поднялся в трапезную, где за пустым обеденным столом восседал мрачный Савва Лукич. По его бокам лежало два огромных бурых медведя. Мишки спали. И не спали. Я четко ощутил, что они заметили мое появление.

– С чем пожаловал, гость дорогой? – вздымая лобастую голову, мрачно спросил помещик.

– Обмен – улыбнулся я, без приглашения усаживаясь напротив хозяина, сидящего во главе длинного стола.

– Ты сел на место моего сына. Саввы Джуниора.

– Джуниор помер – пожал я плечами – Да и речь не о нем.

– Ты предложил невозможное… Василисушка меня не простит… и дети не простят…

– Не простят – кивнул я – Если будут помнить – не простят никогда. Даже если и примиритесь спустя время, темная обида останется в семье навсегда.

– Так чего же ты приперся?

– Мы можем сделать так, чтобы они… забыли…

– Забыли что?

– Все самое плохое. Скажем – последние три-четыре дня. Они заснут, а когда проснутся, не будут помнить эти последние страшные дни. Они проснутся в светлой комнате на удобных постелях, а вы будете сидеть рядом. Вы улыбнетесь им – а они улыбнутся в ответ. Улыбнутся светло и радостно – ведь в их

головах не останется воспоминаний о отце-сыноубийце.

– Это невозможно. Химия? Настолько точно действующая?

– Мы гарантируем – улыбнулся я, опуская ладони на полированное дерево – И не потребуем ничего, прежде чем вы не убедитесь в результате.

– Даже если забудут – другие напомнят.

– Верно. Но что, если светлая комната, в которой они проснутся, будет находиться не здесь?

– А где?

– Там, где нет знакомых, но вокруг столь же мирно и красиво, как и здесь.

– Ты говоришь загадками, безымянный гость.

– Миру приходит конец, Савва Лукич – старательно произнес я его имя, что так трудно выговорить на общем языке – Рано или поздно придется либо умереть, либо перебраться в безопасное место.

– Бред! Но… я послушаю.

– Уже неплохо.

– И для начала я хочу узнать, что вы потребуете взамен.

– Это просто – моя улыбка стала шире, а глаза указали на то, ради чего я сюда и пришел – Мне нужны они.

Я смотрел на одного из огромных сонных медведей, лежащих рядом с хозяином поместья подобно послушным псам.

– Их?

– Как я слышал, вы называете их зверями хранителями? Генномодифицированные звери с улучшенными характеристиками, стойкостью к болезням, повышенным интеллектом, напичканные тонкой электроникой… Ваши лаборатории сотворили нечто поистине потрясающее… И я прибыл сюда, чтобы предложить обмен.

– Бред – повторил Савва Лукич и отодвинул от себя стакан с янтарной жидкостью – Бред!

– Можно добавить кое-что бонусом – предложил я.

– И что же?

– Вы тоже забудете последние три дня. Забудете начисто. А когда проснетесь и спросите, где ваш старший сын, то получите ответ, что он, скажем, погиб, пытаясь спасти несчастных ребятишек из полыхающего автобуса. Вместе с семьей переживете искреннее горе… развеете его прах из серебряной урны над мирным полем одуванчиков… и продолжите жить дальше счастливой полной жизнью, ни в чем себя не виня и не пытаясь утопить горе и чувство вины в алкоголе…

– Кто ты такой?

– Никто.

– Кто за тобой?
– Кое-кто кому я поверил.
– Бред!
– Пусть так – я начал вставать.
– Но ты продолжай! – рыкнул помещик – Продолжай…

Проснувшись – ну или очнувшись – от яркого выпуклого сновидения-воспоминания, я чуть полежал, вспоминая каждую деталь привидевшегося. Встал, сделал пару шагов… и пол понесся навстречу. Успел подставить ладони, самортизировать на локтях и… отрубился.

Я стоял под безумной яркости изумрудным дождем. Над ухом противно верещал счетчик Гейгера, требуя немедленно покинуть эту зону. По темным, почти черным стальным плечам стекала зеленая с синевой вода, ноги по колено утопали в жидкой шипящей грязи. Надо мной высилась древняя как сама жизнь панельная многоэтажка, укрепленная стальным каркасом, снабженная самодельной металлической проржавелой крышей. Сквозь черные тучи едва пробивался солнечный свет – это сумрачное ядовитое марево трудно назвать светлым днем, но по здешним меркам погодка задалась.

Неподвижно стоя, я наблюдал, как упакованные в боевые скафандры бойцы силком вытаскивают упирающихся орущих обитателей, не стесняясь применять электрошок и вразумительные удары дубин. Над зажатым между почернелыми строениями двором надрывался исходящий из многофункционального транспортника женский голос, пытаясь перекричать общий рев трущобников:

– Внимание! Ради вашего блага принято решение о принудительной вакцинации от черного гриппа! Внимание! Ради блага детей принято решение о срочной эвакуации всех несовершеннолетних в безопасное место для последующего лечения и осмотра! Внимание! Ради вашего блага принято решение о принудительном чипировании! Чипы – это благо! Чипы – это постоянный мониторинг показателей организма и своевременное предупреждение о опасностях для здоровья! Не сопротивляйтесь! Повторяем! Не сопротивляйтесь! Это для вашего блага!

С третьего этажа вылетел бурый от грязи предмет, пару раз кувыркнулся, теряя содержимое и рухнул мне на голову. Я остался на месте. Испачканный дерьмом и засохшей рвотой унитаз со звоном разбился о мою голову, залив меня буро-красным содержимом. Изумрудный дождь тотчас смыл всю грязь,

а швырнувший унитаз мужик получил парализующую иглу в живот из плечевого метателя и, сорвавшись с подоконника, рухнул в грязевую жижу.

– Внимание! Ради вашего блага принято решение о принудительной вакцинации от черного гриппа! Эта болезнь крайне опасна! Она уносит тысячи жизней ежедневно! Внимание! Пройти вакцинацию – ваш общественный долг! Ради вашего блага! Ради вашего блага! А дерьмо! Какого хера мы тратим время на этих безумных ублюдков!

Мимо меня тяжело прошагал облаченный в ЭкзоДефендер рядовой Ричардсон, таща по грязи защитный контейнер с прозрачными стенками. Внутри контейнера сидели и лежали перепуганные детишки, следом бежала воющая расхристанная баба:

– Верните Криса, суки! Верните моего ребенка!

– Внимания! Ради вашего блага принято решение о принудительном чипировании! Это неопасно для вашего здоровья! Это для вашего блага! Внимание! Просим не оказывать сопротивления! Наши действия санкционированы правоохранительными и городскими службами! Мы действуем законно!

Мне в руку вцепился огромный мужик с исполосованным черными венами вздутым лицом, дернул. Моя рука даже не шевельнулась, плечевой метатель коротко щелкнул и получивший укус Ночной Гадюки мужик рухнул в грязь. Подошедший боец деловито прижал к основанию его черепа инъектор и трижды нажал на спуск. Вакцина, чип и небольшая умная капсула, что раскроется по сигналу и впрыснет в кровь концентрированную дозу амноса смешанного с лошадиной дозой успокоительного. Не могущего пошевелиться мужика подхватили и потащили ко второму спускающемуся транспортнику – уже попроще, в таких обычно перевозят воздухом крупный рогатый скот. Транспортник едва вместился между зданиями, заняв собой остаток двора. Открылись створки транспортного люка, выдвинулись сходни, и бойцы спешно начали забрасывать внутрь обмякшие тела, где их принимали защищенные больничными скафандрами рабочие, сноровисто укладывая на пол и подвешивая на специальные стенные лямки.

– Внимания! Наши действия санкционированы правоохранительными и городскими службами! Этот район признан непригодным для проживания и будет расселен! Внимание! Не прячьтесь внутри построек – они будут снесены уже через два часа! Всем спрятавшимся грозит неминуемая гибель под обломками здания! Внимание! Не прячьте детей! Им не удастся

отсидеться! Здания будут снесены! Вашу же мать! Дура гребаная! Третьей группе! Подняться на пятый этаж, левая дверь! На сканере замечена жируха пихающая дверей в какую-то сраную кладовку!

– Принято. Выдвигаемся.

– Поторопитесь – нарушил я молчание – У нас двадцать семь минут.

– Принято!

– Будьте вы все прокляты, убийцы! – безумная старуха, срывала с себя тряпки, прыгая на подоконнике четвертого этажа – Вы просрали этот мир! Вы просрали нашу жизнь! Вы убили нас и погубили наших детей! Будьте вы прокляты! Пусть бог покарает вас! Вы просрали этот мир! Просрали!

– Двадцать шесть минут – произнес я и зашагал прочь, направляясь ко второй многоэтажке – Олаф! Не забудьте прошерстить подвал перед тем, как давать отмашку на снос!

– Есть, командир!

– Вы просрали этот мир! Будьте вы прокляты, прикормленные суки! Будь вы прокляты!

Придя в себя, сплюнув тягучую кислую слюну, я осторожно поднялся и уселся на край кровати в ожидании – можно уже идти или гоблина ждет еще один приход?

Выждав несколько минут, понял, что кажется отпустило. Ладно… теперь можно и делами заняться.

Дела… после столь ярких флэшей я не сразу пришел в себя. Поняв, что продолжаю сидеть и тупо пялиться в стену, пребывая мыслями все еще там – в далеком прошлом – я зло оскалился и с рыком вывалился в коридор в поисках жертвы.

Как всегда и бывает такие обнаружились сразу – за окном коридора, внизу. Прижавшись к стене постоялого двора, два бритых наголо бойца совокуплялись, причем один, размашисто качая жопой, яростно бормотал ей в с готовностью подставленное ухо:

– Я тебя трахну как Оди! Как Оди тебя трахну!

Перевалившись через подоконник, я приземлился рядом и с интересом спросил:

– Кончили?

– А-ага… – вяло кивнул яростный актер, поспешно пряча отросток в штаны.

– Я, как всегда, нет – ответила лысая девчонка – К-хм… но вы же не об этом?

– Каппа отпустил потрахаться?

– Э-э-э… сержант Каппа послал нас за бинтами и

медицинским клеем, лид!

– Ясно… ну вы идите к нему и скажите, что лидер велел сделать с вами такое, чтобы вы уж точно кончили. Прям слово в слово передайте – а сержант Каппа уж постарается от души.

– Но я то ведь кончил… – проявил зачатки сообразительности боец, вытирая руку о плечо подруги, что спешно подтягивала штаны.

– Выполнять.

– Есть!

Оба гоблины утопали к заднему двору, откуда доносился многоголосый рев муштруемого мяса. Недостаточно громкий и страстный на мой взгляд. Каппа слишком их жалеет – будь иначе, эти два бойца не нашли бы в себе сил на трах. Что ж… если сержант не может – командир всегда поможет. Заранее оскалившись, я зашагал следом, на ходу разминая шею и плечи. Я смогу…

Когда я спустя четыре часа вышел со двора, сдирая с себя рваную мокрую футболку, направляясь к душу, я не оглядывался. А к чему? Я и так был уверен, что все лежащие на дворе гоблины кончили до единого. Посмотрим, как они сегодня потрахаются. И если засеку хоть одного – или кто-то из ночного патруля – я точно занесу себе минус в досье, а завтра постараюсь сделать так, чтобы ночью у них не было сил даже анус напрячь для протяжного горестного стона.

Обернуться все же пришлось – меня привлекло чье-то сдавленное бормотание.

Бормотали Рэк, Каппа, Тигр и Хван, что еле переставляя лапы, плелись за мной следом. Я довольно усмехнулся – сержанты все поняли правильно. Любой десятник должен быть сильнее, умелее, выносливей, умелей и безжалостней своего десятка. Когда весь десяток в лежку – сам десятник еще должен иметь запас сил, чтобы встать, гордо расправить плечи и спокойно уйти, на ходу вытирая покрытую грязью ряху. Только так и не иначе. Они не штабные крысы, что давно растеряли проворность или вообще никогда их не имели. Они постоянный пример для своих бойцов, что маячит перед ними изо дня в день. И этот пример должен быть сравним с циничной стальной балкой с косовато нарисованной на ней вечной злой усмешкой. Сегодня я постарался донести эту мысль до всех. Включая насекомых и зверей – что так не и смогли превзойти меня ни в спаррингах, ни в беге. Хотя вру… в физических упражнениях Хван меня превзошел, чем добавил мне злости. Трудно соревноваться в отжиманиях или приседаниях с тем, кто может сделать тысячу

отжиманий и столько же приседаний, не выказывая ни малейших признаков усталости – вырывающиеся из плечевых сопел струи перегретого пара не в счет. Призм просто влил в себя пару ведер ледяной воды и был готов к любым дальнейшим нагрузкам…

Это заставило меня снова задуматься о тех диких призмах, что как-то умудрились пройти несколько эволюций. Если Хван после второй спешной эволюции превратился в настоящего робота с жучьей харей… что тогда могут они?

Мы должны быть готовы… мы обязаны быть готовы и по очень простой причине – система уже выдала мне то задание-объявление, про которое говорил Червеус. Это задание было обведено в моем интерфейсе тройной жирной рамочкой. А чтобы тупой гоблин не проглядел, эти рамочки изредка мигали, равно как и венчающее заголовок слово «ГЛАВНОЕ».

Когда Червеус упомянул про диких призмов с их эволюцией – я уже знал о ней. Я получил это задание от системы в момент нашей воздушной эвакуации из сраного Рая Обетованного. Тогда же я получил все обещанные бонусные награды за выполнение инспекции по землям аммнушитов.

Бонусная награда № 1: доверительное игнорирование типа и количества вооружения сквада героя Эрыквана.

Система по собственной инициативе перестала совать нос в мой арсенал. Минометы там или нечто запредельно дальнобойное – я могу взять что хочу и не напрягать из-за этого жопу.

Бонусная награда № 2: полное бесплатное медицинское обслуживание сроком на двенадцать месяцев для всего личного состава моего сквада.

Это решало многие медицинские проблемы сразу для всех моих гоблинов. Это ли не радость для бойца?

Бонусная награда № 3: экстренный вызов мобильных медблоков в любую точку мира за исключением запретных.

А вот это решало остальные медицинские проблемы всех моих гоблинов. Полевая медицина невероятно важна. Именно ее наличие или отсутствие решает жить бойцу или умереть в агонии.

Бонусная награда № 4: предоставление в мое полное распоряжение двух старых, но полностью исправленных багги той же модели, какую собрал из хлама механик Рокс. А к ним одна вместительная платформа с невысокими бортами. На такой даже по бездорожью можно не только гоблинов, но и тяжелую технику перевозить – вроде Белого Гиппо.

Бонусная награда № 5: Разблокировка, расконсервация и подготовка к наградной красной выдаче полного личного

имущества героя Эрыквана, изъятое перед стиранием памяти и приобретением/изменением статуса. (активируйте строчку красной бонусной награды главного задания «Дикая Эволюция»).

Тогда-то и пришло задание, которое я сразу же прочел – и читать пришлось долго. На этот раз описание целей задания растянулось на два десятка строчек и под конец я уже не читал, поняв, что именно от нас требуется.

ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ!

Задание: Дикая эволюция!

Описание: Обнаружить место эволюции диких призмов, после чего доложить! Выяснить способ проведения не санкционированной и медикаментозно не поддержанной/усиленной/спровоцированной системой дикой эволюции, после чего немедленно доложить! Выяснить структуру организации диких призмов и доложить! Выяснить приблизительное количество прошедших многократную дикую эволюцию призмом и доложить!..

Место выполнения: Неизвестно.

Время выполнения: Нет.

Награда:

Статус Героя пятого ранга герою Эрыквану

Повышение статуса всем членам сквада.

+ 150000 тысяч крон.

+ Недельный отпуск всем личному составу сквада в особой зоне отдыха «Пляжные Зори».

+ Бонусная награда

+ Бонусная награда

+ **Бонусная награда**

+ **Бонусная награда**

+ Бонусная награда

Внимание! Задание повышенной сложности и опасности!

Внимание! Отказаться от задания невозможно!

Я коснулся красной строчки. И прочел следующее:

«Боевой экзоскелет + все остальное личное имущество героя Эрыквана».

«Боевой экзоскелет». Вот эти два слова, что заставили с моих губ сорваться названию Ночная Гадюка. И стоило этому произойти, стоило моему мозгу чуть собраться, и я понял – воспоминание о Ночной Гадюке появилось из-за обещанного боевого экзоскелета, что по словам системы относился к моему прежнему личному имуществу.

Мне тут же захотелось закинуться наркотой – сугубо пользы ради – и погрузиться в новые флэши с головой. Но я себя удержал от ненужных сейчас действий и сохранил трезвость мышления. И вскоре эта трезвость мне понадобилась – когда сбылись слова Червеуса и в Веселой Халупе начали появляться совсем несвойственные ей посетители. Такое впечатление, что на облюбованную жуками кучу навоза вдруг слетелись яркие тропические бабочки, которые изо всех своих сил пытались сделать вид, что для них вполне привычно поедать дерьмо. Получалось у них настолько хреново, что они быстро прекратили попытки и взялись за действительно привычное для них дела – алкоголь. Столько бухла влить в себя сможет не каждый герой. Разве что посмертно. А эти бабочки… они вливали в себя бутылка за бутылкой самого дорогого вина. Это сначала. Когда вино кончилось в ход пошло куда более крепкое пойло. И чем больше выпивалось вина, тем меньше на посетивших постоялых двор дорогих бабочках оставалось одежды. За полночь на них остались крохотные трусики и головные обручи с густыми серыми вуалями, под которыми то и дело скрывался очередной бокал с самогоном и откуда вырывался все более циничный злой смех, что так не был похож на их первоначальное обворожительное хихиканье смущенных дев.

Ага… девы смущенные…

Я появился в трактире под вечер, успев навестить медблок и получить все положенные и рекомендованные инъекции. Войдя, увидел усердно жрущих гоблинов, давящихся густой кашей, щедро заправленной мясом. Трактирщик свято выполнял мой приказ – больше жиров, углеводов и море белка! И чтобы так каждый день! А к этому всем не забывать бочками поставлять мой любимый напиток этого сраного мира – компот. И чтобы прохладненький. И никакого бухла. Категорически. Никакой наркоты. Если жить не можешь без нарко-алко-кайфа – ты ошибся отрядом и можешь валить нахрен. Само собой я не доверял ни одному из гоблинов. И после короткой речи, в которой дал понять, что любому, кого поймают на бухле или наркоте, сломают все конечности, а затем велел сержантам и ветеранам контролировать ситуацию денно и нощно. И вот сейчас я убедился в том, что перестраховываться на самом деле стоило – к моменту моего появления бабочки уже почти парализовали гоблинов своим видом.

Деревенщине трудно сохранить хладнокровие, когда перед тобой зазывно колышутся налитые груди с позолоченными сосками, сгибаются и разгибаются идеальной формы подтянутые животики и стройные нервно подрагивающие бедра спелых

пьяных кобылок, чьи почти нагие тела разрисованы загадочными золотыми и серебряными узорами татуировок. А эти узоры к тому же еще и пульсируют чарующим светом, подчеркивая или скрывая в тени нужные места идеально слепленных тел.

Как раз на световое эротическое шоу я прибыл. Мое появление заставило гоблинов прийти в себя и начать замечать тычки злых сержантов. Усевшись за свой стол – где уже сидел равнодушный к светящимся прелестям Рокс, я пододвинул к себе тарелку с кашей и медленно обвел трактирный зал долгим взглядом. Сюда слетелось аж пятнадцать залетных разнополых бабочек. Красующихся светящими жопами парней я заметил не сразу – они робко жались у стен, потягивая из сложно завитых и излишне толстых трубочек какие-то коктейли из огромных бокалов. Их не сразу и отличишь от девок – такие же длинные ухоженные волосы, густые вуали…

– Стар я уже для этого дерьма – вздохнул Рокс, опуская ложку в опустевшую миску и тянясь за бокалом компота.

– А кто молод для такого? – хмыкнул я, не обращая внимания на скрестившиеся на мне взгляды незваных гостей, что вдруг возжелали не только выпить в деревенском трактире, но и раздеться здесь же.

– Сухой закон действует и для меня?

– Нет. Ты меру точно знаешь.

– Откуда знаешь?

– Не спился после гибели родного сквада – буднично произнес я – Не растерял бабло на всякую херню, потратив его на запчасти для багги. В общем – ты сухой жилистый старый пень с четкой программой в седой башке. И бухалово в эту программу не входит.

– Не входит – подтвердил Рокс.

– Что там с жопой Гиппо?

– Рваная и вонючая. И мертвая.

– Все так хреново?

– Я могу разобрать и собрать тачку. Но вот робота…

– Экза – поправил я.

– Да похрен. Это другой уровень, Оди. И в мои годы мне так высоко уже не вскарабкаться. Тут нужен настоящий технарь.

– Откровенно сказано – удивленно глянул я на старика – Другой бы не рискнул так легко признать свою некомпетентность.

– С каждым днем ты используешь все больше умных слов – заметил старый механик, показывая ближайшему разносчику жратвы универсальный жест. Понятливо кивнув и бросив на меня взгляд – одобряю ли заявку на бухло? – официант отправился к барной стойке.

– Больше умных слов?

– Ага. Видать ты раньше поумнее был, гоблин? До стирания памяти…

– Может и так.

– А флешбэки возвращают не только часть воспоминаний, но и забытые умные слова?

– Может и так – кивнул я – Но вернемся к рваной жопе Гиппо…

– Я ее не зашью. Вернее, зашить-то как раз смогу. Но все мослы и проводки на место вернуть или заменить… не вариант. Хотя кое-что мне понятное уже восстановил – несколько бронированных шлангов залатал, другие заменил, снял и выпрямил смятый взрывом щиток, поменял все сорванные болты. Если по мелочи, то и еще кое-что подтянуть и заменить смогу. Но я скорее труп бальзамирую и косметику на посиневшее хлебало ему навожу. Но не оживляю.

– Ясно. Уже сегодня должна прибыть еще одна багги, старик. С грузовой платформой. Каппа назовет тебе четыре имени из наших бойцов, и они перейдут в твое полное подчинение. Плюс возьмешь Джоранн. Всех их можешь считать своей бригадой, хотя Джоранн мне больше нужна там как офицер связи. Чуть попозжа получишь еще четверых – под боевые расчеты.

– Офицер связи… говорю же – странные слова ты вспоминаешь, гоблин. Кем же ты раньше был?

– Тем же кем и сейчас – убийцей.

– Ну да, ну да… про бригаду понял.

– Обучишь их так, чтобы каждый мог уверенно управлять машинами, мог обращаться с платформой, сумел бы погрузить, правильно разместить и закрепить любой груз, справился бы с мелкими поломками в полевых условиях. Я займусь их боевкой – покажу кому какие секторы контролировать во время движения. Закрепим на багги пулеметы. А на платформах минометы.

– Ни хрена себе… минометы?

– Они самые. Позаботься создать на платформах бронированные отсеки для боеприпасов.

– Сделаем.

– На одной из платформ будет размещен Гиппо. Озаботься и тем, чтобы для него всегда было место.

– Понял.

– И все это мне надо послезавтра утром.

– Ого… придется начать работать сразу после ужина… Как я понял – экзом управлять будешь ты?

– Гиппо? – я рассмеялся – Ну нахрен эту тушу. Нет. Туда назначим кого-нибудь другого.

– Удивил ты меня – признался Рокс – И не только меня.

– Это не боевой экз – пояснил я – Это ходячая жирная шарманка, что умеет играть музыку, зазывать детишек и кое-как переставлять ноги. Его чуть переделали, чуть ускорили, навесили кое-какое оружие… но это не превратило его в боевой инструмент.

– Тебе виднее.

– Мне виднее – согласился я, поднимаясь и выразительно оглядывая всех притихших гоблинов, а следом и похотливых гостей.

Больше я не произнес ни слова. А зачем, если мой молчаливый намек и так все поняли? В принципе мне насрать с кем там трахаются бойцы. И мне плевать, о чем они болтают после траха – все равно ничего особо не знают. Так что пусть себе сношаются хоть с золоченными, хоть с посеребренными бабочками. Но только в свободное время. А пока что отряду далеко до увольнительных. Гоблины еще не знают, что посреди ночи их ждет побудка за которой последует пятнадцатикилометровый бросок по ночным дорогам, затем, чтобы освежиться, заплыв через ближайшую реку ради отработки переправы, после чего они вернутся в казармы, проделав обратный путь в примеченном мной глубоком поливном канале проложенном вдоль полей и виноградников. Само собой я проделаю все это вместе с ними. И буду рад пнуть каждого отстающего по ленивой жопе…

Дойдя до лестницы на второй этаж, я поднялся в пару прыжков. Чуть задержался и услышал, как один из только что улыбавшихся гоблинов тоскливо произнес:

– Лид улыбался… видели?

– Видели – столь же мрачно отозвалась коротко стриженная рыжеволосая – Дерьмо!

– Дерьмо – вздохнул боец – Хрен мы выспимся этой ночью…

Вот так гоблины и умнеют… И мне в следующий раз надо следить за поддержанием каменного выражения морды. Чтобы сюрприз оставался сюрпризом…

Мы вернулись на постоялый двор с рассветом.

Кто-то за ворота вбежал. Кто-то следом вошел. Кто-то вполз, а некоторых втащили на волокушах.

Неплохо…

Прямо неплохо…

Не больше пары десятков легких ранений, пяти средней тяжести, семи-восьми переломов конечностей, пальцы не в счет. Только двое захлебнулись, после чего их пришлось откачивать.

Только один серьезно повредил башку, когда вздумал прыгнуть в реку не так как ему показывали – плотно сомкнутыми ногами вперед, руки подняты над головой в начале прыжка и раскинуты в стороны в момент входа в воду, чтобы чуть погасить падение. Гоблин решил красиво прыгнуть тупой башкой вперед – дельфином, как он радостно проорал как раз перед тем, как встретиться тыквой с плывущим сучковатым бревном. Даже откачивать дебила не хотелось, но бойцы его десятка проявили участие к судьбе гоблина, и я не стал им мешать. Им же пришлось спешно сооружать для него носилки. На просьбу не тащить полутруп в канал с водой и грязью я только рассмеялся и дружелюбными пинками помог бойцам спуститься. Потом, стоя над засевшим в грязи отрядом, пояснил – мы своих не бросаем. Либо тащим, либо хороним. Выбирайте. Можете быстро прикопать дебила и бежать дальше налегке. Ну или тащите… Усталые гоблины меня порадовали – они реально задумались над щедрым моим предложением, недобро поглядывая на обеспамятевшего соратника. Думали пару минут… и все же решили тащить его дальше.

– Мясо! – рыкнул я – Хреново! Но не так хреново, как я ожидал. Внимание! Каждый десяток в ответе за доставку своих раненых в медблоки! Каждый десяток в ответе за всю снарягу и оружие – если раненые не могут почистить сами, то чистит их десяток! Приступайте! Раненых в медблоки. Привести в порядок снаряжение и оружие – до блеска! Вымыть жопы, чуток пожрать – и на боковую до побудки! Торопитесь, гоблины. Долго спать не получится.

Застонавший двор ожил. С натугой зашевелившие свинцовыми конечностями гоблины задвигались, орущие десятники помогали им добрым словом и ласковыми пинками. Первые волокуши потянулись в сторону медблоков, с шумом врубились расположенные на улицах души для помывки скота. Тугие струи холодной воды ударили по бойцам, принявшись размывать облепившую их грязевую корку.

Постояв под душем, я, показывая пример, занялся снаряжением, начав с оружия. Где-то минут через пять во двор вбежали Тигр с Тигрицей, следом, хрипло кашляя, Котлета и Стейк. После форсирования водной преграды я приказал Тигру еще немного пробежаться, дав задание оббежать окружающие трактир поля и только затем лезть в поливной канал. Разведчики должны быть вдвое выносливее и быстрее. С них всегда двойной спрос. Тяжело отдувающийся зверолюд махнул лапой в сторону ворот. Там робко переминался десяток незнакомых гоблинов с напряженными харями.

– Свежее мясо жаждет вступить в ряды – пояснил зверолюд.

– Каппа! – крикнул я и из-под душа шагнула фигура мечника – Поговори с теми гоблинами. Растолкуй насколько тут все хреново. Если не передумают – распихай по десяткам и пусть готовят жопы к рывку.

– Есть!

Азиат тяжелой трусцой направился к воротам, а я глянул на счастливо лыбящегося часового на наблюдательной башне и жестом велел ему спуститься и помочь с доставкой раненых к месту лечения. Другим жестом велел Тигру сменить часового кем-нибудь из своих. Вскоре туда поплелись Стейк и Котлета. Их спины выражали многое… но только не радость. Умные гоблины поняли, что поспать им не судьба.

– Так хочется разврата – выдохнула перегнувшаяся через подоконник девушка с золоченными бровями и ресницами, после целой ночи пьянки выглядящая удивительно свежо и трезво – Герой Оди… потрахаться не желаете?

– Героям не до траха – буркнул я, сдирая с себя разгрузку и бросая этот грязный ком под душ – Рэк! Отверни хлебало от сисек золоченных и поверни к винтовке!

– Есть отвернуть хлебало от сисек золоченных! Эх!..

– Ну и дебилы! – обиженно надулась золоченная, втягиваясь обратно в трактир – Зря только терпела… эй, крестьянин! Хочешь тела моего?!

– Ыгываыва!

– Мягкого! Упругого!

– Ыгы-ы-ы-в!

– Налетай!

– У-у-у-у-у-у!

Общающиеся у ворот гоблины шарахнулись в сторону, когда на них надвинулась пара огромных черных быков, тащащих за собой прикрытую брезентом груженную повозку. Следом медленно шла багги с платформой. Навстречу долгожданному грузу торопливо шагал Рокс, следом спешила Джоранн, успевшая бросить взгляд на пытающегося вымыть грязь из всех щелей Хвана.

Хорошо…

Пока вымотавшиеся гоблины спят, я еще разок навещу медблок, где выпрошу дополнительные уколы для скорейшего восстановления. После сна и остальных гоблинов загоню туда же. И проверю-ка интерфейс на предмет не главных заданий. Вдруг подвернется что-то действительно стоящее…

Белого Гиппо оживили техники Червеуса, попутно заменив развлекательному экзу мозги, вставив вместо дешевой хрени

модули поумнее. Так экз потерял свой зычный голос, перестав зазывать детишек и заодно привлекать к себе внимание – голосовая прошивка оказалась в убранных чипах. Техники были не мои, но именно мне они доложились после выполнения всех работ, держась при этом спокойно, но деловито и не позволяя себе уходить на левые ненужные темы. Одним словом – профи.

Из их доклада следовало, что Гиппо теперь будет передвигаться на пятнадцать процентов быстрее, манипуляторы будут действовать чуть ловчее, но как ты жопой не крути и сколько ты мозгов в старую железяку не вставляй, реально боевой скорости и живучести от экза не добиться. Однако повоевать на нем можно неплохо, хотя, как уверенно заявил старший техник, отряхивая серый комбез от пыли, в качестве штурмовой единицы экз себя если и сможет показать, только при нападении на вооруженных копьями туземцев. Но если использовать экз в качестве боевого сопровождения, не забыв снарядить его наиболее подходящим оружием и оборудованием…

У меня были схожие мысли, но перебивать технарей я не стал, равно как и торопить. Наоборот – угостив их обедом, я провел с ними пару часов, внимательно слушая каждое их слово, где нужно переспрашивая, уточняя, посмеиваясь над их не всегда понятными шутками, соглашаясь с их мнением о порой донельзя тупых операторах экзоскелетов и вообще ведя себя максимально мягко и продолжая спрашивать, спрашивать, спрашивать и еще раз спрашивать, причем не только касательно Гиппо, но и вообще о ситуации с экзоскелетами в целом. Все услышанное я фиксировал в памяти и продолжал слушать технарей. После того как мужики насытились, попивая странный здешний чуть кисловатый красный чай, мы вернулись в восставшему из металлолома Гиппо и я выказал свои пожелания. Выслушав меня, техники посовещались, после чего предложили небольшие изменения в мой план. Я согласился, и они вернулись к работе, начав оснащать боевой механизм оружием.

В результате экзу были заменены батареи на более емкие, что дало ему четыре часа автономности, а не еле-еле полтора, как было до этого. Экзы очень прожорливы. Зная это, я и приказал Роксу готовить под Гиппо перманентное место на платформе. Подобные механизмы чаще всего находятся в спящем режиме и перевозятся другим транспортом к месту будущих действий. Только там засевший в экзе оператор подрубает питание и встает, чтобы начать строить, перетаскивать или убивать – зависит от экза и поставленных целей.

К тому же заявленные четыре часа автономности… вранье. Ничем пока не доказанная теория.

В реальном бою, где внутри экза профессиональный боевой оператор, всегда бывает по-разному. Это связано и с картиной боя – иногда экзы просто стоят за укрытиями и палят из всех орудий, не тратя энергию на ходьбу. Да еще при этом одновременно подзаряжают батареи от наземных источников или с помощью солнечных батарей. Но иногда хрен такая идиллия выпадает – приходится бегать, прыгать, падать, перекатываться, взбираться в горы, валить молодой лес, пробивая себе путь. И вот тогда энергия утекает как кровь из перерезанной глотки…

Гиппо нужно тестировать. Но это чуть позднее. Сначала надо дождаться, когда на него установят дополнительные броневые щитки, на левую лапу навесят десятизарядный дробовик, способный одним выстрелом слона нашпиговать картечью, а в правую установят бронебой, чей прицел сопряжен с оператором – если оператор обладает установленным в башку чипом. Под задние броневые щитки установят картриджи с дополнительным боезапасом. В загривочную клетку с установленным полом из мелкоячеистой решетки намертво встал миномет. Там же разместился боезапас, там же хватит места для одного-двух гоблинов, чьей задачей будет не только палить из миномета, но и переснаряжать пушки экза.

Второй миномет ушел на грузовую платформу, где Рокс, полыхая огнями сварки, сооружал что-то вроде бронированного гнезда.

А Гиппо… что скоро перестанет быть белым навсегда, стал выглядеть как обычный боевой экз снаряженный кем-то вроде боевиков из наркокартелей. Именно они – наркокартели – никогда не нуждаясь в деньгах, но никогда не имея доступа к реально элитной боевой технике, сотнями закупали любые доступные модели экзов и шагающей техники покрупнее, чтобы затем перекрасить их в цвета картеля, намалевать эмблему, снарядить чуть ли не доисторическими или самодельными пушками, после чего выпустить их на периметр своих территорий. Подобные экзы патрулировали трущобы подконтрольные бандам, не допуская внутрь копов и чужаков. На таких экзах воевали и законопослушные жители независимых общин, что жили на Брошенных Территориях.

Брошенные Территории… дерьмо… вся эта информация всплыла в моей башке сама собой! Я не делал ни малейших усилий! Я просто вспомнил! Но еще вчера – уверен в этом! – я не знал ничего из этого! Ладно… ладно… скоро я закинусь еще одной таблеткой. Как только завершу срочные дела…

Но насколько же яркая в моей гудящей голове картинка… я внутри экза двигаюсь сквозь заросли генномодифицированных

растений, чьи гигантские бутоны уже раскрыты и из них капает густой «эфир», падая прямо в жадно раскрытые рты распростертых на земле истощенных до предела доходяг, что уже не принимают еды и воды, медленно умирая и пребывая при этом в вечном кайфе. То и дело под ногами хрустит чья-то конечность или проламываются хлипкие реберные клетки, но те, кого я давлю, продолжают блаженно улыбаться даже с бьющими из ртов кровавыми фонтанами. Им уже на все плевать. А мне нет – эти поля и эти цветы нужны нам, и я со своим отрядом топаю их отбивать у наркокартеля, как раз собираясь схлестнуться с самопальными неповоротливыми экзами и шагоходами покрупней. Производимый растущими на этом поле цветочками «эфир» – составная часть сложнейшего коктейля амнос… Нам нужен не только урожай. Нам нужны эти земли. И работяги, для которых не изменится ничего. Здесь вообще ничего не изменится после моего визита – не считая владельцев…

Экзы…

На подобных самопальных боевых механизмах устраивались целые войны – частные, само собой, тайком проспонсированные всемогущими жадными корпорациями. На таких же машинах часто проводились гладиаторские поединки, где один из операторов чаще всего погибал. Такие экзы тащили за собой трейлеры вечных бродяг, путешествующих по гибнущему миру, подзаряжаясь от раскрытых на крышах трейлеров солнечных батареях. Эти бродяги – чаще всего путешествуя небольшими семьями со сложными внутренними отношениями – отрицали все, по их мнению, умершие понятия и законы, придумав вместо них немногочисленные собственные. Они были мирными и странными курильщиками самолично выращиваемой забористой дури, что любили, сидя на плечах остановившихся экзов и крышах трейлеров, порассуждать о судьбе мира, глядя с хайвэев на лежащие внизу заброшенные подтопленные города, фабрики и кладбища. Эти бродяги восторгались красочной агонией мира, часами любуясь многоцветными химическими закатами и черными облаками…

Было воспоминание… и куда-то ушло. Будто всплывшая ненадолго к поверхности рыба снова ушла на глубину. И снова – ладно, ладно… я подожду. Мне есть чем заняться в настоящем.

Залетные любопытные гости пили и пили, продолжая умело вливать в себя бухло. Чтобы не иссякли запасы, трактирщик поспешил пополнить их, заказав целую телегу различного алкоголя, начиная со свежайшего чуть ли не детской крепкости сидра – по его словам – и заканчивая такой крепости спиртом, что только при взгляде на бутылку его содержащую начинали

плавиться глаза – опять же по его словам. Рэк не поверил и пошел пялиться на бутылки со спиртом, но вскоре вернулся, захлебываясь слюной алкоголика и выглядя самым несчастным орком в округе. Выпить хотя бы глоток он и пытаться не стал. Сквад эти дни не пьет. Сквад эти дни без увольнительных. Сквад эти дни не трахается. Хотя последнее не запрещено. Но если я опять увижу спаривающихся гоблинов, то снова решу, что им не хватает физической нагрузки. После сегодняшней ночи посмотрим зачешется ли у кого-нибудь…

Но вряд ли зачешется – я позволил бойцам поспать всего пять часов, после чего последовала побудка, а следом и новые учения. На этот раз они были посвящены оружию и стрельбам, на что ушло три часа непрерывной пальбы. Я поделил всех на двойки и тройки, распределил оружие и заставил сначала стрелять, потом разбирать оружие, чистить, снова собирать, заряжать обоймы и пихать патроны в дробовики, сменив позицию, опять стрелять, снова разбирать… раз за разом, раз за разом, не забывая злобно напоминать, что боец не обязан знать как называет так хитро загнутая хреновина в автомате, но он обязан знать куда она вставляется и как это сделать быстрейшим способом! Едва закончились стрельбы – здравствуй пробежка. И я, двигаясь впереди гоблинов, не дал им шанса просто тупо переставлять копыта, двигаясь к финишу максимально медленным темпом. Я заставил их выложиться и в спринте, и в ползании, и в прыжках. И кто сказал, что мы должны бегать по дорогам? Бездорожье. Заросшее колючками, истыканное норами и заваленное камнями бездорожье. Вот единственная необходимая для тренировок детская игровая площадка. Научишься играть здесь – сможешь везде.

Наш путь привел к небольшому хуторку. Тесная групп из пяти мирных двухэтажных зданий с уже снятыми окнами и частично разобранными крышами. Хутор не умер. Наоборот – расцвел чуть в стороне, гордо красуясь каменными стенами недавно завершенных построек любовно окруженных цветочками. На поднятый нами шум и вонь перегретых потных тел вышел хозяин. Крепкий старикан с цепким взглядом и повадками убийцы, а не фермера. Мне хватило пары слов, чтобы убедить его в том, что мы не несем угрозы. Использовав еще несколько слов, я получил разрешение для моих гоблинов в неглубоком бассейне под навесом – там в жару нежились свиньи. Нам в самый раз. Сидя по подбородок в мутной воде по соседству с блаженно стонущими гоблинами, я еще немного пообщался с дельным стариком. И вскоре мы пришли к простому соглашению.

Еще через полчаса я выгнал всех из скотского бассейна,

подозвал к себе десятников и коротко пояснил текущую поставленную перед нами задачу. На поблескивающую под лучами искусственного солнца полусферу наблюдения на я не смотрел, но знал, что система слышит каждое мое слово. Система видит как мы рвем жилы в подготовке. И мне это на руку. Но сейчас как-то плевать на системное одобрение. Передо мной другая задача.

Те старые бревенчатые здания подлежали разборке на составные части. Но дел на хуторе хватало и заканчивающим ежедневные обязанности только к вечеру работникам было уже не до демонтажа.

Что ж – мы с радостью поможем.

Я пообещал, что сегодня мы разломаем одно здание. Но сначала устроим в нем небольшие игрища…

Задачу перед сквадом я поставил простую – взять здание штурмом. Задача будет считаться выполненной, когда все защитники «погибнут».

Молодняк против десятников и меня. Вооружение – дубины, электрошокеры, кастеты, наспех выточенные ножи. С огнестрелом пока решил погодить. Но уже завтра я выкуплю в торгматах тот заманчивый лот с резиновыми пулями. И уже завтра… Но не будем спешить.

Отдав команду, я дождался, когда десятники доходчиво объяснят мясу детали и неспешно потопал к зданию. На хриплые жалобы о том, что это несправедливо, я внимания не обращал. Поднявшись по скрипучим лестницам на второй этаж, выбрал себе позицию в дальнем конце коридора и принялся ждать. Проклятье… невольно почувствовал себя тем зомби-лидом, что засел в лечебнице Тихие Буки. Вот и он точно так же каждый день ждал, когда очередные жадные до славы и крон дебилы сунутся на его территорию…

Первый же гоблин, что с истошным странным визгом взлетел до второго этажа и помчался на меня с выставленным ножом, с моей небольшой помощью, круто свернул, в пару прыжков преодолел комнату и вылетел в окно, продолжая верещать. Он рухнул пузом на какие-то доски у дома и затих. Через пару мгновений к нему полетела пытавшаяся подкрасться лысая девка, воткнувшаяся в землю выпрямленными в струнку ногами. Она попыталась вскочить, не сразу поняв, что сломала как минимум одну лапу. С яростным ревом засевший подо мной Рэк пнул в харю сунувшегося в окно гоблина. Ботинок пришелся по забралу, отлетевший боец со злым криком подхватился и упрямо сунулся туда же, громко обещая порвать чью-то жопу своим мясным гарпуном. На этот раз озлившийся Рэк выпрыгнул навстречу… и

на него тут же набросилась пятерка хитрожопой молодежи, что явно так все и спланировала, уже успев изучить характер орка. Со звоном и лязгом где-то позади меня, на втором же этажа, совершил героический полет к земле следующий придурок, на лету вопя имя Каппы.

А вы как думали, придурки? И ведь это без огнестрела! И ведь я не заставлял красться к зданию! Я не ставил задачи подобраться незамеченными…

Первое здание разваливать по бревнышкам пришлось нам – ветеранам. Остальные, нагруженные носилками и волокушами, убрели на базу, стараясь двигаться побыстрее – десяток гоблинов получил серьезные повреждения и им требовалась срочная медицинская помощь.

Когда мы закончили раскатывать постройку, оставив все валяться как есть – закончим позже – ко мне подошел старикан с кувшином кваса и поблагодарил.

– За что хвалишь, старикан? – поинтересовался я, передавая наполовину опустевший кувшин Рэку, чья харя была сплошь расцарапана. В той атаке он вышел победителем, но шлем с него сорвали и одна особо злобная гоблинша хорошо прошлась по его морде когтями, прежде чем улететь копчиком в стену и потерять сознание.

– За что хвалю? – старикан чуть помедлил, собираясь со словами и пояснил – Среди работников молодежи хватает. Целое здание под их общее житие отведено. Все холостые, все куда-то рвутся, все хотят этому миру доказать свою силу.

– И что?

– И вот сегодня посмотрели они как ты с буграми своими парней да девок жопами на бревна и кирпичи ссаживаете со второго то этажа… и речи их сразу изменились. Про подвиги геройские говорить перестали, а вот про полив огородов и очистку поливных каналов слов прибавилось. Так что благодарю за вразумление молодых. А завтра и с соседних хуторов да селений народу прибавится – слухи ведь расползутся. Пусть поглядят как хари о стены и камни плющатся. Как кровь из разбитых носов брызжет, как кости хрустят… Завтра ведь придете?

– Может даже сегодня – усмехнулся я – А с тебя квас, старик.

– И побольше – сипло выдохнул орк.

– Будет вам квас. И крендельки ржаные. Соленые. Пару кадушек.

– Вот это дело!

Кивнув на прощание, я зашагал прочь, сопровождаемый

десятниками.

– Баск хотел с тобой поговорить, лид – бесстрастно заметил Каппа, отказавшийся от кваса, зато выжравший кружку выпрошенной жирной сметаны и солидный кусок круто посоленного хлеба. Мечник знал, как восполнить силы.

– О чем?

– Что-то о Сэсиле.

– Поговорим – кивнул я и перешел на бег – Догоняем мясо! Хван! Ты чего такой злой?!

– С крыши один дебил мне на загривок упал, когда я из окна высунулся – пожаловался призм.

– И что?

– Напоролся на плечевые шипы! И от боли обоссался! А мне теперь из всех щелей его мочу и кровь вымывать!

– Учения они такие – буркнул я, ускоряясь – Живее! Как вернемся – передышка пять часов! И обратно с теми, кто еще в состоянии…

Мы вернулись не через пять, а через четыре часа. На этот раз нас было меньше двух десятков. Остальные, с различной степени тяжести ранениями, отлеживались под навесами во дворе, выполняя мой приказ – жрать, пить, спать, срать, посещать медблок, все это выполняя как можно чаще.

С нами прибыл Гиппо.

Мы прибыли сюда по кратчайшему маршруту и весь путь занял всего час. Экза вел я, посадив на плечи молодняк, а ту, кого я приметил на роль постоянного оператора, запихнув к себе в кабину, чтобы наблюдала и училась на ходу. Прилипнув ко мне мокрой майкой, она этим и занималась, не отводя горящего взгляда от экранов и внимательно наблюдая за моими действиями. По ходу дела я коротко пояснял. И по ходу дела я вспоминал – каково это, находиться внутри движущегося боевого шагохода. Гиппо слишком большой. Его трудно назвать экзом, который является продвинутым скафандром. Здесь же считай шагающая машина созданная для блуждания по парку развлечений. Слишком тяжелый, слишком неповоротливый, но хотя бы ставший молчаливым.

Доведя Гиппо до хутора, я выбрался, глянул на тут же разлегшуюся на ложементе сероглазую скуластую девчонку и впервые поинтересовался:

– Имя, боец?

– Сэбл!

– Если справишься – экз твой, Сэбл. Это понятно?

– Да, лид! Спасибо, лид! – ее глаза полыхали восторгом.

– Если облажаешься…

– Да, лид! Все ясно!

– Выполняй. У тебя двадцать минут. Засеки текущий расход энергии и помни, что до базы ты должна добраться своим ходом. На пушки питание не подавай. Сделай пару кругов вокруг хутора, форсируй пару ручьев и каналов. Не забывай про вес! Теперь твоя жопа весит пару тонн! И весь этот вес приходится на две ноги. Думай, где идешь, думай куда наступаешь. Первое время держись подальше от деревьев и построек.

– Есть!

Колпак захлопнулся, с гулом сервоприводов выпрямившийся экз чуть постоял, затем медленно развернулся и зашагал прочь, с каждым шагом двигаясь все свободней и быстрее. Еще через полминуты экз окончательно выпрямился, сложил манипуляторы, зашагал чуть ровнее – Сэбл ткнула на автоход и Гиппо перешел на экономичный крейсерский ход, продолжая чутко прислушиваться к телу оператора.

– Ты – я ткнул в молодого парня, что несколько часов назад неплохо показал себя в забрасывании камней и кирпичей в окна общежития, прикрывая идущих на штурм привратников – Догони. Заберись в наспинную корзину.

– Есть! Что там делать?

– Изучай миномет. Привыкай к движению на загривке идущего или бегущего экзак.

– Есть, лид!

– Ты за ним – кивнул я продолжающей хрипеть фигуристой бабе, что отличалась завидным упорством, несмотря на свой возраст ближе к пятидесяти. Упорством и физической стойкостью. А еще она не боялась получать удары и нежно любила любое огнестрельное оружие – Смена батарей и перезарядка боеприпаса экза – на тебе.

– Есть! Мое имя Лана!

– Обживайтесь там. И передай остальным – до возвращения на базу слезать с экза запрещаю. Все делайте на ходу.

– Есть!

Проводив ее взглядом, повернулся ко второму зданию, коротко изучил его, после чего велел:

– Десятники ко мне. Остальные – в здание. На этот раз мы атакуем – вы обороняетесь. Проверить боезапас – у всех должны быть резиновые пули. Проверить снаряжение! Если кто-то словит открытой харей пулю… Задача такая же как в прошлый раз – обороняющиеся должны удержать позиции, а штурмующие должны уничтожить всех защитников. Не жалеть боеприпасы! Завалите нас!

– Из винтовку в жопу десятника? – мигнул один из новобранцев, светловолосый крепыш с помеченной шрамом левой щекой – С радостью!..

– О дерьмо… – стонал лежащий на носилках крепыш, держась за отбитый падением живот – О дерьмо… жопа жопе моей… о дерьмо…

На него никто не обращал внимания – у всех хватало своих забот. Колонна, с замыкающим ее охромевшим экзом, медленно двигалась к базе. Нам вслед махали зрители, еще одно здание обратилось в груду бревен и досок. Задумчиво потирали животы под белыми рубахами молодые парни, что явно передумали становиться героями.

– Мы ведь еще вернемся, лид?

– Сметана понравилась?

– Да… и хлеб… вкусно.

– Вернемся – подтвердил я и, обернувшись, глянул на хромой экз – Гиппо подзарядить – и сразу отправить в рейд вокруг базы. Как вернутся – сменить батареи и снова в рейд. Корзинный отряд озадачить делами.

– Какими?

– Они погрузили в корзину кирпичи и доски?

– Да.

– Так пусть на базе выгрузят. Затем снова погрузят. Вернутся на хутор. Загрузятся. Вернутся на базу – уже другим путем. Разгрузятся…

– Я понял, лид.

– Хорошо.

– Привыкание к экзу?

– Привыкание к новой ходячей казарме – поправил я – Там теперь их дом. И готовьтесь к небольшой вылазке.

– На этот раз я иду?

– Не помню, чтобы я запрещал – усмехнулся я.

– Я понял, лид. Больше я не проиграю орку в той игре…

– Что-то еще хочешь сказать?

– Это мелочь… но…

– Мелочь?

– Касается фруктов и овощей, что в избытке поставляет нам трактирщик в огромных корзинах…

– К сути, Каппа.

– Это на самом деле мелочь… вроде как связанное что-то с сезонными опрыскиваниями садов и огородов. Легкие отравления, долгий понос… короче мелочь, но досадная и выводящая из строя бойцов… сегодня шестеро свалились, а могли

бы прибыть на учения вместе с нами.

– К сути, Каппа… что не так с овощами и фруктами?

– Ну…

– Итак! – прорычал я, стоя перед навесами, что вместили в себя немалое количество коек и гамаков для тех их бойцов, кто предпочитал лечиться и восстанавливаться на свежем ветерку – Гоблины не желают споласкивать фрукты и овощи. Пожирают их прямо с налипшей грязью…

– Там тоже витамины, лид! – расцвел в усталой улыбке гоблин лет тридцати, покачиваясь в гамаке и красуясь перевязанной лапой.

– Витамины – повторил я и кивнул – Все верно. Витамины. Иди сюда, боец.

Когда до меня добежал вызванный гоблин, я протянул ему фрукт:

– Держи яблоко.

– Спасибо, лид.

– Немытое.

– Похер, лид!

– Съешь, когда скажу.

– Есть! Завидуйте, гоблины! Лид Оди мне яблочко задарил!

– Расскажу вам сказку, гоблины. Простую жизненную сказку. Начинается пора сбора урожая – широко и мирно улыбнулся я, прохаживаясь за спиной вцепившегося в румяное яблок гоблина – И вот хозяин сада объявляет работникам, что сегодня они будут собирать урожай. Те притаскивают лестницы и корзины. Начинают собирать спелые сочные яблоки. Они подхватывают их цепкими умелыми пальцами, срывают, опускают в корзину, а когда плетенка заполнится, спускают ее к повозкам и выгружают. Работа не из легких! Потеют бедолаги… мокрое свербение везде… а особенно в жопе… и вот вспотевший крепкий работяга на пару секунд останавливается, запускает себе в штаны пальцы и с наслаждением чешет свои взопревшие бубенцы, прямо раздирая их ногтями, под которым давно уже скопилось немало чего… пахучего и липкого.

– О дерьмо – пробулькал гоблин с яблоком.

– Потом его пальцы спускаются поглубже, в ту особенно потную расселину, что совсем рядом с истекающей непонятно чем дыркой, которую он вчера особо и не подтирал. И вот, собрав пот и грязь с мохнатых причиндал и расщелин, на ходу поправив потный отросток, еще немытый после вчерашнего спешного перепихона на сеновале с толстой подружкой, он продолжает собирать яблоки, нежно подхватывая их за бока влажными

липкими пальцами.

– О дерьмо! О дерьмо!

– В чем сука мораль сей сказки? А в том, что крестьяне трудятся в поте лица и жоп. И их труд надо уважать! А теперь сожри яблочко, гоблин.

– Я…

– Жри яблоко, гоблин!

– Лид! А оно мытое?! Мытое?!

– Не-а – ощерился я – Нихрена не мытое. И прошло через немало лап. Давай. Сначала лизни румяный бочок.

– Буэ… Буэ-э!

– Лизни бочок, боец!

– Лид… я бы сполоснул яблочко… Матерью молю!

– А как же витамины?

– Яблочко бы сполоснул я… очень хочу сполоснуть яблочко…

– Да теперь все полоскать будут в трех водах – сдавленно пробулькал кто-то еще – Липкость смрадных расщелин… ох… что-то мне нехорошо…

Кивнув, я развернулся и зашагал к трактиру. Время перекусить и заняться особо важными делами.

Глава седьмая

Изменения в трактирной обстановке почувствовались сразу.

Цветастые раззолоченные бабочки никуда не делись, но все как одна дружно сместились в ближайший к выходу конец зала и вели себе непривычно тихо. Сам зал был тих. Исчезли пьяные выкрики, визги, страстные наигранных вздохи и требования нести еще жратвы и бухла.

Причина так же стала ясна сразу же – центр зала был занят рыцарями. Всего двумя, но зато какими – увидев их, я сразу вспомнил рассказ Артура про небесных рыцарей. Их доспехи представляли собой крикливый шедевр, где позолотой, серебром и драгоценными камнями была умело замаскирована техническая продвинутость этих стилизованных под рыцарскую броню экзов. Мне хватило несколько шагов, чтобы понять – в этих экзах нет ни единой щели. А те, что видны невооруженным взглядом – щели между броневыми щитками – не больше, чем искусно нанесенные черной краской обманные метки. Рыцарские шлемы украшены пышными ветками, причем листья из зеленого полупрозрачного материала. Забрала подняты, не скрывая мужественные лица.

Раз мне не доложили – стало быть, рыцари прибыли только что. И за это время успели не только оглядеться, но и произвести некоторые изменения в трактирном зале. Главное изменение – столик на двоих притулившийся скромно у глухой стенки неподалеку от барной стойки. Столик не здешний – не припомню, чтобы у трактирщика имелись полностью или даже хотя бы частично хрустальные круглые столики, а к ним чтобы еще прилагались хрустальные же стулья с ажурными спинками.

– Герой Оди – обратился ко мне рыцарь постарше – Хорошо! Не пришлось искать!

Ничего не отвечая, я жадно разглядывал их доспехи, обратив внимание и на оружие – закрепленный холодняк на поясе и огнестрел на спине. Оружие именно закреплено, в специальных пазах, а не висит на ремнях. Легкие вздутия на пояснице, груди, бедрах и голенях показывают, где под броней скрываются технические узлы – батареи, сервоприводы, аптечка и много чего прочего.

Да… любой такой сверкающий рыцарь запросто покажется деревенщине неизбывно харизматичным, могучим и прекрасным небесным посланцем.

– Вам следует немедленно обеззаразиться, вымыться, переодеться в доставленную нами одежду, спрыснуться легким терпким парфюмом и занять место на левом стуле. Оружие и

прочее следует оставить в…

– В твоей жопе? – предположил я, после чего развернулся и шагнул к выходу.

– Э… Герой Оди! Вы вижу не поняли кто именно пожелал увидеться с вами!

– Высшая… – едва слышно пискнул замерший у стенки трактирщик – Матерь Святая… Высшая у меня в гостях… Герой Оди. Это ее охрана…

Обернувшись, я еще раз оглядел рыцарей, потом выглянул в окно, где и обнаружил запаркованную на травку летучую машину, неслышно доставившую сюда гонцов. Цыкнув, завистливо вздохнул и шагнул дальше.

– Герой Оди! Вы обязаны…

– Я тебе нихрена не обязан – не согласился я.

– Зато многие обязаны вам – неслышно шагнувшая от дверей тонкая высокая фигурка откинула плотную серую вуаль с лица, на меня глянули потрясающей красоты неестественно большие карие глаза в обрамлении густых черных ресниц – Герой Оди совершивший очередной подвиг… Герой Оди, что продолжает отсиживаться в деревенском скромном трактире и не рвется в Кронтаун… Поговорим, герой?

– Поговорим – кивнул я, с некоторым трудом оторвав взгляд от невероятно породистого холеного личика – Кто ты?

– Я Дилтарилуэлла Западная – улыбнулась пепельноволосая, чуть наклоняя голову и позволяя заостренному уху пробиться сквозь пряди – Высшая. А еще нас называют эльфами. Ты можешь называть меня Дилей.

– Великая честь! – ахнул трактирщик, что вообще на слишком многое реагировал чересчур эмоционально.

Оглянувшись еще раз, я глянул на столик, поморщился и предложил:

– Гороховая похлебка с жареным салом и луком, холодное мясо с солью и чесноком, еще горячий хлеб и чуток самогона. Жрем от пуза. И всегда можно догрузиться еще шипящей яичницей.

– Звучит… обалденно – признался эльфийка, одарив меня улыбкой.

– Там за нашим гаражом есть навес с парой скамеек.

– Веди.

– Госпожа – недовольно скрежетнул рыцарь – Ваш статус… это несколько… сегодня по расписанию вы девятый день наслаждаетесь алыми фруктами и ничем иным… ну еще смузи из клюквы и водорослей…

Фыркнув, эльфийка развернулась и бодро направилась к

выходу, на ходу сдирая с себя головной обруч с вуалью, а вместе с ним длинные розоватые перчатки. Я бросил короткий взгляд на трактирщика и тот рванул к кухне, торопясь выполнить внезапный заказ.

– В жопу смузи – ожесточенно пробормотала эльфийка, бросая перчатки под ноги – Дайте мяса!

Когда мы дошли до нужного навеса, на эльфийке мало чего осталось из прежних пышных одеяний – все ее тряпки упали в дворовую пыль и были шустро подобраны вернувшими себе спокойствие рыцарями. По пути эльфийка не только сдирала с себя тряпки, но и нашла новую, беззастенчиво стянув с веревки сохнущую мужскую черную футболку и всунув ноги в просыхающие там же кеды, смяв задники и превратив их в шлепки. Охреневшему от такой наглости бойцу, что как раз брил харю опасной бритвой и чуть не отрезал себе нос, я дал отмашку, чтобы не дергался, но он и так окаменел – загляделся на мелькнувшие сиськи, что быстро убрались под позаимствованную футболку.

Усевшись на ящик с патронами, она подобрала под себя и скрестила ноги, сверкнув белоснежными трусиками, собрала и стянула в пучок длиннющие волосы, что доходили едва не до колен. Я думал уж все. Но нет. Высшая принялась вытирать лицо шелковым носовым платком. Я толкнул в ее сторону лежащую на столе тощую пачку с парой влажных салфеток и дар был принят с благодарностью. Оттерев косметику – которой оказалось на удивление мало по сравнению с опухлыми харьками навестивших нас ночных бабочек – она облегчено выдохнула. Опять насупилась и пробормотала:

– Я знала, что надо было слушать Мать и только Мать! Но нет же… прислушалась вдруг к нытью тех, кто блюдет сраный этикет и чтит парадность душных одеяний!

– А что сказала система? – поинтересовался я, глядя на застывших поодаль рыцарей – Про меня ведь явно сказала она что-то.

– Откуда знаешь?

– Они стоят поодаль – ответил я – Какими бы рефлексами они не обладали – они не успеют, если я решу свернуть тебе шею. И система не успеет – нас прикрывает от полусферы багги и крыша навеса. Но твои охранники пошли на такой риск. Остается вариант того, что на меня пялится в прицел винтовки снайпер…

– Вполне было бы разумно – кивнула девушка.

– Но тогда он должен быть в воздухе – нас со всех сторон прикрывает забор. А я не вижу дронов в небе поблизости.

– Если и увидишь – там нет никого из целящихся в тебя.

– Так что сказала система?

– Что тебе нравится простота. Что ты не любишь чрезмерность в любом ее проявлении. Что ты наркоман, плотно подсевший на эльфийские слезы и что твои дозы медленно растут. Что ты вколол себе цитрат алого лайма. Что ты умен и практичен, целеустремлен и безжалостен, не боишься крови и убиваешь со спокойствием палача. Что ты относишься к своему телу как к механизму, требуя от него идеального послушания, что ты стремишься всегда пребывать на пике физических возможностей и этого же требуешь от всех, кто последовал за тобой. Что ты ненавидишь давление и жесткий контроль. И только и ждешь повода, чтобы выказать неповиновение. Ты стремишься к полной свободе. Тебя не волнуют деньги – вернее, ты относишься к ним как к средству достижения своих целей, но вот словосочетание «я богат» не греет твою душу совершено. Что ты не убьешь просто так – забавы или трофея ради. Но при этом ты к очень многому нетерпим. Каннибализм, насильники, садизм ради садизма… подобное ты не перевариваешь…

– Хм…

– А еще тебя не существует.

– Это как?

– Мы эльфы.

– По ушам понял.

– Эльфы… ты вот сказал – свернуть шею.

– Ага.

– Учти, гоблин герой Оди на будущее – эльфу мало свернуть шею. Перерезать глотку – тоже мало. Сердце пронзить – ерунда. Эльфам надо рубить головы. И при этом проследить, чтобы голова укатилась подальше от тела. Так ты убьешь разум и личность – вместе со смертью мозга минут через десять-пятнадцать. А тело… оно скорей всего закупорит шейный обрубок через секунды четыре после отрубания головы. После чего тело поднимется и двинется за головой, точно зная где искать. У нас Высших есть особо позорная казнь, что применялась за всю историю раз десять самое большее. Эльфу отрубают голову. Затем его голову привязывают к веревке и тащат по земле. А обезглавленное тело, вытянув руки, шагает следом. Так голову дотаскивают до компостной пучины и бросают подальше от края. И тело само лезет следом…

– Техника и химия?

– Они самые – правильно поняла меня эльфийка, коснувшись правой части груди – В телах Высших очень много всего… и речь не только о электронике и продвинутых аптечках. Речь о ДНК… эльфы это те, гоблин Оди, кем должны были стать все гоблины до

единого – мы люди будущего. Раса полубогов, способная жить в самых ужасных экологических условиях, упорно работая над тем, чтобы эти самые условия изменить в лучшую сторону. Мы разработанные спасители мира… хотя я не из их числа, хотя и живуча. Но я не супер боец, не обладаю невероятной силой… я просто красивая. Та, что должна была стоять на террасе уютного дома и с радостной улыбкой смотреть на опускающийся флаер моего мужа, что возвращался домой после тяжелой рабочей вахты по спасению мира… ну ты понял. Но мы так никогда и не пытались спасти мир. Мы просто нежимся, поедаем фрукты, трахаемся в вуалях и лениво позевываем в перерывах…

– Охренеть – признался я – Уверена что за эту крамолу тебя не лишат умной головы?

– Не-а. Лотерея выбрала меня. На следующие двадцать семь дней я – Алый Шут. А прошло уже тридцать три дня. Мне можно говорить что угодно, требовать что угодно, причем всегда и во всем мое мнение не должно совпадать с мнением остальных. Включая важные заседания, голосования и прочее. Я всегда должна быть против. Я всегда должна делать что хочу. И никто не имеет права мне мешать. Потому что я Шут этого сезона. Хотят Высшие засадить равнину на пихтовый лесок? Я против! И должна пояснить почему – причем резонно, умно, с развернутыми пояснениями о том, почему пихты сажать нельзя и почему лучше бы их заменить лугами орхидей, ну или просто отдать болотистую равнину под осушение и последующую распашку. А это очень не просто быть всегда против всех, гоблин Оди. Но тебе ли не знать?

– Я рад нашей встрече – искренне признался я – Люблю информацию.

– Как и я. А еще люблю неординарных личностей. А еще подыхаю от скуки. И лопаюсь от злости. Поэтому я здесь. Где мой горох с салом?

– Уже несут – указал я глазами на спешащего с подносом трактирщика и бегущих за ним ушастых разносчиц – Так почему меня не существует?

– Когда о тебе пошли реально сильные слухи – а они полыхнули после Синего Света – всем стало интересно кто же ты такой. А что говорит о человеке лучше всего?

– Его прошлое?

– В точку. У Матери попросили твое дело. Многие захотели узнать кем же был раньше этот невероятный гоблин. Мать предоставила. Нате мол, кушайте. А там твоя биография начиная с пробуждения в статусе Добровольно Низшего. Список твоих невероятных подвигов – реально невероятных, учитывая те твои

прошлые возможности и техническую оснащенность. Весь список в общем, вплоть до текущего момента. Одна проблема – до того, как ты стал Добровольно Низшим… про то время нет вообще ничего. Нет даже твоего возраста! Спасибо хоть пол указан – мужик. А сейчас так вообще с тебя сняты все задания и обязанности. Ни одного активного задания!

– Ни одного – медленно кивнул я.

Значит, «главного» задания что сейчас висит у меня в статусе, эльфы не видят. Хорошо…

– А награды за прошлые задания?

– Это всегда сокрыто – покачала головой Диля – Награды за задания – всегда личное. Чтобы никто не мог позавидовать или наоборот посмеяться. Что Мать дарует – свято и лично.

– Запутанно – поморщился я – И странно.

– Пусть так. Но это одно из табу. Да плевать на твои награды за выполненные задания. Главное – это список свершенного во благо мира. А что еще главнее – кто ты такой? Тебя нет!

– А ты кто?

– Я? Рождена Высшей. Вот можно сказать, и вся биография… дважды была Шутом. Ни разу не была Ферзем. Рождена в семье Принимающего Решения. Единственный ребенок. С отличием закончила все учебные заведения – аж саму тошнит от этих успехов. Не имею постоянного партнера для сексуальных утех.

– Ферзь… А это кто? Речь ведь не о шахматах.

– Ферзь – противоположность шута. Шут – раздражитель. Ферзь – вершитель. Его голос равен голосам десяти Высших. А это много, учитывая, что всего всегда сотня Высших Принимающих Решения. Кто ты такой, гоблин Оди? Тебя не существует. А любой запрос касательно твоего прошлого до стирания памяти возвращается с пометкой, что эту информацию могут предоставить только в Башне.

– Башня?

– Ты кто?

– У меня стерта память – напомнил я – Про это отмечено?

– Да. Это начало начал твоих жизненных записей. Первая пометка без привязок к датам – что уже нарушение! – о том, что у тебя была стерта память, проведена ампутация, после чего ты был помещен в хладный сон. Затем первая дата – твое пробуждение в Низшем Мире. Потом первое задание – сбор серой слизи…

– Рожден для сбора слизи – усмехнулся я и пододвинулся, давая трактирщику поставить поднос на стол.

– Судя по документам – так и есть. Ты низший рожденный для сбора слизи, чистки столов, мойки пола. И ты делал все это.

– Делал. Каждый день надо что-то жрать.

– Не рассказывай мне всякой хрени! – она с особым вкусом произнесла эти слова, причем ее мягкие обворожительные интонации бесследно исчезли. Передо мной сидела красивая циничная баба с задорно топорщащимися сквозь еще мокрую ткань футболки сосками и зло поблескивающими огромными глазами.

Схватив кусок хлеба, она мокнула его в густую дымящуюся гороховую похлебку, подавшись вперед, откусила здоровенный кусок мокрого хлеба и испустила долгий блаженный стон. Я не мешал ей насыщаться нормальной едой – смузи и алый фрукты сезона? Ну нахрен… – сам занявшись тем же самым. Но я действовал более профессионально, первым делом натерев горбушку хлеба чесноком.

– Такой как ты – в меня ткнули испачканным в похлебке пальцем – Такому как ты… да плевать на правильное построение фраз. Ты злой, сильный, мстительный гоблин. И для того, чтобы обзавестись обилием жратвы, питья, оружия и вообще всего необходимого для процветания там – в вонючем дерьмосборнике Низшего Мира, на твой родной Окраине – такому как ты необязательно было чистить сортиры и лавки! Ну может ты бы побыл добросовестным работягой. Этих суток тебе бы хватило, чтобы разобраться в происходящем. Ты бы легко выбил столько солов из трусливых работяг ну или чуть менее трусливых гопников, сколько бы тебе понадобилось для сладкой жизни. Но ты предпочел мыть полы до тех пор, пока не смог чуть приподняться и набраться сил для убийства плуксов. У тебя особый склад характера.

– Кто такие плуксы? Что это такое?

– Я расскажу – кивнула эльфийка – Хотя знаю не так уж и много для своих лет. Твой возраст не знаю… а мне вот семьдесят шесть полных годочков. Еще полста лет и придется подкрашивать седину. А может и спортом заняться придется…

– Ты и так занимаешься спортом – заметил я.

– Занимаюсь – кивнула она, берясь за ложку – Я убиваюсь в спортзале каждый день. По три-четыре часа. Только ударная восстановительная химия помогает спасти мышцы и нервную систему от перегрузки.

– В общем, знай, гоблин Оди – тебя не существует. Ты появился не пойми откуда, начав в самой низшей и самой замкнутой точке этого мира. И поднялся так высоко, что до Земель Завета почти можно дотянуться рукой.

– Чем ближе я к центру – тем чаще меня хвалят – оскалился я – Но при этом ведь ясно – вот он главный рубеж обороны. Трудней всего не дойти до Кронтауна и не получить начальные

уровни героя, а попасть в Земли Завета.

– Думаешь? Тут ты ошибаешься, гоблин. Зачем ты рвешься в Земли Завета? Что ты там надеешься отыскать?

– Ответы.

– Ответы на что? Если про себя – так я тебе уже ответила. Про тебя инфы нет! Вернее, она сокрыта в Башне – система отсылает туда. Так что, если ты рассчитывал узнать свое прошлое, свой возраст, свое настоящее имя и имена своих родителей… забудь, гоблин! Ты не найдешь там ничего из этого!

– Хм…

– Что? Переживаешь миг осознания того, что весь путь проделан зря? Шел за ответами, которые никто не может дать…

– Мне нужные разные ответы – дернул я плечом, отставляя опустевшую тарелку.

– Например? Удиви вопросами.

– Они очевидны. Где мы мать его? Что это за многоуровневый мир со стальными стенами и трубами залитыми говном? И что находится за этими стенами?

– А хрен его знает – широко улыбнулась Диля – Если ответы и есть – они в Башне.

– Вы Высшие! Как вы можете не знать?!

– А вот так! Мы такие же хомячки в этой гигантской клетке! Ты еще не понял, гоблин? Всем правит Мать! Хочешь ответы? Спрашивай у нее. Но она не ответит! Потому что права такого не имеет. Потому что она – древняя машина с искореженным программным кодом! Она испорченная жестянка с искрящимися шестеренками, что старается управлять этим миром, но с каждым годом у нее получается все хуже! Вот почему я здесь, гоблин! Думаешь жизнь Высших безмятежна? Наоборот! Так и хочется порой отправиться на добровольное стирание памяти, небольшую коррекцию морды, чтобы поуродливей стать – и в мирную тихую деревню добросов! Родиться там, и пусть мне скажут, что я сисястая крестьянка которой на роду написано траву кошенную на полях ворошить и мужу насасывать по субботам! Думаешь я бы огорчилась от такой судьбы? Хрен там! С радостью! Дайте вилы, тяните сюда член мужа! Я начинаю! Тьфу!

Откинувшись на спинку лавки, я удивленно смотрел на вернувшуюся к еде эльфийку, рычащую от злости и давящуюся холодным мясом.

– Все настолько хреново?

– Все хуже! Проснувшись там – внизу, на Окраине – ты бы быстро понял, что это как-то все сука неправильно, но при этом ты мог гордо заявить сам себе – а что я могу поделать? Я гоблин! Добровольно низший. Заперт в стальной тюрьме. Я в жопе! А из

жопы до руля не дотянуться! Понимаешь? А мы Высшие… те из нас, кому еще не насрать… мы похожи на водителей несущейся в стену машины. У нас вроде и руль в руках и педали под ногами… но все это заблокировано или не работает. Крутишь руль – а он не поддается. Жмешь педаль тормоза – а она просто проваливается в пол и машина поддает газу! Громыхая и подпрыгивая, машина на полной скорости летит в стену, а мы пялимся в лобовое стекло и ждем неизбежного удара… фатального удара.

– Все настолько хреново?

– Говорю же – хуже! Мир разваливается… мы снова начали уходить в минус… и с каждым годом все сильнее. Компенсировать не удается. Красные цифры увеличиваются.

– Уточни.

– Мировой баланс. Он был и в том старом мире – когда-то. А потом баланс был разрушен расплодившимся человечеством. По легендам нам не хватило столетия для научного рывка, что позволил бы избавить планету от голода и загрязнений, от разорительных разработок ненасытными корпорациями и от давно никому не нужных убийственных военных конфликтов, что большей частью шли и в без того умирающих океанах… Еще бы сто лет, может даже меньше, и ход событий удалось бы изменить. Но не вышло.

– Ну да. Как всегда рыхлый пузан утонул в метре от спасательного плота – кивнул я – К чему эта сказка?

– Ситуация повторяется здесь. Когда я родилась цифры были зелеными. Эти цифры можно увидеть почти в любой точке Земель Завета. И я росла под зелеными цифрами +0.1. Мое взросление, первая любовь, первый секс и первое убеждение в том, что все мужчины конченые ублюдки думающие только о себе, прошли под желтыми цифрами 0.0. А теперь, спустя долгие годы, которые не прошли для меня даром и заставили понять, что я тоже неидеальна и может даже стерва, но пусть завидуют молча, красные цифры показывают -0.9. Тут все просто – мы забираем от нашего нового мира больше, чем отдаем, больше, чем успевает восстанавливаться за год. А должно быть наоборот, если мы хотим для себя будущего. Надо отдавать больше, чем брать – сыто икнув, довольная эльфийка потянулась – Ух хорошо… Знаешь когда старый мир рухнул, гоблин Оди?

– Когда?

– По древней инфе, это произошло в годы, когда человечество начало тратить весь годовой запас возобновляемых мировых ресурсов за первые два месяца каждого нового года. Понимаешь? Мы сжирали годовой лимит всего за два месяца. Так вот… цифры -0.9 примерно это и означают. Мы снова встали на путь

катастрофы.

На этот раз ее тонкая изящная лапка сцапала стопку самогона. Влив в себя огненное пойло, она блаженно улыбнулась:

– Классное средство от икоты и дерьмового настроения. Оди… ты любишь тратить время с максимальной продуктивностью?

– Что ты хочешь?

– Хочешь прокатиться? Ты, я, можешь взять пяток своих бойцов, если хочешь для них развлекухи. Я прихвачу унылых рыцарей. А с тебя в оплату попрошу удобные штаны, не вонючие ботинки, пару теплых носков и бутылку этого самогона. Реально?

– Куда именно?

– Тут недалеко. В место, где образованные интеллигентные люди получают знания о прошлых эпохах…

– Рваная книга в сортире?

– Ну почти. Один из заброшенных прибрежных музеев. Этот – почти заброшен. Есть там пара чудиков, которых я подкармливаю и защищаю. О… надо бы для них посылку вкусненького собрать. И чего-нибудь из одежды… найдется?

– Сколько их?

– Пятеро нескладных доходяг умников.

– Поездка того будет стоить?

– Тебе пора получить хотя бы часть ответов.

– А тебе что с того?

– Вот тогда и озвучу – после экскурсии – улыбнулась Диля.

– Через полчаса буду готов – кивнул я, вставая и направляясь к застывшему неподалеку от рыцарей мрачному Каппе.

– Я пока подремлю – зевнула молодая старушка и завалилась на ящик, подложив под голову приклад разобранного дробовика – Запах масла, пороха, крови и дерьма… убаюкивает…

Не знаю как другие гоблины, а когда я слышу слово «музей», мой мозг выдает картинку некоего монументального здания – с колоннами там, широкими ступенями идущими к входу, обилием блестящих стекол, высоченной крышей и суровым швейцаром у дверей в чьих глазах легко читается ласковое «пошел нахер, пацан». Еще я сразу вижу уставленную искусственными деревьями площадь перед музеем, сотни жирных голубей жрущих даровый стерилизующий корм, слышу тревожные крики с удобных скамеек – пацан! Не жри эту голубиную хрень, дебил! Эй! Чей ребенок?! Куда смотрит мать?! И мне навстречу быстро несется вымытая мостовая, над головой посверкивает защитный купол накрывающий центр старого города… я убегаю от толком не пытающихся догнать меня копов.

Да…

Именно это я мысленно вижу, когда слышу слово «музей».

А еще я помню, что это был мой последний день в большом городе… Меня тогда все же поймали. Бросили в клетку с такими же зверенышами как я – клетку без решеток, но с крепко запертыми дверьми, холодно поблескивающими глазками камер наблюдения и дерьмовой регулярной жрачкой, что на вкус была хуже голубиного корма. Потом что-то вроде спешной сортировки… и вот я уже в брюхе условно пассажирского дрона несусь над сине-серыми пенными волнами, направляясь к высящейся вдалеке громаде старой океанической жилой башне, чьи нижние этажи давно уже затоплены поднявшимся уровням моря…

Тряхнув головой, я зевнул, поежился и принял бутылку с компотом от Каппы.

– Ты понимаешь, что это у вас какое-то массовое психическое отклонение? – поинтересовалась сидящая в удобном кресле эльфийка – Я про компот. Это же не нормально! Все твои гоблины каждый день его литрами хлещут. А сегодня я видела, как многие из твоих бойцов растворяют в сладком компоте солевые, витаминные и энергетические таблетки, после чего этой бурого цвета бурдой запивают протеиновые батончики или котлеты…

– Скоро еще до музея? – еще шире зевнул я, возвращая наполовину опустевшую бутылку.

– Он прямо под нами.

– Да?

Я ткнулся сонной харей в обзорное окно и увидел проплывающие под нами мелкие островки.

Мы вернулись к кольцу океана и, резко замедлившись, медленно удалялись от берега, пролетая над тянущимися аккуратной цепочкой застроенными островками. Раньше все эти вытянутые клочки суши были соединены ныне разрушенными мостами. Отойдя от берега километра на полтора, линия островков поворачивала, дальше шла параллельно берегу и наконец снова сворачивала к нему. В итоге образовалась длинная дуга с ныне разорванными мостами и большой защищенной от штормов лагуной. В центре этой бухты торчал еще один островок украшенный какой-то скорбной мужской фигурой отвернувшейся от берега и глядящей в океан.

– Это он – произнесла эльфийка – Высший.

– Все высшие.

– Ты не понял. Это самый первый Высший. Создатель этого мира.

– Создатель этого мира – кивнул я, глядя на странноватый памятник.

Обычно таких личностей если не на коне, то хотя бы в плаще там, ну или с прижатой к груди ладонью воплощают в камне. Разве нет? Этот же… растянутая майка не скрывает сухощавого жилистого телосложения, лицо частично скрыто тяжелой маской, от которой идут провода к висящему за спиной плоскому ранцу с раскрытыми лепестками солнечных батарей, ладони скрыты перчатками, в правой руке ведро, а в левой банальная мотыга. Так себе Создатель… больше похож на усталого от нескончаемых тягот фермера, глядящего на сдохшую животину.

Несущая нас машина чуть повернула, и я увидел его лицо чуть ближе.

Внутри что-то шелохнулось…

Я прищурился, подался вперед, вглядываясь в не скрытую маской нижнюю часть лица. Превосходно переданная скульптором и доработанная до шедевральности дождями и ветром щетина, обычный подбородок и рот… вот его рот и привлек меня внимания. Эти жесткие складки у рта, чуть опущенные уголки плотно сжатых губ… этот человек действительно выглядел разочарованным. Причем разочарованным сразу во всем и вся. И да – чем-то он мне знаком.

Откинувшись обратно на спинку кресло, я взглянул на смотрящую на меня эльфийку:

– Что?

– Да так – пожала она плечами – Ожидала какого-нибудь эффекта.

– Памятник – равнодушно буркнул я – Когда-нибудь упадет. Нам вон туда?

– Нам туда – подтвердила девушка.

Девушка… молодая только внешне, хотя прожила уже долгую спокойную жизнь, наполненную достатком и не лишенную уверенности в завтрашнем дне.

– Уверенность в завтрашнем дне – задумчиво повторил я вслух.

– Ты не про меня и всех Высших сразу? – поинтересовалась умная старушка с внешностью модели.

– А ты как думаешь?

– А я думаю что это проклятье.

– Ты про что?

– Про самосознание. Про понимание происходящего вокруг. Про осознание того, что у нас ни у кого нет будущего. Что грядет новый конец света. Я ведь на самом деле порой задумываюсь о том, чтобы пойти на стирание памяти и отправиться беспамятной крестьянской навстречу пусть куда менее долгой, но при этом куда более беззаботной жизни. Они счастливы, Оди – все эти

добросы, этносы и даже добровольно низшие. Они по-своему счастливы – потому что не видят грядущей агонии приютившего их мира. А я вижу. И вижу отчетливо. И понимаю, что вместе с моим бессмертием у меня все шансы лет так через тридцать-сорок встретить новый Армагеддон, сидя на террасе, попивая апельсиновый сок и глядя в бегущую на меня огненную стену… и знаешь что? Умирать не страшно. В жопу смерть! Не хотелось бы, конечно, но это не страшно. А вот год за годом ждать неизбежного конца мира… вот это по-настоящему страшно!

– Тридцать-сорок лет? Прямо так хреново все?

– Хуже, чем хреново, гоблин. С каждым годом красные цифры ускоряют свой бег. Мы – люди – снова пожираем наш новый маленький мирок. Мы будто крысы, засевшие в головке сыра… умеем только жрать и срать. И без обид. Все мои слова относятся к Высшим. Потому я и смотрела на тебя во время облета памятника – эльфийка подалась ко мне, заглянула мне в глаза – Может ты – это он? Не дай Мать такого, конечно, но может ты – это все же он?

– Я? – рассмеялся я – Создатель? Чушь! Я не умею созидать. Я умею уничтожать. Обращать в прах. Умею мучить и выдавливать все соки.

– Ты прямо слово в слово описываешь Первого Высшего – эльфийка медленно подалась назад, задумчиво провела большим пальцем себе по губам – Что ты вообще знаешь про него?

– Ничего.

– Я тебе на кое-что открою сейчас глаза – тот, кто стоял во главе, кто подал идею, а затем воплотил ее, создав этот замкнутый автономный мир… этот человек был безжалостным ублюдком. Хирургом. Мясником. Ты убиваешь гоблинов одиночек и выносишь мелкие банды. А он… он уничтожал людей тысячами и делал этот каждый! И все ради одной цели – постройки этого мира. Понятно, что сам он на курок не нажимал – в большинстве случаев – но росчерком пера и одним своим словом он за сутки убивал больше людишек, чем ты за всю свою жизнь матерого убийцы! Так что не надо тут сладких слов про то насколько ты не созидателен и насколько ты жесток. И да… я все же склоняюсь, что ты – не он. Ты… мелковат для этой роли… уж без обид. Даже не мелковат… ты просто другой.

– Были лично знакомы?

– Нет. Приземляемся.

Задержавшийся с посадкой – явно ради завершения нашей беседы – дрон мягко опустился на бетонную площадку расположенную рядом с ничем не примечательным двухэтажным длинным зданием, занявшим весь длинный и самый крупной

островок в этом рукотворном линейном архипелаге. Центральная и самая крупная бусина.

– На мелких островках были музейные залы – Диля первой покинула салон и сразу начала размахивать руками, не обращая внимания на спешащих к нам от здания гоблинов – На каждом островке тематическая выставка предметов, показ коротеньких фильмом и прочая чепуха. А здесь, на центральной точке, находилось самое важное для жирненьких любопытных добросов – зона отдыха и насыщения. Небольшой отельчик на втором этаже, несколько кафетериев на первом, массажные салоны и бассейн с чуть подогретой соленой водой на подвальном уровне, там же стеклянные стены для обзора подводного мира. Но так было раньше. Сейчас вот эти вот энтузиасты стащили из разоренных залов все уцелевшее и разместили в центральном здании, безжалостно повыкидывав большую часть столов, стульев и кухонного оборудования. Часть предметов на втором этаже, там же они обитают.

– А бассейн?

– Входы в подвальный уровень запечатаны.

– Почему?

– Потому что это первый подземный слой. И он принадлежит гномам.

– Гномам – остановился я.

– Гномам – подтвердила эльфийка – Но сюда они не сунутся. Когда я решила прикрыть это место своим мягким эльфийским крылышком, в первую очередь я приказала запечатать все лишние двери, а следом уговорила Мать усилить здесь свою защиту – под предлогом охраны ценных предметов старины. Выбила и сытный паек для этих тронутых фанатов.

– Вижу – кивнул я.

– Фанатов?

– И систему.

Первая полусфера торчала по центру стены здания, частично спрятавшись под краем крыши. По бокам здания высилось две стальные колонны увенчанные зоркими грибными шляпками. Обзор круговой.

– Бандиты захаживают?

– Давно уже нет – широко улыбнулась Диля.

– Но раньше заглядывали?

– Ага. Их кости до сих пор можно увидеть в пятом выставочном зале. И в третьем немножко осталось – шакалы и птицы не все растащили. А с этими энтузиастами… с ними попроще, пожалуйста. Они не такие как вы. И ко мне они обращаются просто и незамысловато – с этими словами она

повернулась к тощим бородатым… ну, наверное, гоблинам.

Все как один высокие, нескладные, бородатые, с отросшими нечесаными волосами, облаченные в одинаковые синие и местами рваные матросские свитера с высокими горлами и зеленые комбинезоны, они… они явно не из тех, кто рвется в новые места, кто жаждет проливать кровь ну или хотя бы раз в неделю отжимается.

– Добро пожаловать, хозяйка! – широко-широко заулыбался самый высокий и с самой длинной седоватой бородой – Позволь целовать сапожок!

– На самом деле – просто и незамысловато обращаются – кивнул я, после чего отвернулся и принялся изучать береговую линию, находящуюся на расстоянии в километр с небольшим.

Спорное здесь место в плане обороны. Но системное вооруженное присутствие нивелирует все недостатки.

Да и вообще странное здесь место – не сейчас, а в далеком прошлом, когда в этом мире еще пытались чему-то научить и о чем-то предостеречь – пусть даже с помощью таких вот музейных экскурсий.

Судя по увиденному, раньше сюда прибывали на машинах – свернув с Тропы – или же морским путем – швартуясь к первому из островков, снабженному удобным причалом. Затем толпа ведомых щебечущим экскурсоводом толстых ленивых и наглых добросов медленно двигалась от островка к островку, переходя через мосты и сквозь зевоту безразлично слушая и тут же забывая слова сопровождающего. Добросы оживали только ближе к середине пути – на подходе к центральному острову с зоной отдыха. Еще бы! Тут можно от пуза нажраться вкусных жирных гамбургеров – обязательно с двойным майонезом, двойной котлетой и сыром, а лист салата можно выкинуть нахрен. Затем часик подремать, еще разок перекусить, потом, потягивая через соломинку сладкую шипучку, сонно поглазеть сквозь стекло на жителей морского дна и… через большое-большое «не хочу» пойти дальше по островкам вплоть до последнего, где можно будет наконец-то поставить в свою карму жирную-жирную галочку «я приобщился, осознал и проникся», после чего взобраться обратно на кораблик или запихнуть жирную жопу в машину. Можно двигаться дальше – к следующему гамбургеру с тройной картошкой… то есть – к следующим шедеврам искусства и памятникам мутной и никому уже нахрен неинтересной замшелой старины…

Откуда я это знаю, раз никогда здесь не был?

Просто знаю. Так везде. Так всегда. Возможно, еще одно воспоминание крайне раннего детства – связанного с музейной

шумной площадью, толпами туристов, десятками уличных кафешек и таким же количеством мусорных баков, где всегда можно было поживиться чем-то съестным – если тебя не опережал кто-то более шустрый…

Пока я оглядывался – не забыв глянуть за край и всмотреться в глубину, прикидывая, сколько тут до дна, не обращая внимания на насмешливо безмолвных рыцарей эльфийской охраны – Диля закончила общаться с бородатыми доходягами и помахала призывно рукой:

– Время гоблинам приобщиться к культуре!

– К культуре – фыркнула, впервые нарушив молчание Джоранн и глянула на стоящего за ней Хвана.

Эта парочка летела в соседнем с нами отсеке. И видя довольное и мирное выражение лица рыжей, можно было сделать вывод, что в полете они без дела не сидели. Всего я взял троих – не считая себя – Каппа, Джоранн и Хван. Остальные ветераны остались с отрядом. Подняв руку, я щелкнул тумблером и поинтересовался:

– Как там, Рэк?

– Все в норме, лид – прохрипел динамик новенькой рации.

Хотя трудно назвать эту штуку рацией. Скорее системно усиливаемый и поддерживаемый передатчик. Вытребованный подарок у эльфийки – я параноик и признаю это. Не хочу оставаться без связи с отрядом. Первобытные времена миновали и давно пришла пора наращивать техническую базу.

– Так и пойдете в музей? – поинтересовался седоватый бородач – Мое имя…

– Я не хочу знать твое имя – оборвал я его речь – Да. Так и пойдем.

Слова обжившего матросский свитер доходяги относились к нашему внешнему виду – мы были в полном боевом снаряжении и при полном вооружении. Даже рюкзаки за спинами. Причина все та же – я параноик.

– Прошу за мной – сделав над собой усилие, улыбнулся бородач – Я открою вам наше темное мрачное прошлое… И я…

– Уже начал, Чижик?

– Э… еще не дошли, госпожа…

– Тогда веди… молча… – чарующе улыбнулась эльфийка и понятливый бородач сгорбился еще сильнее, глянул на хозяйку с умилением и поторопился вперед, введя нас в длинный широкий коридор, махнув рукой в сторону лестницы.

– Ты напряжен, Оди. Очень напряжен.

– Я зол – искренне признался я.

– На что? Хотя нет… для чего тебе внезапно понадобилась

связь с отрядом? Почему вы снаряжены – ведь мои мальчики и добрая Мать всегда прикроют от любой беды.

– Надеяться на чужих мальчиков? – хмыкнул я – Я еще не настолько дебил.

– Хм…

– А связь?

– По той же причине.

– Ты мне не веришь.

– Ты свалилась с неба и назвалась шутом. Позвала поглазеть на пыльных хреновины охраняемые стадом тощих бородатых полудурков. С чем мне тебе верить?

– Хм… Так почему ты зол?

– У этого мира нет яиц – проворчал я, ступая на первую ступень.

– Ничего себе так заявление. Пояснишь?

– А зачем? Прочти еще разок мою доступную биографию с момента пробуждения в Низшем мире. Там может не все, но многое. Знаешь, что показательно на всех ступеньках и отрезках нашего долго пути?

– Жажду услышать.

– Везде рулят бабы.

– Ха! Не любишь чувствовать себя подкаблучником?

– Не в этом дело. Просто это факт. У этого стального мирка нет яиц. Ему подрезали бубенцы или они так и не отросли. При этом, что тоже показательно, сильные и даже невероятно страшные мужики тут остались. Сам одного видел – явно из моей прошлой жизни. Он засел тихим бледным клещом в одной из стальных клоак там внизу и явно не собирается выбираться наверх. Ему и там хорошо – в темном кровавом прозябании.

– Кто-то настолько страшный, что испугал героя Оди?

– До дрожи – признался я – В тот момент он мог бы раздавить меня мизинцем. Как слизня.

– А сейчас?

– Сейчас я может успею пару раз дернуться… но в открытом бою исход предрешен и он будет не в мою пользу.

– А если с ним схлестнется кто-то из них? – Диля указала пальчиком за спину, где по бетонной лестнице тяжело поднимались механизированные рыцари.

– Они в полной экз-упаковке и с пушками, а он в домашних тапочках?

– Предположим у него пушка, что сможет пробить эти доспехи…

– Он их ушатает – без малейших сомнений ответил я – Тот бледный страшный клещ… он из старого умершего мира. Я мало

что помню, но уверен, что уже встречался с ним раньше. И в те времена этот засевший среди гоблинов убийца был куда более силен и влиятелен. И что сейчас? Он остался лидером… но куда более мелким. Зато бабы расцвели! Нифмы, паучьи королевы, пифии, эльфийки… Этим миром правят бабы!

– И тебя это все же бесит? Не любишь когда девочка сверху?

– Не люблю когда мужики вяжут шарфики веселой расцветки, а бабы разгребают кровавое стонущее дерьмо! Я не могу понять почему мужики не особо рвутся к власти – это у нас в крови! Быть вожаком стаи, вождем дикого племени!

– Разве мало реально крутых мужиков? И многие из них сколотили собственные отряды. Успешно ими управляют. Чего тебе еще?

– А ты знаешь предел их мечтаний?

– Наверняка. Все они хотят подняться до высшего геройского статуса и получить доступ к Землям Завета. Верно?

– Нет. Вернее – да, они хотят однажды оказаться в ваших Землях Завета… но знаешь для чего?

– Ну…

– Чтобы больше нихрена не делать! Вообще нихрена! Чтобы можно было каждый день лежать диване, жрать виноград, пялиться на красоты за окном и нихрена сука не делать!

– А разве это ненормально? – удивленно глянула на меня слишком мудрыми глазами молоденькая на вид девушка – Разве не все об этом мечтают? Вальхалла… рай… геройская пенсия… повоевал, заслужил покой для старых ран и измученного тела. Отдыхай, воин!

– Вот в этом и жопа – усмехнулся я – Жопа целому миру, если все его мужики только и мечтают чтобы поскорее выйти на геройскую пенсию. У него ни одного седого волоса на башке – а он уже мечтает о пенсии и безделье! И я не понимаю почему! Если мужик взобрался на вершину бригады, сквада, паучьего королевства или до должности главного помощника в борделе… с каждым днем он начинает делать все меньше! И предпочитают проводить время под наркотой или за жаркой рыбки! Вместо того чтобы продолжать кромсать зомбаков – устраивают странные школы, не спешат покинуть песочницу провинциального Уголька. Открывают торговые лавки. А гномы? У них бабы рулят плуксами – а мужики бегают рядом или сидят на чешуйчатых спинах управляемых бабами зверей! Вот в чем беда! Мужики этим довольны! Им не хочется самим взять тварь за шкирку и железной рукой направить на цель! А если до рулевого весла добиваются бабы – они начинают делать дела! Они налаживают отношения, спорят, раз за разом бьются лбом о стены, выискивают новые

подходы, они всегда недовольны, им всегда мало.

– Открою тебе секрет – бабу трудно удовлетворить. Почти невозможно.

– У этого мира нет яиц – повторил я угрюмо – И ты тому доказательство. Почему именно ты прибыла поболтать с гоблином Оди? Что из мужиков Высших никто не заинтересовался? Вот если по честнаку?

– Ну почему… всем было интересно. Многие даже собирались. Но чуть попозжа… и все такое…

– Ага.

– Хм… Но это мир был создан мужиком.

– И где он сейчас?

– Никто не знает – помрачнела эльфийка – Разве что Башня ведает. Но она секретом не поделится…

– Даже с Высшими?

– Кто знает? Может и поделилась бы. Может даже Низшему открыла бы какой-нибудь интересный секрет. Вот только никто не знает где находится эта чертова Башня! Почему я первой прибыла к тебе с Земель Завета? Почему вообще тобой заинтересовалась? А ты послушай рассказ бородатого тощего полудурка… – без обид Чижик.

– Да я не в обиде.

– В этом и есть сука твоя проблема и всего мира сразу – ты ни на что не в обиде – уже без лишних эмоций заметил я и шагнул вперед, отталкивая стальным плечом охнувшего доходягу – Начинай свой рассказ. И покороче.

– Но не пропускай ничего важного! – тонко улыбнулась Джоранн, протиснувшись мимо Каппы и остановившись у первого экспоната – Это что за плевок в синей глазури?

– Это начало начал – торжественно выпрямился бородач – Это то, с чего начался весь наш мир… Обитель Первого Высшего! Слушайте же…

– О дерьмо – поморщился я и облокотился о подоконник, глянул на серые волны за окном – Началось…

Глава восьмая

Бородатый Чижик старался выглядеть и вести себя максимально круто – и поэтому выглядел тупорылым никчемным ушлепком, сам того не осознавая. Облокотившись о стол с синей бугристой столешницей, изображающей бушующий океан, он, насупив брови, выпятив нижнюю губу, уставился на небольшой клочок суши расположенный точно посреди бурных вод.

– Как одновременно мала и как велика эта суша, что породила… – начал он.

– К делу! – рявкнул я, поняв, что не выдержу и нескольких минут этого завывания.

– Я бы послушала – вздохнула рыжая.

Кивнул и Хван. Каппа остался бесстрастным, но прислонился к стене, безмолвно давая понять, что готов слушать. Тяжко вздохнув, я махнул рукой и вернулся к окну, усевшись на широченный подоконник – стены были толщиной в метр. Люблю такие здания. Неприметные, крепкие, надежные. На тот же подоконник уселась эльфийка, прижалась плечом к стеклу, уставилась на океан. В паре метров от нас медленно входил во вкус бородач:

– О датах… первая значимая дата, что во многом определила настрой и мировоззрение обитателей голубой планеты… трудно определить ее точно. Но многие сходятся в том, что это был двадцатый год двадцать первого столетия от рождения Христа. Именно тогда, на одной ничем особо не примечательной научной конференции один из наиболее радикально настроенных ученых, устав слушать пессимистичные предостережения остальной подобной ему братии, поднялся и озвучил во всеуслышание одну простую и страшную истину. Он сказал следующее: вымирание человечества неизбежно, но это не означает гибель планеты. И это неоспоримый факт. Когда убиваемая людьми планета забьется в судорогах – люди может и вымрут. Может исчезнуть и насыщенная кислородом атмосфера. Растают все льды и скроют под собой материки, уничтожая все достижения человечества – как и само человечество. Но это не означает смерть планеты! Ведь Земля уже не раз и не два кардинально менялась! И каждый раз при этом происходило вымирание. И речь не только о динозаврах – в определенные эпохи существовал сонм самых необычных существ, что не сумели преодолеть рубикон изменения и тихо вымерли. И люди – ничем не лучше их! В завершение своей короткой речи тот ученый добавил – хватит талдычить о гибели планеты! Она никуда не денется! Просто станет другой –

неприспособленной боле для нас! И это нормально – если судить в глобальных масштабах. Вселенная меняется постоянно!

Сделав ненужную паузу, Чижик с горьким вздохом потер наморщенный лоб, откашлялся и, окинув взглядом скромно замерших у стены своих музейных собратьев и нас, продолжил:

– Его речь подпитала и укрепила популярность идеи тех лет, окончательно убрав акцент со «спасение планеты» на «спасение человечества». Но самое главное – на той конференции присутствовал тот, кого позднее назовут Первым Высшим. Тот, кто начал действовать! Тот, чьи действия привели к созданию этого фантастического мира ставшего приютом для спасающегося от гибели человечества… Да! Мало кто помнит тот непримечательный день июля двойка ноль двадцатого и неудивительно – тот год был богат на куда более громкие события. Но эта дата стала началом! Ведь уже через месяц с небольшим на крохотный умирающий атолл высадился очень злой и крайне решительно настроенный мужчина в старой футболке с рисунком разрезанного на арбузные ломти земного шара…

Перестав слушать никому неинтересные факты о далеком прошлом, которое уже не изменить, я занялся более интересным временем – настоящим.

– Зачем ты здесь? – спросил я эльфийку.

– Открыть тебе глаза? – улыбнулась она, с готовностью включаясь в разговор.

– Мои глаза открыты – покачал я головой – И видят только посыпанное сахаром и ванилью кровавое дерьмо – причем повсюду. Зачем ты здесь?

– Мир погибает – просто ответила она – Ты чувствуешь холодные мурашки по спине? Прямо сейчас мы сидим на подоконнике заброшенного музея и слушаем рассказ о гибели старого мира, в то время как вокруг нас умирает мир новый. Дежавю? Кривая усмешка судьбы? Злой рок?

– Продолжай.

– Ты – сначала никому неизвестный гоблин Оди, что выполз из Низшего мира подобно глистам из жопы умирающей коровы. Но даже там – в стальных кишках – ты продвигался подобно злобному кому из раскаленной колючей проволоки. Ты как унитазный ершик. Можешь содрать даже самое заскорузлое и намертво въевшееся дерьмо. Клоака, свиная ферма, паучье царство, Зомбилэнд… где бы ты не был – ты убиваешь, причем в первую очередь атакуешь самое вздутые и проблемные места, игнорируя более мелкие проблемы. Кто-то бы назвал тебя лейкоцитом… антителом… но ты просто жопный гоблин.

Колючий унитазный ершик. Не в обиде?

– Дальше.

– Своими делами ты привлек к себе внимание. Многие заинтересовались. Начали делать ставки. Наблюдать. А я… мне было плевать на твои подвиги Геракла.

– Кого?

– Неважно. Ты и не похож на того античного героя, хотя так же вычищаешь нечистоты и убиваешь монстров. Хотя вру… кое-чем ты на него похож. Главным своим качеством, которое и привлекло к тебе мое внимание.

– Давай конкретику.

– Ты не останавливаешься. Ты прешь и прешь вперед. Ты не замедляешься. А знаешь, что замедляет любого человека? Не отвечай – я сама. Человека замедляет барахло! Недвижимость, мебель, красивая одежда, предметы искусства, привязанности к друзьям и любимым… это все действует подобно куче якорей, что в конце концов намертво приковывают тебя к одному месту. И в результате ты становишься оседлым, постоянно остаешься на одном месте, перестаешь быть самим собой – ведь нельзя срать там, где живешь, то есть не стоит ссориться, не стоит быть слишком шумным, не стоит быть слишком заметным, ярким, индивидуальным, не стоит никого обижать – ведь ты не знаешь, кем этот человек станет завтра… Понимаешь?

– Тебя понесло не туда.

– Согласна. Просто… это дерьмо сейчас как раз и происходит в Землях Завета и в кольце вокруг него. Высшие и приближенные к ним намертво завязли. Они подобно мухам на липкой отравленной бумаге – еще жужжат, но уже ничего не делают! Они не принимают решения, Оди! Они не двигаются вперед! А почему? Потому что боятся ошибиться и тем самым потерять в статусе, потерять в вещах и связях… Поэтому они предпочитают жужжать – ведь если муха на липучке не жужжит, значит, она сдохла… – но при этом ничего не делают. И своим сладким никчемным жужжанием они привлекают к себе новых мух – что в конце концов увязают в том же медовом болоте.

– В чем это выражается?

– Во всем! Ты знаешь почему настоящих лидеров сравнивают с хирургами, но никогда с терапевтами?

– Удиви меня.

– Потому что иногда надо резать по живому, чтобы спасти весь организм! Если загнивает палец – его отрезают. Если чернеет и разбухает от гангрены нога – ее ампутируют! Этим и должны заниматься лидеры. Но хуже всего, когда лидеры боятся принимать радикальные решения, боятся резать по живому,

боятся действовать. Они боятся вскрыть даже вздувшийся на носу огромный уродливый гнойник, мотивируя это тем, что рано или поздно все разрешится само собой – максимум мол надо приложить размягчающую горячую припарку… но не слишком горячую! Так… пусть припарочка будет едва теплой… Дерьмо! Бесполезное дерьмо!

– Ты о ваших ста Высших имеющих право на голос?

– В точку! Я одна из них. Вся эта сотня собирается единожды, а то и дважды в неделю! Разодетые, торжественные, важные, неприкосновенные, стоящие над законами, они подолгу рассаживаются, с умным видом листают какие-то бумажки, о чем-то тихо беседуют со своими фракциями, партиями, альянсами… потом, если придется, они долго и нудно толкают бесконечные речи изобилующие такими словами как «возможно», «может быть», «предположительно», «вероятно», «деликатный вопрос», «скорей всего», «не стоит торопиться с действиями». Проходит день… а ни одного решения так и не принято! С усталым видом Высшие покидают места и бредут к каретным экипажам, старательно пытаясь выглядеть как важные государственные деятели… Ублюдки! Бесполезные ублюдки! Мир гибнет, мир гниет, его трясет в подступающей агонии, а никаких важных решений так и не принимается! Твари!

– Круто сказано – хмыкнул я – И искренне.

– Более чем!

– И кто из них знает о твоем отношении к этим сборищам? И о твоем отношении к другим Высшим?

– Я не скрываю своей точки зрения! – гордо выпрямилась эльфийка, тряхнула головой – Не скрываю! В жопу этикет! В жопу эти вуали! В жопу кривословье и мутнофразье! В жопу смузи и сезонные фрукты!

– Ясно. Продолжай. Ты так и не ответила. Зачем ты здесь?

– Да затем! Ты сделал то, что напугало три четверти Высших! Пусть неявно – но они испугались! Жопы взмокли от инстинктивного страха! И теперь они глядят на тебя, гоблин, уже не с легким интересом небожителей. Теперь они глядят на тебя как на забредшего в богатый сонный район выходца из сраного гетто – ты будто исполосованный шрамами и татухами злобный и обдолбанный наркотой бродяга с окровавленным тесаком, бредущей по тихой солнечной улочке, где еще никогда не случалось убийства – но скоро случится! Теперь они тебя боятся, гоблин!

– С хера ли?

– Ты разорил Рай!

– Ты про аммнушитов?

– Да! Ты еще не понял? Там такая же сраная модель! В точности! Так что ты будто детскую песочницу разорил. Ты будто глобус этого мира растоптал! И это было воспринято как репетиция перед настоящим ударом! Там в центре Земель Завета – сотня Высших. А в Раю как было? У аммнушитов – дюжина элдеров и сколько-то старейшин. У нас в Завете – крутые особняки для каждого из сотни Высших, населенные приближенными девками и мужиками, снабженные отменной охраной. У аммнушитов – стая прихвостней, что регулярно участвовали в охоте за подростками, насилуя юные сладкие тела, вспарывая им глотки. У нас Высшие нихрена не хотят решать и блокируют инициативы друг дружки – и там то же самое! Я видела эти сраные галочки на никчемных бумажках – все элдеры аммнушитов умудрялись голосовать по-разному! Будто в пику друг другу! Не набиралось даже большинства голосов! И эту систему, казалось, невозможно уничтожить! Закрытая автономная система… но тут явился гоблин Оди. И за несколько часов ты уничтожил Рай Обетованный! Раздавил все их устои, нарушил все табу, вскрыл границы. Но самое страшное что ты сделал – ты показал истинную сущность элдеров и старейшин. Они ведь казались такими мудрыми, спокойными, мирными стариканами, радеющими лишь о благе своих общин и Рая Обетованного. А ты содрал с них овечьи шкуры, выставив напоказ главное – все они гребаные детоубийцы, насильники, извращенцы и долбаные садисты! И заодно ты доказал – срать они хотели на судьбу мира! Ты доказал, что они всю жизнь заботились только о себе любимых! Вот почему тебя теперь боятся и Высшие, герой! Да, само собой, это пока даже не страх, а легкая такая задумчивость смешанная со смутными опасениями. Такие ощущения бывают, когда смотришь на засевшего в углу ядовитого мохнатого паука – логикой ты понимаешь, что сильнее этого насекомого, что в аптечке есть надежный антидот, в руке у тебя тяжелая мокрая тряпка, а прямо за углом больница… но все равно ты боишься. Понимаешь?

– Ты так и не ответила. На кой хрен ты здесь?

– Вот тебе ответ – я сделала свой решительный ход. Сезонный Шут примкнул к гоблину из задницы мира! И знаешь, что только что произошло?

– Что?

– Тот ядовитый паук – страшный и мохнатый – вдруг оказался не в далеком углу, а совсем близко – на моей протянутой к остальным Высшим ладони. Пусть подпрыгнут в страхе!

– Я на твоей ладони?

– Да я иносказательно! Привыкла за всю жизнь! Если

говорить прямо – я дала понять остальным девяноста девяти Высшим, что ты находишься под моей защитой и что я разделяю твои интересы и стремления! У тебя моя поддержка – материальная и моральная. Любой выступивший против тебя Высший – выступит и против меня. Я заявила, что покажу тебе музей, сообщу тебе все недостатки этого мира, опишу тебе все заклинившие механизмы. Что я расскажу тебе главное – мир уже сорвался с края пропасти и кувыркаясь летит вниз! Вот что я им заявила!

– Та-а-ак…

– Пришло время решительных действий! Красные цифры уже не просто пугают – они кошмарят! Миру скоро конец! И я не могу допустить, чтобы Высшие раздавили тебя как насекомое. А они бы попытались – ведь не только я не верю в совпадения. Ты, человек без прошлого, стертый из всех баз, не зря появился именно в это смутное время. Не зря тебя запихнули так далеко – на самую окраину мира и в примитивные условия почти первобытного мира. Это позволило тебе – с твоим мерзким неуживчивым нравом – уцелеть в первое время среди боязливых гоблинов. Позволило набраться сил и встать на ноги. Позволило…

– Эй! Хватит нести хрень! Кому ты рассказала про свой решительный поступок? Прямо всем?

– Всем! Как только я узнала про судьбу Рая Обетованного, про этот вскрытый вонючий гнойник – я сразу поняла, что это деяние тебе не простят. Поэтому я гордо объявила, что полностью разделяю твои убеждения! Я записала видео сообщение адресованное всем Высшим до единого. И заявила – так и надо! И мы с гоблином Оди единомышленники! И будем продолжать в том же духе и дальше! Любое безумие перестает быть безумием, если оно во спасение! Если придется – мы вскроем каждую язву, каждую припухлость и даже каждый прыщ остро наточенным скальпелем или даже топором! Вот так!

– Дерьмо… – подытожил я, глядя на гордо вскинувшую прелестную головку Дилю с искренним изумлением – Я думал ты умная девочка. Но я ошибался – ты дура тупая.

– Что? Я даже не в обиде… что не так?

– У тебя вообще есть опыт противостояния хоть кому-то? И я не про постельные игры, где ты жопой гасишь ритмичные удары стоящего сзади одышливого гоблина? Ну или эльфа…

– Фу!

– Так есть или нет? Сколько Высших в твоей группе, альянсе, скваде… тусовке по интересам?

– Я одна! Я тот острый кластер, что…

– Дерьмо – повторил я, спрыгивая с подоконника – Каппа!

Обход периметра здания!

– Мы? – дернулся ко мне Хван.

– Пока слушайте россказни бородатого – качнул я головой – Просто подстраховываюсь. Диля… твои рыцари. Насколько они верны тебе?

Мы выглянули в окно, где стоял один из стальных истуканов. Еще один был внутри здания, заняв позицию у лестницы.

– Бывшие герои высшего ранга. Выборочно обнуленные. Они надежны как хорошо смазанный механизм.

– В смысле – выборочно обнуленные?

– Память – пояснила Диля – Тем из поднявшихся до высшего пятого ранга героев, кто хочет и дальше служить на благо Высших и мира, не желая проводить жизнь в роскошном безделье, частично стирают воспоминания, после чего герои становятся телохранителями. В обиходе таких называют обнуленными.

Глянув вслед бесшумно ушедшему на обход Каппе, я в недоумении передернул плечами:

– Что именно им удаляют из башки?

– Последние воспоминания. Сам ведь понимаешь, в каких условиях и вечных интригах большинство героев растет в рангах. Вечные политические игры, симпатии, взаимные услуги и уколы, накопленная благодарность и ненависть. И весь этот багаж переносится в Земли Завета вместе с отправляющимися туда героями. Если они выходят на пенсию – то и черт с ними. А вот если они метят в телохранители, то их головы должны быть чистыми от симпатий к кому бы то ни было.

– Логично – признал я – И сколько стирается?

– Воспоминаний? У каждого по-разному. Зависит от того, сколько лет он бился, чтобы подняться до высшего ранга. Весь этот ментальный бульон сливается в унитаз – со всеми эмоциями, договоренностями, обязательствами и чувством долга к тем, кто когда-то тебе помог.

– Добрался до вершины – и твое прошлое снова сливается в унитаз?

– Если сам того пожелаешь. Хочешь – живи себе спокойно в умном поселении, наслаждайся тихой и сытной жизнью, перебирай в памяти воспоминания. Само собой, тех, кто выбрал служение, ограждают от любого общения с этими пенсионерами…

– Это невозможно – не согласился я – Всегда найдется лазейка. Всегда что-то вспомнится. Та же наркота…

– Рыцари не принимают подобного.

– Ага. Ну да… ты в этом точно уверена, да?

– Именно.

– Дерьмо – повторил я, выглядывая в окно – Ладно… ладно…

– Продолжим беседу?

– Дай минуту.

– Жду. Послушаю пока Чижика. Хотя он предпочитает называть себя Кислотной Акулой, сам не зная почему.

– Кислотной Акулой? – я бросил взгляд на перешедшего ко второму экспонату бородача в растянутом свитере – Странный выбор имени.

– В точку. Да он и сам странноват – почему-то ненавидит бегать, но при этом может говорить про пользу бега часами. Ладно. Молчу. Собирайся с мыслями.

Кивнув, я застыл перед окном, сверля размытым взором океан и спешно перебирая услышанное, чтобы решить главное – когда?

В это время стоящий у большого полотна, изображающего сидящего перед компьютерным монитором рыхлого гоблина с миской чипсов на коленях и жирными пальцами на клавиатуре, Чижик продолжал нести чушь:

– Именно в то время человечество глубинными инстинктами почувствовало приближающийся конец. И что сделало человечество? Бросилось разрушать плотины, освобождая плененные реки? Бросилось высаживать заново вырубленные леса? Нет! Ничего подобного! Человечество с головой погрузилось в компьютерные игры, что с каждым годом становились все совершеннее, все глубже… все реальней! Люди проводили сутки напролет перед мерцающими экранами, прикладывая немало усилий, чтобы провести свое виртуальное воплощение через все трудности вымышленного бытия. Вот какой удивительный выверт! Вместо спасения реальности, люди погрузились в виртуальность, наплевав на последствия. Бред! Но так было! Разумеется, эта напряженность, это ожидание скорого конца, наложило изменения и на популярные игровые жанры. Так самым популярным жанром стала робинзонада – где игрок должен был выжить в труднейших враждебных условиях. Необитаемый остров заселенный кровожадными зверьми или зомби, куда ты оказываешься выброшен после кораблекрушения – один из вариантов.

– Что за хрень ты несешь? – не выдержала Джоранн.

– Я лишь рассказываю о том, что и как произошло! Я говорю о том, что вместо спасения реальности…

– Да-да… чушь!

– Ни в коем случае! Слушайте дальше! Дело в том, что вот это странное и явно нездоровое отождествление себя с виртуальным персонажем привело к не менее странному ответвлению в методе выживания! В результате глобального

опроса было выяснено, что немалая часть населения планеты предпочла бы цифровое спасение, а не реальное! Вместо того чтобы строить подобный мир с надежными стальными стенами, что приютил и защитил нас, они мечтали о цифровом бессмертии и вечной жизни в каком-нибудь надежнейшим образом защищенном сервере, на котором был бы развернут вымышленный игровой мир со своими законами. Как правило это было волшебное средневековье – волшебники, некроманты, суровые рыцари, праведные паладины…

– Больные на всю голову – подытожил Хван и с хрустом сжал пальцы.

– Каждый имеет право на свой выбор – пожал плечами Чижик – И многие выбрали виртуальность, понимая при этом, что для начала придется умереть по-настоящему. Мы не нашли твердых доказательств, но есть немало собранных свидетельств в пользу того, что были произведены серьезные инвестиции в эту область. Но итогов мы не знаем, поэтом двигаемся дальше. Тридцатые годы двадцать первого столетия… на мировую сцену выходит корпорация Атолл Жизни – возглавляемая все тем же Первым Высшим. Корпорация во всеуслышание заявляет – скоро на планете произойдет глобальный климатический скачок столь же резкий как удар лошадиным копытом. Но в этот раз нас лягнет не лошадь, а очень злая планета. Удар неизбежен. Вопрос один – хотите жить или умереть? Те, кто выбрал жизнь для себя и родных, имеют такой шанс – если предложат все свои ресурсы корпорации Атолл Жизни. Ресурсы, включающие в себя не только деньги и имущество, но чаще всего и собственные физические силы. Ресурсы…

– Да. Че тут думать? Я бы ударил прямо сейчас – ответил я сам себе, круто разворачиваясь к задумавшейся о чем-то остроухой Диле – В твоем дроне есть защитное снаряжение?

– Зачем? – недоуменно глянула она на меня – Я не воин. К тому же мне ничего не…

С яркой вспышкой принесший нас сюда дрон подбросило в воздух, перевернуло и отшвырнуло в океан.

– Атака! – рявкнул снизу Каппа и тут же в коридоре загрохотала автоматная очередь.

– К бою! – крикнул я, вскидывая дробовик.

С треском вылетела старая деревянная дверь, в проеме мелькнула знакомая фигура рыцаря со вскинутым оружием. Я нажал на курок, но дальнейшее я не видел – обхватив эльфийку, я выбил плечом стекло и в облаке осколков мы вылетели в окно. Следом вылетел Хван, прижимая к себе что-то зло орущую Джоранн. На втором этаже слышались перепуганные вопли,

грохотали выстрелы. Приземлившись на полусогнутые, я чуть погасил удар, но все равно рухнул на задницу. Подскочив, рванул вдоль стены, сопровождаемый Хваном, успевшим стянуть с плеча бронебой.

– Сходили сука в музей! – прошипела Джоранн, выворачиваясь из хватки призма и первой заскакивая в дверь.

Из-за угла выскочил второй рыцарь и… зашатался под градом выстрелов. С диким воем сирены, ожившие полусферы системы накрыли предавшего хозяйку рыцаря шквальным огнем. И стрельба велась отнюдь не безобидными для брони иглами – доспехи покоцало, рыцаря зашвырнуло обратно за угол, после чего там полыхнула вспышка взрыва. Вторая полусфера чуть повернулась и всадила пару очередей в окна второго этажа, выбивая стекла и рамы, уродуя стены. Система защищала Высшую с настоящей материнской яростью, не жалея боеприпаса. Зашипело, рявкнуло… и от полусферы потянулся дымный след выпущенной ракеты понесшейся к темной точке прыгающей по волнам.

Мы нырнули следом и здесь обнаружили Каппу – припадая на одну ногу, мечник торопился по коридору, волоча за собой настоящий рыцарский щит и злобно выплевывая слова на неизвестном мне языке. Я коротко махнул рукой, указывая направления. Прочь от лестницы, подальше вглубь старого здания с его толстыми надежными стенами.

– Куда мы? – едва-едва слышно пискнуло задеревеневшее тело у меня подмышкой.

Никто не ответил перепуганной бессмертной девушке, что возможно впервые в жизни познала настоящий ужас. А настоящий ужас – если не брать в расчет родительские чувства, когда на их глазах их же малыш попадает под колеса тяжелого грузовика или еще что подобное – у гоблинов или эльфов возникает в одном и том же случае – при прямой угрозе жизни. Если это внезапно как гром с чистого неба – это страшней вдвойне.

Эльфийка была в шоке, что подтверждали ее расфокусированные расширенные глаза, одеревенелость, частое неглубокое дыхание. Как олениха смотрящая на слепящий свет приближающихся фар.

– Рэк! – вспомнив, содрал я рацию и рявкнул в микрофон.

– Да, командир? – ленивый и спокойный голос орка принес моментальное облегчение.

– Все в порядке?

– В полном. Гоблины отжимаются и с хрипами запалено хапают потными жопами воздух. Я вдумчиво кушаю помытое яблочко. Ваша экскурсия как?

– Бодро. Интересно.

– Да? – искренне удивился орк – Точно?

– Поглядывай по сторонам. Удвой численность часовых. Загони то веселое трио в экза и пусть сидят наготове.

– Что случилось? – из голоса орка исчезли последние крохи безмятежности.

– Пока ничего. Но все может измениться. Если что – ищите укрытие впритык к колонне с полусферой наблюдения.

– Принято! Может нам к вам? Хотя хрен пойми где вы…

– Выполняй, Рэк.

– Уже!

– Отбой.

Закончив краткий рваный инструктаж, я закончил и побегушки, финишировав у торцевой стены здания, с широким и целым панорамным окном, которое Хван тут же выбил.

– Лодка! – оповестил Каппа, после чего развернулся и взял на прицел оставленный нами коридор.

Поочередно заглянув в две крайние двери в противоположных сторонах коридора, я выбрал ту, что была снабжена еще одной дверью и тремя узкими окнами выходящими на тыльную сторону здания. Швырнув почти невесомую эльфийку слезшей с призма в руки Джоранн, я мотнул головой, указывая направление, после чего забрал у призма бронебой и опустился на колено у подоконника.

По притихшим волнам к нам неслась довольно странная посудина, чей нос был украшен намертво вцепившимся в стальные борта крупным черным экзом. Сама лодка надувная, многокамерная, с мощным форсированным движком, дно укреплено стальной палубой, борта надставлены стальными бортами. Я не видел всех этих деталей, но мгновенно опознал маневренное суденышко и одобрил выбор ублюдков – для недолгих и требующих быстроты водных вылазок лучшего не придумаешь. Сейчас лодка яростно маневрировала, рваным курсом упорно двигаясь к островку. Крупные снаряды ей удавалось избегать, а мелкие острые гостинцы от стреляющей полусферы погоды не делали, отлетая от стали бортов и брони экза. Задняя часть палубы прикрыта стальными щитами. Уверен, что там живая сила противника и рулевой. Плюс еще одна, а может и две лодки направляются к нам с другой стороны. И как система жопой не крути, нет никакой гарантии, что до того, как она расстреляет весь боезапас, ей удастся поразить все цели.

– Лид… – голос стоящего ко мне спиной Каппы выразил многое.

– Оба влево – скомандовал я, одновременно разворачиваясь и

прижимаясь спиной к стене под подоконником.

Опустившийся ствол монструозного противотанкового ружья едва успел совместиться со шлемом спускающегося по лестнице шатающегося рыцаря, как я вжал спуск. Вздрогнув от отдачи, я даже не моргнул, когда ответная очередь хлестнула по стене справа, выбивая облачка штукатурки.

Выстрел.

Споткнувшийся рыцарь взмахнул руками и рухнул ничком, врезавшись шлемом в выложенный полированными плитами пол. Плита треснула, рыцарь заколотился, начал вставать, несмотря на пробитую от первого выстрела шею и дыру в уже изрядно покореженных системой броневых пластинах живота. Вытянув руку, я поймал брошенный Хваном патрон, зарядил, прицелился куда неспешней и на этот раз выстрел пробил грудное вздутие толстой кирасы.

Секунда… другая… и замерший рыцарь вдруг выронил оружие, замахал беспорядочно руками и пустился в странный пляс, ударяясь о стены коридора и то удаляясь, то приближаясь к нам. Похоже, пораженная мной аптечка выдавила в умирающее тело вообще все свое содержимое. Из сипящей дыры в пробитой шейной защиты плескала кровь, доносились хрипы. Но мне было плевать на рыцаря. Развернувшись, я поймал еще пару патронов и перезарядился, не сводя глаз с почти достигшей берега изрядно накренившейся и нахапавшей воды лодки. Не дойдет суденышко… маневренность снизилась.

Видимом сидящий на носу черный экз подумал так же и внезапно прыгнул, отлетев от вставшей дыбом лодки как раз в тот момент, когда в ее открывшееся брюхо влетела ракета. Во все стороны полетели ошметки и куски тел. А экз с тяжелым лязгом приземлился на край бетонной площадки – метрах в пяти от моей позиции. Дальше управляющий экзом придурок сделал то, чего я никак не мог ожидать от штурмующего вражеские укрепления бойца – он развернулся ко мне жопой, чтобы поглядеть как там дела у лодки…

Дважды выстрелив, я всадил обе пули в инстинктивно выбранные места чуть ниже и левее центра его широченной бронированной спины. Под визг сервоприводов, плюнув из дыр маслом, дымом и искрами, экз тяжело развернулся, с двух манипуляторов перекрестил здание крупнокалиберными очередями и завалился назад, кроша невысокие бетонные перила. Еще через миг бронированный тонированный колпак распахнулся, с ложа вылетел выброшенный оператор, шлепнувшийся на бетон в шаге от окна. Я отступил. Подавшийся вперед Хван сцапал парня в темном стильном комбинезоне за

глотку и втянул в здание, попутно обрубив ему ручным лезвием дернувшуюся к поясной кобуре правую руку.

– Насекомое! – прошипел Хван, подтянув заоравшего парня к себе и внезапно клацнул жвалами, начисто снеся жертве большую часть носа.

Под испуганный визг аптечки и заполошный вой искалеченного оператора забросили в комнату, где им занялся Каппа, что за считанные секунды спеленал пленного, заткнул ему рот и перетянул культю. Следом раздался взрыв, поднявший фонтан воды, что окатила площадку, смывая кровь, масло и отрубленную руку. Мы взрыв черного экза едва ощутили. А я удивленно хмыкнул – странно. Обычно столь некрупные боевые механизмы не взрываются. Просто нечему там взрываться. Гореть – горят. Да еще как! А вот взрывы так легко не случаются – разве что детонируют при бортовом пожаре боеприпасы. И я не видел на экзе дополнительного навесного оружия вроде ракетных установок или минометов. Только штурмовые винтовки прикрепленные к манипуляторам и небольшая пушка установленная в развилке стальных ног.

Я высунулся чуток в окно и глянул на нависающую над нами колонну увенчанную полусферой. Меня заметили.

> Герой Эрыкван!
> **Внимание!** Немедленный полный вербальный доклад в свободной форме!

– Шутом кого попало не назначат! – рявкнул я, перезаряжая отлично показавшее себя ружье.

Не знаю как против тяжелой бронетехники – лобовую броню точно не пробьет – а вот против легких экзов пушка что надо.

> Герой Эрыкван!
> **Внимание!** Немедленный полный вербальный доклад в свободной форме!

– Эльфийка Диля – хрен знает как ее там полным именем – жива. Находится под нашей защитой. Численность моей группы прежняя. Один из пошедших против хозяйки рыцарей мной ликвидирован. Что со вторым не знаю. Нами пленен оператор вражеского боевого экзоскелета.

> **Доклад принят.**
> Немедленно ознакомиться с новым заданием, герой Эрыкван!

Забираться в интерфейс не пришлось – описание вполне предсказуемого ожидания сами высветились у меня перед глазами, показывая, насколько система печется о своих любимых прекрасных детишках. Мне хватило одного взгляда, чтобы убедиться – система требовала от нас приложить все возможные и невозможные усилия, чтобы спасти эльфийку. Так и заявила – любой ценой. Еще система потребовала оставаться на месте – занять оборону и ждать прибытия уже направляющейся сюда летучей стаи эвакуационных дронов что дополнительно перли боеприпасы для системы, а вместе с ним подкрепление. А в дополнительных небрежных условиях система указала, что было бы крайне желательно доставить к ней на допрос плененного оператора черного экза.

– С заданием ознакомился – буркнул я и засунулся обратно в здание. Прислушавшись к звенящей тишине, что царила как снаружи, так и внутри здания, махнул Хвану и указал на лестницу.

Оглядимся.

Пока Хван двигался к лестнице, я вытащил в коридор лишившегося не только руки, но и аптечки оператора экза и волоком попер его следом, в свободной руке легко удерживая увесистый бронебой. За мной двигались остальные. Волочащийся оператор мычал, указывая глазами на грудь, откуда была сорвана аптечка. Переживает за свое драгоценное здоровье, сученыш. Просит вернуть аптечку. Но дебилов тут нет – не считая эльфийки – и возвращать вполне способную впрыснуть удесятеряющий силы коктейль аптечку я возвращать не собирался. Сдохнет – значит сдохнет.

– Хван? Что там?

– Бородатый фарш в рваных свитерах… Тот бородатый рассказчик еще жив… но…

Что означало это «но» я увидел, когда сам поднялся. Того, кто предпочитал, чтобы его называли Кислотной Акулой, рыцарь наискосок перерубил в районе паха. Плюс разрезанный живот с вывороченными рублеными кишками и пара пулевых отверстий в правой части груди. Смертельные ранения. Но он был еще жив. Приткнувшийся в уголку под каким-то рваным старым знаменем бородач слабо улыбнулся, покосился на свою дырявую грудь и живот, после чего с какой-то странной надеждой прохрипел:

– Все прямо плохо? Или?

– Одно яйцо у тебя осталось – ободрил я его, переступая через отрубленные ноги, лежащие в паре метров от хозяина.

– Так странно на них смотреть издалека – заметил бородач, не сводя глаз со своих нижних конечностей.

– Что за аптечка? – с прагматичным интересом поинтересовалась Джоранн.

– Небесная лазурь – отозвалась переброшенная через ее плечо эльфийка – Одна из лучших аптечек. Дай мне встать… Чижик… держись… дыши глубже…

В ее голосе звучало искреннее сострадание. Сползя с плеча рыжей, эльфийка выпрямилась, оперлась о стену, глянула по сторонам с легкой и явно химической заторможенностью. Ей что-то вкололи. Вернее – она сама себе что-то вколола. Но на ней не было аптечки. Пока она раздевалась на ходу, я успел разглядеть ее совершенное тело. Из собственного белые ажурные трусики, из чужого старая футболка, штаны, пара носков и великоватые ботинки. Мы не расставались и налепить аптечку она никак не могла. А значит не было и нужды – аптечка внутри. Эльфы… их так просто не убить и надолго в шок не погрузить…

Сползя на пол рядом со смертельно раненым, она обессиленно приткнулась плечом к стене и забормотала:

– Держись, Чижик. Держись, умница моя. Через семь минуточек прибудет дрон и нас всех спасут.

– Семь минут? – вмешался я в их интимную беседу – Откуда информация?

– А?

– Откуда информация про семь минут?!

– Таймер… Мама оповещает. И высвечивает перед глазами пункты выживания.

– Озвучь-ка – велел я, перешагивая через трупы и заглядывая в комнаты, куда нас так и не завела оборвавшаяся экскурсия.

– Там всего три пункта. Не проявлять инициативы. Держаться рядом с героем Эрыкваном. Выполнять приказы героя Эрыквана.

– Ясно.

– Как мило – фыркнула рыжая, покосившись на элитную красотку вернувшуюся к беседе с бородатым обрубком едва живого мяса – Такая нежная забота…

– Переживает за раненых – пожал костяными плечами призм.

– Я не про это. Я про заботу системы о эльфах – ответила Джоранн и повернулась ко мне – Командир… ты видел, как ее прикрывала система? Залповый огонь! Ракеты! Бронебойные пули. Охренеть! Вот это любовь материнская…

– Она одна из сотни Высших имеющих право на решение – в свою очередь отозвался я и, отшвырнув от порога чуть расплющенную отрубленную голову с высунутым языком, вошел в заинтересовавшую меня большую комнату.

Даже не комната – зал. Вытянутый прямоугольный зал сохранивший в настенном и потолочном интерьере красочные

изображения различных птиц и животных. Это даже не изображения, а что-то вроде яркой пластиковой мозаики стилизованной под паззлы – по форме каждого фрагмента. Одна стена представляет собой еще одно панорамное длиннющее окно, что чем-то напомнило мне заведение Обсервер расположенное в верхушке опоясывающей Зомбилэнд защитной стены. Только там за бронированным стеклом открывался вид на обманчиво сонные буковые аллеи и заброшенные больничные корпуса. А тут за окном плескался океан – о котором так сильно мечтали обреченные на вечное тюремное заключение сурверы. Но меня заинтересовали не рисунки на стенах. И не панорамное окно. Сначала мое внимание привлекли несколько обычных письменных столов заваленных стопками пожелтевших от времени бумаг, книг, каких-то журналов и буклетов. К столам приставлены удобные кресла с широченными подлокотниками, на которых выставлены тарелки, бутылки, столовые приборы.

Раньше тут скорей всего была очередная кафешка, где осоловелые от нытья унылого экскурсовода жирненькие добросы могли передохнуть и успокоить нервную систему с помощью двойной гамбургерной инъекции в желудок. Бегающие детишки рассматривали зверей на стенах и птиц на потолке, прилипали сопливыми носами к панорамному окну, пискливо требовали еще сладкой шипучки, в то время как дебелые и вечно недовольные их родительницы, сдавливая в толстых пальцах гамбургеры, пилили потягивающих кислое пивко мужей. Весело, дешево, познавательно.

Но сейчас помещение – самое большое на этаже – бородачи почему-то превратили не в музейный зал, в этакую рабоче-жральную комнату с красивыми декорациями. Почему?

Ответ обнаружился быстро – поняв, что все стоящие дугой письменные столы обращены не к панорамному окну, а к тыльной противоположной стороне, я сделал пару шагов, глянул в ту сторону и все понял.

В стену был вмонтирован экран. Огромный активный экран разделенный сеткой разноцветных кусков. Каждый «кусок» – отдельное видео. Океан, горы, холмы, долины, селения, дороги. Прямая трансляция с окружающего нас мира – с различных его регионов. Это видео с полусфер. Логично. Вполне логично показывать жителям нового мира насколько красив и разнообразен этот самый новый мир.

Перед экраном, шагах в трех, из пола рос невысокий гриб с широченной мухоморной шляпкой. По шляпке тянулась длинная пластиковая чуть светящаяся странная загогулина с потрясающей надписью «А чем сейчас заняты защитники природы?». Легкое

мерцание как бы намекало, и я ткнул пальцем в пластиковую яркую хреновину, пока что проигнорировав небольшой экран с пиктограммами доступных команд.

Стоило мне ткнуть в надпись и экран на мгновение потух, а когда снова зажегся, я увидел идущего по светлому старому березовому лесу огромного бурого медведя с опущенному к земле лобастой головой. С легкостью трактора медведь тащил за собой раздутый труп голой гоблинши с перехваченной глоткой. Голова гоблинши стукалась о корни и пеньки, цеплялась волосами, оставляя светлые пряди, словно пытаясь отметить пройденный маршрут.

Какое прекрасное зрелище для детишек…

Ткнул пухлый мальчик ангелок в кнопку… и увидел как по лесу тащат разлагающийся труп жителя нового благословенного мира…

Рассмеявшись, я некоторое время глядел на медведя, отметив его более чем солидный возраст, проплешины на седоватой шкуре, поблескивающие синие огоньки в крохотных глазках и невероятную силищу, когда он одним ударом отшвырнул упавшее дерево, заставив его рухнуть в реку. Следом на прибрежный песок шлепнулась мясная дохлая кукла и к ней тут же кинулись нелетающие крикливые птички.

Да… познавательное видео.

А что еще?

На этот раз экран показал трех огненно-рыжих больших лисиц, что бодрым клином бежали за с воплем улепетывающим гоблином пытающимся пережать обрубок левого запястья. Сама ладонь обнаружилась в пасти замыкающей лисицы. В этот раз по экрану пробежала разноцветная поясняющая надпись: «Звери защитники догоняют перепуганного жителя с целью вернуть ему утерянную в результате несчастного случая левую ладонь и ласковым урчанием указать ему правильное направление к ближайшему медблоку».

– УР-ГХ-А-А-АР! – вырвалось хрипящее из разинутой пасти головной лисицы.

– РАК-РАК-РАКОМ! – поддержали ее остальные, причем одна едва не выронила из челюстей отхераченную ладонь.

– А-А-А-А-А! – ответил бегущий гоблин, резко ускорившись – А-А-А-А-А!

– Это интересно – вынес я вердикт, не обращая больше внимания на визгливого гоблина и сосредоточившись на экране с управляющими пиктограммами. Куда бы ткнуть? На большей части виртуальных кнопок не слова, а достаточно странные загогулистые символы.

– Позволь? – в голосе подступившей Джоранн звучал искренний интерес – Я разберусь.

– Знакомо?

– О да…

– Действуй. Хван? Каппа? Что у нас по обзору?

– Осмотрелись. Первый рыцарь раздавленной консервой так и лежит за углом. На воде обломки. На берег выбросило пару изломанных трупов. Пока тихо…

– Патруль второго этажа. Хван по левым комнатам и окнам. Каппа по правой.

– Есть!

– Выполняю.

Разошедшиеся бойцы двинулись по коридорам, а я терпеливо принялся ждать, меланхолично жуя выуженный из поясной сумки протеиновый батончик и не обращая внимания на хрипящего у стены агонизирующего Чижика. Слишком уж затянулся его отход из жизни – так и хочется поторопить ударом ботинка по хрипливому горлу.

Какая ценность в этих бородатых гоблинах?

Ее нет. Это скорее они задолжали этому миру. Пригретые на теплой эльфийской груди, они жили в безопасности и при полном снабжении, не особо утруждая себя чистоплотностью. Сидя в креслах перед огромным экраном, они с ленцой наблюдали за происходящим в мире, наслаждаясь консервированной жрачкой и запивая все даровым пивком.

Они не принимали никакого участия в происходящем, не пытались ничего исправить, жили тихо как мыши в глубокой и теплой норке, жрали и пили от пуза, но… вот я сука уверен… что видя что-то интересное на экране, они тут же принимались это обсуждать, с якобы знанием дела комментировать, осуждать, одобрять, ехидно посмеиваться и порой вставлять любимые фразы бездельников, что всегда начинаются с «А я бы…», «На его месте…», «Всем на все похер…», «Думают только о себе…». Но никто из них даже и не подумал о том, чтобы окрепнуть телом, выучиться обращению с оружием, начать патрулировать прибрежные окрестности музея, отстреливая больных зверей, зомбаков, чесунов, выискивая насильников и беглых убийц, помогая попавшим в ловушку животным и гоблинам, укрепляя размытые русла рек…

Нет. Этого они не сделали. Почему? Да потому что для этого ведь надо хоть что-то делать, верно? А это так лень… и так опасно… куда приятней сидеть с пивком перед экраном и, глядя на прямую трансляцию, просто едко комментировать.

А ведь у них под рукой такой невероятный всевидящий

инструмент… прямо всевидящее – ну или почти всевидящее – око…

Так… если не понадобилось им – возьму я. И уже никому не отдам.

Вставшая эльфийка суетливо кинулась ко мне, потребовала:

– Бинты! Раны перетянуть!

Бред… просто переполненный эмоциям разум пытается начать делать хоть что-то – пусть и бессмысленное – лишь бы сбросить хотя бы часть калечащего психического напряжения.

– Джоранн, дай Диле упаковку бинтов и тюбик клея – велел я.

С намеком зыркнув на удивленно обернувшуюся рыжую, я шагнул за спину эльфийки и с силой пнул по простреленной груди Чижика. Бесполезное бородатое мясо дернулось… и уронило башку на хрустнувшую грудь. Взвыла аптечка… и писк тут же оборвался.

– Чижик! – эльфийка бросилась к трупу, но я поймал ее, с легкостью приподнял и оттащил к стене.

– Он умер с достоинством – встряхнул я Дилю как котенка – Понимаешь? Он крепился ради тебя. Держался.

– Да… мой милый Чижик… такой неумелый в постели… но такой ласковый… с щекочущей бородой…

– Ща сблевну – не выдержала Джоранн.

– Я аккуратно вынесу его. Вынесу с достоинством – кивнул я – А ты пока посиди. Вот. Выпей компота.

Сладкое пойло – любимая жрачка воспитанного на сахарке мозга. Стоит языку ощутить сладость – и мозг восторженно пищит, а следом и успокаивается. Безумная ассоциация, где сладкое равнозначно безопасному.

Вцепившись во флягу, эльфийка сделала глоток, тяжело вздохнула. Приходит в себя, встроенная в холеную тушку аптечка помогает. Хорошо. Шагнув к сдохшему Чижику, я поднял его торс, аккуратно вынес, прикрыв за собой дверь. Сделав пару шагов по коридору, зашвырнул его в первую попавшуюся и вернулся за ногами. Повторив с ними ту же процедуру – попутно выпнув из зала одинокое сморщенное яйцо – я вытер о труп чуть испачканный ботинок и вернулся в зал, попутно переглянувшись с патрулирующими бойцами.

Не удовольствовавшись этим, снова высунулся в окно, глянул на нависающую над зданием колонну системного наблюдения, вопросительно приподняв бровь. Через минуту выяснилось, что система плевать хотела на мои гоблинские брови и я с удовлетворением запихнул голову обратно под прикрытие толстенных стен.

Вернувшись к эльфийке, что начала бессвязно ругаться,

поминая причудливые имена – явно перебирает всех своих потенциальных врагов – я задумчиво постоял рядом, послушал и понял, что сейчас продуктивного диалога не получится. Вот почему я предпочитаю иметь дело с жопными выползнями, битыми-перебитыми жестокой жизнью. Они настолько привыкли к постоянным ударам судьбы, что быстро приходят в себя после очередного нокаута и просто делают следующий шаг. А изнеженные и не знающие жестокости гоблины до того привыкли жить в безопасной ракушке, что любой подобный стресс надолго выбивает их из колеи.

Ладно…

Следующие пять минут я провел в обходе здания, успев за это время изучить каждую комнатенку, каждый тупик. Я побывал и рядом с залитым железобетонной подушкой входом в подвальный этаж. Где-то там, за этой пробкой, скрывается царство вездесущих гномов, что так любят наблюдать за рыбками и тонущими кораблями. Нашел я и выход на плоскую бетонную крышу, сложенную из толстых плит. Здесь я и находился, когда появившиеся на небесном горизонте черные точки быстро укрупнились, превращаясь в спешащую пятерку дронов.

Два дрона – те, что понеказистей на вид, этакие рабочие пчелки – сразу «присосались» к грибам системы, начав загрузку боеприпаса. Вниз полетели пластиковые и жестяные огрызки, что-то заискрило и застучало. Один дрон остался в воздухе и пошел на большой круг вокруг приютившего нас центрального здания. Еще два опустились на крышу. Один просто поднял приглашающе створки, а другой выпустил пятерых рыцарей в одинаковых красно-белых полосатых доспехах с зеркальными забралами. В руках автоматическое оружие, у пары рыцарей питание пулеметов ленточное, тянется к тяжелым ранцам за спиной. У одного на левом плече горизонтально закреплен небольшой брусок металла с плотно закрытыми створками. Мини-ракетная установка. Эти малыши – а их должно быть четыре штуки – могут наделать множество различных бед. Все зависит от типа боеприпаса.

– Где госпожа…

– Не мешай – отмахнулся я от «ракетного» рыцаря и шагнул к люку в крыше, откуда показался уродливый Хван, удерживающий в руке эльфийку.

– Останься – предложил я ей – Опасности нет. Новые рыцари прибыли. Продолжим экскурсию…

– Домой… я хочу домой…

Пожав плечами, я отступил и проследил, как высокопоставленную активистку-дуру-меценатку-шута бережно грузят в один из дронов. Туда же впихнули бронированные жопы

красные рыцари и дрон тут же оторвался от крыши и пошел прочь, сопровождаемый тремя дронами – патрульными и двойкой малышей, что разгрузили боеприпасы. На крыше осталась только одна летучая машина, по-прежнему держащая открытыми створки люка.

– Не – покачал я головой.

Подняв забрало, я глянул на один из покоцанных пулями грибов системы и широко улыбнулся:

– Поговорим о новых бонусных наградах?…

* * *

Откинувшись на спинку жесткого стула, я положил ноги на девственно чистый стол и с нетерпением глянул на спину колдующей над терминалом Джоранн:

– Ну?

– Минуту! Тут куча урезанных функций! Все вяло, трудно и уныло как у большинства мужиков!

– Сколько?

– Еще пару минут.

– Ок.

Убрав ноги со стола, я опустил на него тяжело лязгнувший бронебой и принялся за полную разборку, никуда не торопясь. Если я в чем и уверен, так это в том, что словосочетание «две минуты» у технарей может означать любой промежуток времени начиная с двух минут и заканчивая тремя сутками бесконечного траха с не желающими подчиняться программами.

Но торопиться было некуда.

На тяжело прошедший мимо панорамного окна бывшего кафетерия дрон я глянул лишь мельком – прибыла остальная часть моего сквада, а следующий дрон притащит сети с тридцатью шестью новичками, пожелавшими пройти обучение и влиться в ряды геройского сквада гоблина Оди.

За спасение эльфийки система сгоряча посулила аж пять бонусных наград, не считая пяти тысяч наградных крон. Система наверняка желала отделаться обычными своими любимыми мелочами вроде бесплатного медицинского обслуживания, но я действовал на опережение и все свои желания высказал мгновенно.

Разрешение на занятие моим сквадом музейного архипелага в качестве временной полевой базы. Пусть хотя бы временная, но передача этой территории в мою ответственность, и чтобы всех, кто сюда вздумал сунуться, сразу же предупреждали – нельзя,

валите нахрен. Потому как армейская база не место для праздно шатающихся любопытных. Но одно здание я указал как буферное – крайнее, на первом от берега островке, стилизованное под маяк.

Дальше…

Снабжение нас солидным запасом продовольствия. Питье не требовалось – из кранов текла чистая пресная вода, работали души, хотя засрано все было капитально.

Доставка сюда всего численного состава, новичков, техники и вообще всего нашего имущества по воздуху и за казенный счет.

Доставка сюда хотя бы трех мобильных медблоков, установка их непосредственно рядом с центральным зданием. Если есть возможность – то доставить столько же торгматов, чтобы усталые от муштры гоблины могли порадовать себя какими-нибудь бытовыми мелочами и вкусностями.

Ну и на закуску я захотел, чтобы экран терминала и дальше оставался включенным. Наверняка система и не собиралась его отрубать, но рисковать я не хотел.

Высказав свои хотелки, я тут же перешел к их пояснению – мне нужно перебраться сюда по той простой причине, что это даст мне шанс выяснить необходимую информацию и приступить к выполнению задания Дикая Эволюция.

На самом деле меня сюда влекло не только это.

Высшие и их прихвостни.

С каждым днем их все больше было в постоялом дворе Веселая …лупа. С каждым днем их пьяный лихой нажим усиливался. Все больше намеков, больше обнаженного холеного тела, больше недовольства. Еще день – и начались бы серьезные потасовки. Учитывая, что у нас сейчас выданные системой спокойные выходные без мелких заданий, нам просто нет смысла сидеть рядом с прославленным городом, если есть более интересная альтернатива.

И такая альтернатива нашлась – заброшенный музейный комплекс, что вполне может стать надежной и отрезанной от любопытных глаз базой отряда.

Так чего тянуть плукса за яйца?

Система меня выслушала. Потратила на раздумья секунд десять. И подтвердила каждый мой запрос. Ну и отлично. Предупредив Рэка по передатчику о немедленной подготовке к перебазированию, я потопал в центральный зал, крутя в усмешке головой – надо же… вернулись обратно к океану. Вернулись к Чистой Тропе. Поближе к чистому воздуху – не несущему в себе вони элитных дворянских жоп.

Параллель Зомбилэнда.

Может это и есть та нулевая линия, что идеально подходит

для таких как я?

Следующие полчаса я потратил на вышвыривание всего лишнего из зала, оставив там только столы, стулья и пару лавок. Всю макулатуру мы вместе с Каппой забросили в одну из небольших комнат заставленных всякой рухлядью. Именно туда я определю Баска, едва только полуслепой зомби приземлит здесь свою тощую жопу.

Попутно я выдал Каппе первый десяток приказов касательно размещения личного состава и первоочередных действий. Азиат выслушал и коротко кивнул. Повторять я не стал, зная, что он запомнил каждое слово. Идеальный адъютант и заодно охранник.

Неожиданность преподнесла Джоранн, вернувшаяся в зал, стащившая с себя шлем и, прежде чем заняться терминалом, буднично заявившая:

– Лид. Сделай меня призмом.

– Как Хван?

– Как Хван.

– Уверена?

– Более чем.

– А волшебницей больше быть не хочешь?

– В жопу псевдомагию. Хочу жвала, лезвия, хитиновую броню и шипы. Только никакой сраной шерсти, ушек и коготков.

– Повторюсь – уверена?

– Да. Это пойдет на пользу скваду. Это пойдет на пользу мне.

– Поговори с системой сама для начала. Поднимись на крышу и излей свою больную душу. Приведи доводы. Если сработает – ок. Если нет – я попробую.

– Спасибо, лид. Пора вытащить совершенное насекомое из уродливого мясного кокона…

– Терминал.

– Уже занимаюсь…

Зашедший в зал Каппа отряхнул пыль с перчаток, покрутил башкой по сторонам, обнаружил остатки лишнего здесь хлама и направился на его ликвидацию, попутно сообщив:

– Основной состав и арсенал прибыл.

– Состояние бойцов?

– Вымотанное.

– Отдых – распорядился я, нежно проходя промасленной тряпкой по загнутой странноватой детали бронебоя, что больше походила на какую-то перфорированную карту, а не часть оружия. С каких пор в огнестрельном оружии появилось столько лишних хреновин? И ведь не выкинешь… или рискнуть и выбросить эту хреновину, что больше похожа на именную визитку мастера?

– Принято – ответил мечник и утопал, унося с собой

последнюю стопку старых книг.

– Баска ко мне!

– Есть!

Когда выглядящий почти здоровым зомби вошел в зал, он не скрывал обуявшего его восторга и нетерпения. Поняв, что обычно хладнокровный и спокойный – так было до их первой наверняка излишне томной и страстной случки с Йоркой – Баск вот-вот начнет рассказывать мне об этом здании, уподобившись подохшим недавно бородачам, я прервал его коротким жестом и, убирая собранный бронебой, заговорил первым:

– Здоровье?

– Норма! Вернулся к тренировкам. Рэк меня гоняет, как и всех.

– Хорошо. Тебе дополнительное задание. Каппа покажет комнату с кучей макулатуры. Поройся в ней. В первую очередь ищи все связанное с технической историей этого мира.

– Технической?

– Четкие даты, имена, должности, перечисление сухих фактов. Всю остальную торжественную хрень вроде долгих нудных и никчемных речей богоизбранных выбрасывай беспощадно.

– Принято.

– Что насчет веселого безного разбойника?

– Я составил о нем мнение – ответил Баск – Излагать?

– Позже – вздохнул я, переводя взгляд на колдующую Джоранн – С этого дня на вас двойная нагрузка. Выберете себе по помощнику. Лопатьте информацию. Рядом с экраном постоянно должен быть наблюдающий, что будет подмечать все интересное. Под интересным я подразумеваю активность любых уродов – призмов, зомби, зверолюдов. Все должно записываться с указанием времени, места, количества, вооружения. Это же касается передвижения любой серьезной техники. Услышали меня?

Дождавшись кивков, я повторил:

– Круглосуточная вахта. Касательно этих мусорных бумаг, Баск – поищи в них записи тех придурков, что были здесь до нас. Может кому-то из них в голову пришла такая же светлая мысль – записывать все интересное.

– Такого рода? – уточнила Джоранн, указав на экран, где страстно совокуплялись два олень с оленихой.

– Нет – хмыкнул я.

– Судя по логам, пиктограмма «Воспроизводство биологических видов» активировалась гораздо чаще, чем прочие из доступных.

– Наверное, полезные записи можно не искать – понимающе кивнул Баск – Но я все же гляну.

– Вечером доложишь по всем пунктам из нарытого.

Еще раз кивнувший Баск отправился искать комнату с макулатурой. А я, глянув на экран, где совокупляющиеся олени сменились изображением двух подплывающих к обосравшемуся тюленю касаток, проворчал:

– Почему эти дерьмоголовые выискивали на экране трахающихся обезьян и тунцов? Это как…

– Атомной гранатой колоть орехи?

– Вроде того. Они могли многое изменить. Но не согласились быть даже простыми свидетелями самого важного, предпочтя разглядывать трахающихся крестьян. Впустую растрачиваемые ресурсы. И свихнутая на всю красивую голову тупая эльфийка.

– Почему?

– Она обеспечила им полный пансион. Жратва, проживание, безопасность. Они наверняка с готовностью слушали ее речи про погибающий мир, про то, что срочно надо что-то делать, что-то исправлять… но при этом они не делали ничего. Продолжали жрать, срать, втихаря онанировать глядя на хрюкающих от натуги олених… и больше ничего. Почему она продолжала кормить этих ушлепков?

– Потому что они охраняли музей?

– Это делала система. А эти хранители… не могли даже почистить унитаз.

– Я видела – поморщилась Джоранн – Готово, лид. Большая часть функций урезана, но все же немало команд доступно, плюс я отыскала скрытую команду вызывающую поисковую строку. Поверь мне – это немало.

– Верю. Начинай искать.

– Дашь ключевые слова?

– О да – усмехнулся я, вытирая пальцы от оружейной смазки и подаваясь вперед – О да…

– Слушаю.

– Спокойствие. Полное отсутствие криминогенной обстановки. Ноль насильственных смертей среди местного населения. В целом безмятежная счастливая жизнь всех без исключения, включая блох, вшей и глистов.

– Я не могу задать поиск по таким параметрам. Поисковая строка просто не принимает.

– А что она принимает?

– Ну… судя по подсказкам… цветение васильковых, сбор нектара, линька песцовых, брачные игры тюленьих…

– Дерьмо.

– Есть и оно – испражнения медвежьих, изучение экскрементов черных медведей, разнообразие диеты хищников и всеядных…

– Дерьмо.

– Всю эту технику проектировали и использовали не для полицейских целей, гоблин. Это что-то вроде уголка юного натуралиста.

– Дерьмо! Зови обратно Баска. Напрягайте мозги, соски и жопы – но найдите способ выйти на нужную мне инфу!

– Обходной ассоциативный путь? – задумалась Джоранн – Цепочка последовательных доступных запросов… Хм… но какие главные слова?

– Призм. Смерть.

– Так себе подборка…

– Стоп. Изнасилование – это ведь тоже сек, правильно?

– Это ублюдочное действо заслуживающие медленной мучительной агонии! – прошипела Джоранн, остановившаяся у выхода в коридора – Сначала ублюдку надо кольцами нарезать его гребаный склизкий…

– Эй!

– Да?

– Изнасилование – это секс?

– Технически – да.

– Погоди с Баском. Вбей секс. Первый последовательный запрос.

– А второй?

– Смерть.

– Принято. Пояснишь?

– Мы ищем теневые организации – ответил я, выгребая содержимое поясной сумки и протирая ее изнутри и снаружи влажной салфеткой – Они прячутся. Скрываются от взглядов героев и системы. Но при этом они остаются большими серьезными организациями. Что главное в любой организации, что считает себя серьезной?

– Хм… прибыльность, дисциплинированность, строгая иерархия, порядок на всех личных территориях, устроенный быт сотрудников, места для комфортного отдыха для элиты… я, кажется, поняла. Поэтому ты начал с таких запросов как «спокойствие», «порядок», «отсутствие криминогенной обстановки»… Любая банда будет поддерживать железный порядок на своих территориях. Никаких убийств, никаких изнасилований… стоп! А почему тогда ты сделал запрос про изнасилование? Вернее про секс…

– Для системы изнасилование и секс могут оказаться

равнозначны – пожал я плечами – Трахаются же.

Безмолвно оскалившись, Джоранн кивнула:

– Хрен с ним. Хотя равнозначного здесь ноль. И зачем такой запрос? Изнасилований на территории банд не будет.

– Не должно быть – поправил я – Вот только далеко не все могут удержать свою натуру.

– Кто-то из бандитов не выдержит и все же трахнет толстосисую и толстозадую крестьянку?

– Как один из вариантов. Но вообще нам подойдет любой чужой секс, был бы он на крае видимости и были бы разбросаны вокруг шмотки.

– Запуталась.

– Никто не будет – ну кроме извратов – специально трахаться прямо под электронными глазами системы. Бандиты – тем более. Они должны знать сумрачные зоны, должны жить в этих зонах, вообще никогда не «всплывая» в светлых областях. Но любой член банды всегда живет на острие. Он всегда в стрессе. Ведь убить могут в любой момент, плюс работенка кровавая и нервная. Есть немало способов успокоить нервы и сбросить напряжение.

– Медитация – кивнула рыжая – Травяные отвары, мягкие медицинские средства, осознанная беседа с самим собой, созерцание природных красот…

– Бухло, наркота и трах – дополнил я – И именно во время попытки изнасилования женщины сделают все, чтобы успеть добраться до просматриваемой системой области. Даже если это слепая паника – все равно жертва куда-то бежит, спасаясь от погони. Есть шанс, что она выскочит аккурат в зону обзора глазастого пинка.

– А бухие преследователи уже будут не в том состоянии ума, чтобы думать о наблюдении – правильно поняла меня рыжая – Они начнут трахать там, где поймали и повалили. Ублюдки.

– Начинай поиск.

– Секс… мы ищем гребанный секс во всех его красивых природных и отвратных гоблинских проявлениях…

– Порно? – заинтересованно сунулся в зал Рэк – Могу помочь…

– Делом займись! – рыкнул я и крайне огорченный орк утопал.

– А причем здесь шмотки? – уточнила погрузившаяся в работу Джоранн – Которые разбросанные вокруг сношающихся тел.

– По одежде и наличию оружия есть шанс понять кто есть кто. Чья волосатая не подтёртая жопа дергается в фокусе камеры? В чьи недра мы заглядываем с неудобного ракурса? Крестьянин? Бандит?

– В насколько уродливом мире мы живем, если система наблюдения отказывается искать преступления, но при этом радостно готова подогнать нам сцены влажного траха во всех его видах и фантазиях?

– Ищи секс, Джоранн. И найди его побольше. Как зацепимся за что-то интересное – сузим область.

– Ищу…

– Дерьмо!

– Сегодня ты в ударе – фыркнула рыжая – Что?

– Знаешь, что мне сказал оператор черного экза, перед тем как я отрубил ему вторую руку?

– Что?

– Он сказал – да похер.

– Мужик. Хотя руку могут и пришить.

– А потом он добавил с легкой такой небрежной грустью, глядя на опускающийся дрон системы – вот сука я и отжил свое.

– Ну… что-то ядовитое вшито в тело. Азбука.

– Азбука – согласился я – Он умер на моих глазах еще до того, как перед ним открылись стальные створки медблока.

– Его выбор – дернула плечом Джоранн – Если тебе скучно, лид – закинься чем-нибудь и не мешай.

Открыв было рот, я секунду подумал, закрыл пасть обратно и поудобней устроился в кресле. Я гоблин понятливый. Могу и помолчать.

Глава девятая

Секс.

Желание секса.

Жажда траха.

Похоть, что многократно усилена наркотой, бухлом. Похоть, что распаляется многократно, когда на налитые кровью глаза попадается симпотная принарядившаяся бабенка с пугливой, но милой улыбкой.

Именно в таких случаях, позднее, на следующее утро, состоявшийся насильник, очухавшись, пытается оправдать себя только одним – да она сама виновата! Оделась как шлюха! Накрасилась как проститутка! И она мне улыбнулась! Это же был сука намек – трахни меня! И я трахнул! А чего она хотела, выставляя напоказ сиськи и жопу! Сама виновата! Она мне улыбнулась мимоходом, спеша к ждущим дома детишкам – а я догнал и трахнул силой.

Прямо настоящая песня, где главный герой ни в чем не виноват.

Именно такую историю про простую крестьянскую девку и залетного улыбчивого молодца рассказал мне хлюпающий разбитым носом староста небольшой деревушки, куда мы прибыли малым составом. Багги доставила нас сюда за семь часов стремительной и порой тряской дороги. Сначала она перла нас по Тропе, затем по узкой дороге, следом по еще более узким дорожкам и тропкам, продираясь через ломкий кустарник и распугивая всякую живность.

И вот мы здесь вместе с рассветом – в аккуратной небольшой деревушке Вентира, заселенной не менее аккуратными улыбчивыми жителями.

И вот я, толком не выспавшийся, стою рядом со старостой, что старательно и неумело пытается напихать мне в мозги дерьма. Я улыбаюсь, я слушаю, а староста, думая, что источаемое им словесное дерьмо меня хоть в чем-то убедило, продолжает рассказывать сказки о том, как шел мимо никому неизвестный негодник, что засмотрелся на небесные красоты, споткнулся и упал членом на отдыхающую на обочине здешнюю девушку. Все случилось не совсем по обоюдному желанию, но что уж поделать. Надо забыть и жить дальше, каждый день благодаря судьбу за тихое ласковое счастье…

К концу его речи я начал потихоньку смещаться в сторону бревенчатого сарая и, едва мы оказались за потемневшим углом, я врезал старосте поддых как только он сказал слово «счастье».

Следом добавил несколько ударов ногами, стараясь переломать ребра. Каждый имеет право быть трусом. Это его выбор как личности. Но этот выбор у тебя исчезает, как только ты становишься лидером – с этих пор быть трусом ты права не имеешь. А староста Вентиры был гребаным жалким трусом, что предпочел закрыть глаза на жестокое изнасилование молоденькой совсем девушки. А следом он оказался настолько глуп, чтобы врать мне.

Когда получивший удар ботинком в лицо староста отключился, воткнув переломанный нос в землю, я повернулся к Рэку, что подвел ко мне трясущуюся жертву изнасилования с почернелым от побоев и горя лицом. Первое что она мне сказала, с трудом двигая распухшими губами:

– Муж сказал, что я теперь грязная – ведь во мне побывал чужой член.

– Твое лицо…

– Муж сказал, что я ему противна… Бил меня. А его лучший друг подтвердил это… и тоже меня ударил. Сказал, что я хотела, чтобы меня трахнули – иначе бы этого не случилось.

– Рэк. Навести ее мужа и его лучшего друга. Передай мужу, что у них состоялся развод. И сделай так, чтобы оба этих веселых парня оказались грязными.

– Пусть смачно отсосут друг у дружки?

– Прояви больше фантазии.

– Ох уж эти деревенские извращенцы.

– И старосту прихвати с собой. Пусть он тоже потешит свой язык и жопу.

– Сделаем! Тигр! Поможешь?

– И с радостью…

Когда бойцы уволокли стонущего старосту, я повернулся к опустившейся в траву девушке и спросил:

– Чего ты хочешь?

– Убить ублюдка… убить того, кто сделал это со мной…

– А мужа?

– Я любила его… еще вчера я любила его всей душой…

– И?

– Я не хочу здесь оставаться.

– Чего ты хочешь?

– Отомстить!

Я растянул губы в широкой усмешке:

– Легко. Ты знаешь откуда явился в вашу деревню тот явно знающий окрестности ублюдок?

– Возьмите меня с собой. И я расскажу все что знаю.

– Поехали – кивнул я.

– Хочу нож. Острый длинный нож.

– Легко.

– Если получится… тот ублюдок…

– Он будет твоим – кивнул я.

– Поехали – девка с почернелым лицом поднялась и без страха шагнула к замершей у околицы багги, полной вооруженных до зубов чужаков, за чьими спинами виднелась платформа с прикрытым брезентом экзом.

Ей помогли усесться на одно из сидений, прилепили к шее одну из обычнейших дешевых аптечек. Получив дозу лекарств и успокоительного, девушка заговорила. Я внимательно слушал, не обращая внимания на едва слышные стоны, хрипы и оханья доносящиеся из нарядного домика неподалеку.

Еще через десять минут мы покинули Вертину, проехали чуть больше километра и свернули на уходящий вниз лужок, направляясь к темнеющему впереди леску. Над кронами деревьев смутно виднелись мрачные даже издали очертания каких-то построек.

Жертва изнасилования поведала нам что-то очень важное?

Нет.

Обычная банда головорезов любителей. Но это тоненькая ниточка, за которую я дерну, чтобы посмотреть, что на другом ее конце.

* * *

Усевшись на бревно, я отшвырнул ботинком дернувшуюся ко мне змею, облокотился о бетонную потрескавшуюся ограду и с интересом изучил нависающую надо мной продырявленную во многих местах стальную… даже не знаю, как назвать эту штуку, поставленную у дороги. Некогда синяя, с жирными белыми буквами… проще всего назвать эту хреновину неким списком.

Главная дорога проходила мимо. Полное совпадение с Зоопривольем, где посетители катились мимо просторных вольеров с диковинным зверьем обитающим в естественных условиях. Тут тоже что-то вроде вольера, а вот зверье здесь обитает обычное. Может даже они отвечают списку из десяти трудноразличимых уже пунктов.

Лень – мать всех пороков. И в месте подобном этом лень правит балом.

Агрессия, опирание на физическую силу и жестокость – еще один из страшных моральных недугов обитателей подобных мест…

Дальше я читать не стал – а то вдруг сразу и ощутил напавшую на меня агрессивную лень. Просто перевел взгляд на стоящее посреди бетонного круга с бетонной же оградой… семиэтажное здание, формой напоминающее оплывший свечной огарок. На фронтальной стене здания было горделиво начертано «Трущоба обыкновенная».

– Охренеть – буркнул я, оглядев эту пусть обветшалую, но в принципе обычную жилую многоэтажку – А что тогда не трущоба?

– Охренеть… – выдавил выскочивший из подъездной двери гоблин в грязной серой майке и такого же цвета шортах. Он дернул лапой, отпуская ширинку и хватаясь за поясную кобуру.

– Не-не – замахал я – С тыла, мужик. Мы с тыла наступаем. А здесь трибуны.

– А? – выпучился ошалевший гоблин.

– Не пали контору, ушлепок! – прошипел Рэк, показывая придурку кулак – Атак с тыла!

– А?

– С задницы!

– Ата-а-ас!

– А дерьмо – поморщился я и коротко кивнул.

Винтовка дернулась в неумелых руках жертвы насилия, но с такого плевого расстояния, плюс оружие лежит на бетонной ограде… пуля угодила в центр прикрытого серой майкой живота и утонула в нем. Захрипевший гоблин завалился на бок и заскреб ногами. Мы чуть втянули головы за надежную ограду и продолжили ждать.

Чего ждали?

Атаки звена тяжелой пехоты.

А если проще – гиппо пошел в свою первую атаку.

Тяжелый удар с той стороны здания дал знать, что звено наконец-то очухалось и взялось за дело.

– Экз! Там экз в огородах! – завопили сверху – А черт! Ложи-и-иись!

Застучавшие пулеметы ударили по зданию, выбивая редкие уцелевшие стекла, вынося рамы, кроша бетон. Сначала мы просто услышали, а затем и увидели, идущего вокруг здания экза, давящего шквальным огнем пустые окна.

Секунда…

Другая…

И очухавшийся оператор пришел в себя. Продолжая удерживать манипуляторы вскинутыми вверх, Сэбл прошла еще несколько метров, резко опустив одну руку, пальнула короткой очередью в окно первого этажа, откуда донесся хрипящий крик перешедший в стон. Тявкнул миномет, плюнув в стену. И еще раз.

Доносящиеся из здания крики усилились, следом сверху кто-то робко пальнул из винтовки и тут же спрятался, спасаясь от стегнувшей стену очереди.

– Давай – кивнул я, сам оставаясь сидеть.

– Пошли! – рявкнул орк, уводя за собой десяток.

Тигр молча бросился в сторону, следом рванула его подруга, чуть с запозданием отреагировали еще двое будущих разведчиков.

Не считая меня и Рокса, я взял с собой двадцать гоблинов. Из них трое на экзе. Десяток Рэка – хотя численного его бойцов уже подбирается под двадцатку, но многие все еще лечатся. Пятерка Тигра. И еще двое неотлучно при Роксе, в их распоряжении два пулемета – один на багги, другой на задней части платформы.

Задумчиво грызя соломинку, я терпеливо ждал, прислушиваясь к происходящему в здании. Там вылетали двери, разбивались стекла, кричали в ярости, испуге, вопили от боли, кто-то пронзительно скулил, летя вниз с верхнего этажа, продолжал стрелять и бухать стальными ногами экз, хотя иногда под его манипуляторами чавкали и хрустели тела.

На все ушла четверть часа, по истечению которой передо мной рухнуло двое – обычный гоблин в красной футболке и частично скальпированный зверолюд со срезанными ушами и отрубленным хвостом. Оба уставились на меня с одинаковым выражением глаз – злоба, обреченность, слабая надежда. Оглядев их, я перевел взгляд на Рэка:

– Насильник?

– Она убил его. Он ее.

– Хорошо – кивнул я и подался к пленным – Поговорим?…

Еще через двадцать минут мы уезжали прочь, увозя с собой редкие полезные трофеи и ничего из полезной информации. Пустышка. Никакой связи с интересующими меня бандами.

– Мимо – буркнул я в приемник рации.

– Принято – тут же прозвучал в ответ голос Джоранн – Идем дальше?

– Да.

– Принято. Баск? Что у нас самое многообещающее?

– Селение Зморалье. От Вентиры два часа на запад. Но если укажете свое местонахождение – может укажем более прямо маршрут – зазвучал в динамике спокойный голос зомби.

– Рокс? – повернулся я к старому механику.

– Только через деревню – качнул тот седой головой – Нам нужна подзарядка.

– Селение Зморалье, через Вентиру – озвучил я в рацию – Что

там произошло?

– Парочка удивительно хорошо одетых и вооруженных гоблинов методично и культурно набухались, после чего занялись страстным трахом на цветочном лужку. Секс мы наблюдали, а произошедшее до этого выяснили из наблюдения и прослушивания Зморалья. Народ там любит почесать языками.

– И? Чем интересна парочка?

– На оружии и одежде одинаковые странные символы. Что-то вроде звериного рогатого черепа держащего в зубах кинжал. И сами гоблины выглядят… битыми жизнью злобными ушлепками.

– Они еще там?

– Только закончили потное дело. Допили бутылки. Теперь спят в обнимку.

– Хорошо… пусть отдыхают…

* * *

Зло сплюнув, я отер ботинок о траву и ушел, оставляя на траве исковерканное женское тело.

Снова пустышка.

Да разбойники. Да у них банда. Была. Нарвались недавно на геройский отряд и численность банды с двадцати с лишним рыл уменьшилась до троих. Третий сдох по пути – сами его добили, чтобы не мучился. Оставшаяся парочка благополучно прибыла в крохотную деревушку, где и отметили свое чудесное спасение веселым пиршеством, а затем и сладким трахом – первым для них. И последним.

– Мимо – рявкнул я в рацию.

Вместо Джоранн ответил Баск и на этот раз в его голосе звучал азарт:

– Ожидаемо. Командир! Только что увидел что-то стоящее. Точно стоящее! И ведь рядом совсем!

– Где?

– По южной дороге от Зм… Зма… а дерьмо! Короче – по южной дороге, прямо к деревушке, прет багги с прикрытым прицепом. Мы случайно их засекли – система навела на трахающихся у обочины призмов, хрен поймешь какого вида, а рядом с ними как перла эта машина.

– В чем наш интерес?

– Прицеп перегружен! Багги его достаточно легко везла по ровному участку, но там низинка, бетонка подтоплена. Под уклон еще норм, а вот посередке и по склону вверх… прицеп в общем там толстенный слой грязи аж до бетона продавил. Багги едва-

едва вытянула. И я четко видел, как в прицепе брезент дернулся – вроде как кто-то выскочить хотел помочь. Но из багги рявкнули злобно и в прицепе затихло.

– Южная дорога? Вниз?

– Точно! Сейчас они километрах в двадцати. Идут медленно, но темп ровный.

– Принято.

– Командир… только осторожней. Там реально звероватые прямо сидят в машине. Оружия не видел, но кто знает, что у них в ногах лежит?

– Ясно. Продолжай наблюдение.

– Принято.

Усаживаясь в багги, я оповестил:

– Новая цель. К югу от Зморалья. Поторопимся. Нам еще надо успеть устроить небольшую засаду…

* * *

Сделав шаг, я покинул густые заросли и оказался на дороге, метрах в пяти от приближающейся морды чужого багги. Глянул на сидящего рядом с водителем крепкого мужика в камуфляже, с открытым и честным добрым лицом. Увидевший прямо по курсу запакованного в броню вооруженного гоблина в шлеме с затемненным забралом мужик в багги широко и солнечно улыбнулся. В ответ я прыгнул в сторону, пересекая короткую дорогу и уходя на другую обочину, где нами были облюбованы несколько серых валунов.

Ударившие с багги и прицепа автоматные очереди подтвердили мою нехитрую догадку, срезав сорняки и застучав по валунам. Успев скрыться в укрытии, я со злым шипением – куда там змеям – пополз прямо по ногами залегших гоблинов, перебираясь на более удобную для стрельбы позицию.

Увидев вооруженного чувака прямо по курсу, кто-то улыбается? Бойся!

Ни один нормальный торговец, путешественник или даже герой не станет улыбаться вооруженному чуваку на дороге, неожиданно выскочившему из укрытия. Ведь ясно, что такому встречному доверять не стоит. Но хрен рядом с водителем растянул губы в улыбке и стало ясно – сейчас меня попробуют убить.

Пальба не затихала, продолжительность очередей не регулировалась, такое впечатление, что у них неограниченный боезапас. Судя по моим прикидкам на слух, по нам палят из

десятка автоматических стволов как минимум.

– Прицеп! – рыкнул я на ухо одному из бойцов, что находился ближе всего к сидящему за валуном массивному и уродливому экзу с зашитым стальными листами горбом-корзиной – Подавить огнем!

Мой приказ был передан за пару секунд и Сэбл тут же подняла Гиппо. Манипуляторы легли на валун, экз даже не дернулся под десятками ударившими в него пуль. Я одобрительно оскалился – оператор экза не отшатнулся, не стал пугливо скрываться за валуном, удержав эмоции в узде. Навелся и… шарахнул по прицепку из двух пулеметов. Сидящие в легкобронированной спинной корзине гоблины экзо-звена не дергались, понимая, что высовываться не стоит. Но без дела не сидели – один торчал у миномета, посверкивая забралом, другой держался за один из наших бронебоев.

На мгновение высунувшись, я выпустил короткую очередь. Убедившись, что противник сосредоточен на подавлении экза, кивнул тому же сидящему рядом гоблину и тот подбросил в воздух замотанный в красную тряпку камень. Сигнал был замечен и по остановившемуся – дебилы! – вражескому транспорту ударили с другой стороны. Взревел мотор, чужая багги дернулась, поперла вперед, таща за собой прицеп с изорванными пулями тентом.

Ни разговоров, ни попыток как-то разрулить ситуацию иначе. Багги с прицепом прорывалось сквозь вражеский огонь, злобно огрызаясь и… чем-то сука раскачивая этот гребаный прицеп, что стало ясно, когда я высунулся еще разок, глядя уже в задницу чужого отряда. Непоняток добавил и дикий крик, зазвеневший в одну из пауз в стрельбе:

– Шланг перебило! Вырвется! Вырвется щас!

– Дерьмо! – проревел кто-то из скрывающихся за оказавшими бронированными дверьми багги, мелькнул на мгновение стальной шлем – Влево! Валим! Влево! Валим!

– Ну уж хер – буркнул я, устраиваясь чуть поудобней и нажимая на курок.

Одиночный выстрел влетел в горло рванувшегося сквозь рваный тент придурка в стальной кирасе, вбивая его обратно в темноту. Бойцы последовали моему примеру и левую сторону прицепа накрыл пулевой шторм. Ответного огня не было. На моих охеревших от изумления глазах противник перепугано убегал, подставляя спины и затылки под пули. Мы прикончили большинство, после чего я заорал, приказывая стрелять по ногам. А то весь цирк сдохнет и не останется ни одного клоуна для допроса. На той стороне дороги мелькнула фигура Тигра,

рванувшего за сумевшими вырваться из салона багги.

А прицеп продолжал раскачиваться из стороны в сторону. И эта качка становилась все сильнее. Колеса отрывались от грязи, снова ударялись в землю, бортовое раскачивание грозило вот-вот опрокинуть тяжелый прицеп. Взмахом руки я дал сигнал к отходу и показал пример, таща за собой трясущегося в агонии соратника, поймавшего пару пуль из громко щелкающего оружия. Какой-то сука аналог бронебоя, только не такой громоздкий – я увидел куда упала эта штука из дохлых рук заваливающегося стрелка. Надо будет подобрать и посмотреть на хреновину, что выбила из моего отряда как минимум троих.

Мы сместились на десять метров влево от дороги и спрятались за следующим «зубцом» каменной гребенки, спускающейся по начинающемуся здесь долгому склону, сбегающему к виднеющейся между деревьями зеленой долины с деревней. Этакая великанская лесенка, а мы муравьи на ее ступенях. А над нами происходит какая-то хрень…

Металлический стон, хрип, под его аккомпанемент мимо протаскивают нескольких истекающих кровью, потом и дерьмом пленных. Их вопящие рты перепугано перекошены. И боятся они не нас – во всяком случае сейчас. Они боятся чего-то другого – того, что качает прицеп, если верить направленным в ту сторону их лицам.

Перезарядившись, я одобрительно кивнул тяжело пятящемуся экзу. Оператор снова радует – не торопится, отступает грамотно, прикрывает наименее защищенную спину и корзину со своим звеном. Рядом с опущенным к земле манипулятором бежит боец, тащащий монструозный сменный картридж для пулемета. Новинка млять. Найдена нами на берегу после взрыва черного вражеского экза. Калибр удивительно мелкий, скорострельность на уровне, поливает как из дуршлага, против любого не слишком защищенного и обученного мяса – идеально. Настоящий зомбомес.

Последнее сравнение пришло мне на ум спустя миг, когда из кустов с треском проломился здоровенный нагой молодец с кровоточащей дырой на месте яиц и члена, с вырванными губами и отъеденным носом. Жрали все выступающее? Зомбак, не глядя даже по сторонам, метнулся к перезарядчику и… отлетел от тяжкого удара дернувшегося манипулятора. Следом на его грудную клетку всей своей массой наступил экз-переросток, с хрустом давя ребра, с чавканьем выминая мясную кашу из всех дыр. Короткий выстрел пробил дыру в хрипящей башке, а затем мы все забыли про зомби – прицеп перевернулся.

С грохотом упав на бок, многоколесная хреновина забилась в

грязи как живая. Внутри нее что-то со звоном и стонами лопалось, отрывалось, мимо с гулом пролетел и врезался в дубовый ствол обрывок стальной цепи. Откуда-то с ветвей рухнула почти голая зомбячка, угодив точно в корзину экза. Внутри ограниченного пространства минометчик дал яростный отпор, в то время как вверх торопливо лез второй из звена. Все это смутно связывало два этих события – зомби и прицеп – но я уже решил, что это просто совпадение. Зомбаков мы привлекли вонью крови и говна. А вот прицеп… там что-то сука крупное и живое…

– Вот дерьмо – выдохнул Рэк, роняя дробовик и вскидывая автомат – Вот сука гребаное дерьмо!

Его понять можно – в еще более отдалившемся от нас прицепе, в здоровенной дыре в брезенте, мелькнуло что-то сизо-буро-черно-красное, сегментированное, простучали по металлу и земле черные лапы.

– Бегите, глупцы! – выдохнул лежащий у моих ног растрепанный седенький дедок с перебитыми пулями ногами.

– Ага – кивнул я дедушке, после чего ему всадили иглу в бедро, вводя лошадиную дозу успокоительного.

Удар…

Вся верхняя часть прицепа улетела в воздух. Над искореженной колесной конструкцией, роняя что-то вроде гигантского намордника с шлангами и стальной трубой, поднялся… поднялось…

– Вот дерьмо – повторил я слова орка, завороженно взирая на самое настоящее чудовище, что пронзительно заверещало на все окрестности, накрывая нас волной вибрирующего звука.

Насекомое. Гигантское насекомое. Что-то вроде мокрицы с добавленными ногами. Огромное раздутое тело покрыто толстенными исклеванными старыми и новыми попаданиями пуль щитками, часть ног перебита или отсутствует, на панцире какие-то цифры и буквы вроде бы. А голова… крохотные иззубренные жала обрамляют глубокую мокрую пасть, над которой я отчетливо различил гротескное человеческое лицо. Женское лицо.

Мы глядели на гигантского призма, что некогда был женщиной.

Забросив автомат за спину, я шагнул к экзу, подняв руки, буднично освободил из стальных креплений свой личный бронебой. Мои действия были поняты правильно и по мокрице ударила почти вся наша огневая мощь. Охреневшие гоблины выкладывались так, как никогда на учениях, с невероятной скоростью опустошая обоймы, тут же перезаряжаясь и продолжая

крошить лапы и дробить броневые щитки шквалом пуль. Все дело в страхе. Иррациональном первобытном страхе мелких обезьян против страшных монстров древности – я знаю это, потому что на пару мгновений ощутил то же самое. Резкий безмолвный крик внутри себя – убей или беги, убей или беги! Промежуточных вариантов не предлагалось.

Выстрел.

В головной части огромного насекомого образовалась плеснувшая жижей дыра. Следом появилась еще одна – выстрелили с загривка экза.

Бьющаяся тварь сумела освободить задницу от остатков оков, извернувшись, с визгом рванула к нам и… как споткнулась, налетев рылом на очереди двух пулеметов с подскочившей багги. Экз добавил очередей, целясь в пасть. Я же одну за другой вложил несколько пуль прямо в искаженное лицо, что было скорее картиной на лобовом щитке брони живого многоногого танка. Трясущаяся тварь рухнула, перекатилась, рванулась вперед и накрыла собой пару усыпленных пленников, превращая их в месиво. Пробитое пулями лицо оказалось совсем рядом. Заглянув в нарисованные глаза, я выстрелил последний раз и, перезарядившись, столь же буднично вернул бронебой в крепления на корпусе гиппо. Мои действия послужили сигналом и стрельба затихла. Внезапный конфликт завершен.

Ворочающаяся на камнях умирающая тварь булькает, чавкает, хрипит, рвет уцелевшими лапами землю.

– Она была прикована – глянул я на Рэка – И только поэтому…

– И только поэтому эта баба не сумела добраться до нас и выбить из нас все дерьмо… – хрипло ответил орк – Я так и понял, командир. Видел, как она скинула последние цепи с хвоста.

– Мы пустые! – крикнул с багги посеревший от увиденного Рокс.

– Понял – кивнул я и повернулся к гоблинам – Все содержимое прицепа и багги – вытащить. Всех пленных – на наше багги. Экз – на платформу. Пополнить боезапас из трофеев. Уходим отсюда живо! Курс на ближайший системный глаз. Тигр!

– Да?

– Готовься к выпадению с багги на том повороте, что мы миновали по пути сюда.

– Там где темный старый ельник?

– Да. Заберешь с собой своих и трех пленных, что я покажу.

– Понял. Куда спешим?

– Стервятники – с кривой усмешкой пояснил я, оглядывая виднеющееся между кронами безмятежное небо – Сучьи

стервятники, что всегда пытаются урвать кусок чужого пирога. Живее! Живее, гоблины!

– Три зомби справа!

– Валите! И грузитесь! Живо!

Подгоняемые моими яростными криками бойцы мигом растащили трупы, нашли среди них еще живых, погрузили пленных и наших мертвых и раненых на платформу, уместив всех у жопы экза. Туда же взгромоздили опутанный шлангами здоровенный баллон, рядом плюхнули мокрый от слизи намордник. Бросили какие-то сумки, торбы, мешки, накидали сверху срезанную одежду – некогда карманы проверять – прикрыли спальниками и одеялами, утянули всю кучу веревками. Бережно поместили в багги пустую консервную банку с кусками мяса мокрицы – а вдруг система попросит бутерброд на экспертизу?

На все ушло удивительно немало времени, но мы наконец-то двинулись, с каждой секундой набирая скорость и уходя прочь от места боя. Мы двигались к деревне – к насаженному на стальную колонну грибу системы. Звено Тигра с тремя пленными, кое-какими трофеями и запасом жратвы исчезли с платформы незаметно. Выскочив из ельника, мы рванули к сверкающему стальному грибу. Пролетев мимо полей и огородов, мы круто затормозили.

– Командир – лапа орка указала в сторону Земель Завета – Летят…

К нам направлялось три небольшие, но быстро укрупняющиеся точки. Летучая кавалерия спешит на помощь.

Как они отреагировали так быстро?

Как увидели?

Увидеть не могли. Зато я видел среди трофеев пару разбитых в крошку устройств, что очень напоминали навороченные рации или даже девайсы способные обмениваться текстовыми сообщениями. И я очень сомневаюсь, что приконченные нами ушлепки торопились сообщить что-то системе. У них был другой адресат.

Кто?

Неизвестно.

Но к нам кто-то летит…

Глянув на полоснувшую по раненым и мертвым лазерными лучами полусферу, я широко улыбнулся и помахал лапой, поторапливая машину.

Герой Эрыкван!

Внимание! Немедленный полный вербальный

доклад в свободной форме!

Это я уже с легкой привычностью и радостью.

Причем даже врать не пришлось.

Мой доклад свелся к коротким быстрым предложениям, выплевываемым тем скорее, чем ближе становились незваные наглые гости.

Путешествовали. Отрабатывали походное передвижение. На узкой дорожке встретились с багги. Чем-то вызвали недовольство встречных. Началась пальба. Сумев укрыться, мы приняли бой. Вышли победителями. Под конец боя из прицепа вылезло гигантское насекомое, пришлось подавлять его из всех стволов. Потратили драгоценнейший боезапас – а ведь это было не напрямую выполняемое задание. Награда гоблинам не светит? Имею все основания считать, что этот небольшой вражеский отряд напрямую связан с выданным мне главным заданием «Дикая эволюция». Пленных хочу допросить самостоятельно. Претендую на все трофеи.

Система выслушала. Коротко проревела сиреной. Мигнула лазерными лучами, заставляя прибывшие дроны опуститься не в деревне, а поодаль – видать, чтобы не травмировать нежную психику аборигенов, что о летучих машинах только слышали. Хотя деревня находится достаточно далеко от сонного океанического кольца и от земель прибрежных добросов. Здесь, где-то между Землями Завета и берегом океана, движухи должно быть чуть больше.

Думала машина недолго. И высветила более чем ожидаемый вердикт.

Пленных немедленно сдать на руки прибывшим героям четвертого ранга.

Все необычное, включая любые приборы, буде таковые имеются, сдать на руки прибывшим героям четвертого ранга.

А в целом – молодец гоблин Оди!

Вот тебе недельное бесплатное медицинское обслуживания для всего личного состава сквада.

Вот тебе бесплатные и всячески рекомендуемые усиливающие медицинские курсы для всех бойцов.

Вот тебе бесплатное бонусное снабжение боеприпасами и оружейными частями по четвертому рангу.

Вот тебе бесплатное бонусное снабжение энергетиками, изотониками, витаминами, протеинами.

На здоровье, гоблин! Кушай!

Ах да – вот тебе от щедрот еще две тысячи крон и полностью бесплатное банкоматное обслуживание – в любую сторону.

– Не слишком ли щедро? – пробормотал я, поворачиваясь к прямо-таки бегущим к деревне героям – Дохляков на землю! Отступить и не мешать их забрать.

В деревню вбежал считай небольшой сквад. Пятнадцать перевозбужденных брутальных рыл в доспехах. У опустившейся техники осталось два внушительных экза переростка, задравших стволы в небо.

Похватав раненых и сгребя кулек с электронным мелким-мелким крошевом, рыцари рванули назад. Задержался только один – крепкий невысокий мужик с нехорошим оценивающим взглядом. Кривовато усмехнувшись, он попытался с дружеской улыбкой спросить:

– Не припрятал чего интересного?

– Не.

– Давай начистоту. Веры твоей харе нет.

– Поймал, подловил – улыбнулся я в ответ – В твой жопе заначку сделал. А весь мой сквад ее туда дружно прикладами трамбовал. Ты забыл, что ли?

– Язык длинный.

– Ты так стонал…

– Обыскать бы вас с пристрастием.

– Пусть твой замков тебе жопу с пристрастием обыщет.

– Длинный язык – повторил герой – Так что насчет припрятанного?

– Оружие, багги и прицеп – мои – уже без улыбки произнес я – По праву того, кто стрелял и получал пули в ответ. Это мое мясо.

– Я не про эту мелочь.

– А что еще? – я с интересом подался вперед – Должно было быть что-то еще? Что вообще знаешь про эту хрень? И с какого перепугу вы тут так быстро появились?

– А вы?

– Мы вон за теми прибыли – кивнул я на поле, где лежало два мертвых нагих тела с переломами, частыми следами ожогов и глубоких порезов – Разбойники.

– Задание?

– Как вы здесь так быстро очутились?

– Удачи, боец. Наслышан о тебе. Если не сдохнешь – скоро выпьем в Кронтауне.

– Может и выпьем – дернул я плечом – Так ты не ответил, гоблин. Как вы здесь очутились? С какого хера обычная стычка так заинтересовал чуть ли не небожителей?

Ответа я не получил. Круто повернувшись, рыцарь рванул к дронам, причем бежал картинно – с легкостью управляясь с весом

обычного штурмового снаряжения без каких-либо сервоприводных усилений. Силушку показывает. Вот только меня не впечатлило – пусть я рангом ниже, но с тем же весом пробегу не медленнее. А может и быстрее. Но рыцарь так старается, будто считает, что подобная скорость доступна только для героев четвертого ранга и выше. А судя по благоговейно выпученным глазам и широко разинутым в изумлении пастям деревенщины – так и есть. Они считают его пробежку чем-то невероятным.

– Да это круче чем сиськи Бульмы! – прохрипел с забора парень с соломенными волосами.

Задумчиво поглядев вслед улетающим дронам, я глянул на систему еще задумчивей и неспешно потопал к багги, что припарковалась у медблоков, куда запихивали наших раненых. Приостановившись, я поинтересовался у ценителя сисек:

– Кладбище есть? Или в медблоки сдаете?

– Хороним сами! – гордо ответил селянин – Мать позволяет!

– Где оно?

– Кладбище? А вон у той рощицы.

Кивнув, я зашагал дальше, на ходу крикнув бойцам:

– Мертвых оставляем на платформе! Рокс! К кладбищу их вези. Оно у той светлой рощи. Похороним.

– Дело благое – кивнул старый механик и как бы между делом спросил – А мы никуда не торопимся?

– Нихера мы не торопимся – мотнул я головой – У кладбища разбиваем временный лагерь. Там, где сумрачно.

– Понял. Да… странные тут дела…

– Странные – согласился я, впиваясь зубами в протеиновый батончик и глядя, как улыбающегося гоблина с переломанными ногами запихивают в медблок. Обезболивающее сделало свое дело, и боец ничего не чувствовал, перешучиваясь с друзьями и подмигивая охающим от сострадания пухлым селянкам.

– Думаешь наблюдает кто? – не отводя глаз от особенно фигуристой женщины, поинтересовался подошедший орк.

– А хрен его знает – ответил я, неспешно обозревая окружающие деревню густые непроглядные красоты – Подлечимся, отдохнем, осмотримся.

– Понял, лид. А дальше еще такие твари встретятся?

– Наверняка.

– Мне бы бронебой.

– Получишь.

– Спасибо, лид. И нам бы гранат с собой побольше в следующий раз.

– Да – кивнул я – О да…

– Система взрывы не любит.

– Как-нибудь перетерпит – отрезал я и невольно передернул плечами, вспомнив уродливую гигантскую многоножку.

– Лид…

– А?

– Если это третья там или пятая эволюция такая…

– Дикая эволюция – поправил я – Дикая.

– Ну да. Но я про другое – помнишь тот склизкий взрывающийся банан? В Зловонке.

– Ну.

– А у него какая вторая эволюция? Если первая – фугасный банан. То вторая – атомный кокос?

– Я не знаю какая у него эволюция, но эта форма призмов – не системный выбор – ответил я – Ей таких опасных уродов плодить ни к чему. Потому и платит она ну очень щедро, похоже, тем героям, кто готов отправляться на поиски подобных тварей и уничтожать их. Молодец, Рэк.

– В чем?

– Сообразил, что эти два факта связаны – взрывающиеся бананы в жопе мира там и огромные мокрицы с намордниками здесь. Растешь не только в мышце, но и в мозгах. Одобряю.

– Ха-а-а-а… к-хм… стараюсь, стараюсь… так насчет бронебоя?

– Получишь на базе.

– Могу с экза забрать. Не твой, а тот, что за ним закреплен.

– Нет.

– Потерплю… Это! А какого хрена мы им пленных отдали?

– У них задание Дикой Эволюции – ответил я – Вернее не у них, а у тех, кому служат эти резвые парнишки. А служат они все явно или неявно одному из Высших. Как они узнали так быстро? Тут понятно… получили сообщение и тут же рванули. От кого сообщение? Если там не было системных глаз – а их не было – то вывод прост – сообщение отправили те, кого мы там покрошили. После чего разбили передатчики вдребезги. Размололи прикладами, чтобы наверняка… дерьмо!

– Запутано…

– Не – качнул я головой – Тут нет ничего запутанного, поверь мне орк. Тут все просто. Все на виду. Просто игра ведется там – я ткнул пальцем в небо – И простые гоблины вроде нас либо нихрена не видят, либо один-два паззла и не больше. Но мы разберемся… мы выясним…

– Ага – радостно осклабился орк – Я помогу выяснять! Топорик уже подточил…

– Не – оскалился я в ответ – Я сам. Я сам…

С пленными и звеном Тигра мы встретились только через два

часа. Два столь невыносимо долго тянущихся часа, что я не выдержал и закинул в пасть одну таблетку, с наслаждением хрустя и чувствуя, как растекается по деснам и языку горечь убивающей меня наркоты. Убивающей, но еще и возвращающей воспоминания. А система подлечит. Если бы не регулярные посещения медблока я бы давно превратился в хихикающего безумного тощего торчка обнимающего колени и смотрящего на мир сквозь спутанные космы волос и бредовые видения умирающего мозга.

За время ожидания бойцы вырыли глубокие могилы, поместили погибших в принесенные из деревни спешно сколоченные гробы – настоящие деревянные гробы. Время позволяло и похороны прошли по всем правилам, включая короткий прощальный салют. Я не участвовал, но и не мешал. Я одобрял. Гибель боевых товарищей – это должно быть больно. Это должно быть обидно. Это должно вызывать глухую долгую ярость и желание отомстить, взяв за жизнь одного нашего десять чужих.

Тигр появился рядом незаметно. Просто вдруг оказалось, что он сидит на невысокой каменной ограде и радостно скалится мне, одновременно кивая на платформу багги.

– Выдвигаемся – буркнул я, поднимаясь.

Через пару минут мы неспешно двинулись по одной из дорог, что вела к далекой отсюда базе. Я не торопился. У меня – и у всех моих бойцов – уже долгое время пустует интерфейс заданий. И база пока молчит, понимая, что мне надо разобраться с уже выловленными из моря говна крупицами информации. Хотя саму информацию – как и море говна – я еще не выдавил из пленных.

– Двое живы. Один сдох – сказал один из бойцов, отходя от связанных пленников.

– Сука! – выдохнул мне в лицо седой старик – Сука! Мне срать на тебя! Смерть держит меня за сердце!

Вставив ему обратно в слюнявую пасть влажный кляп. Не обращая внимания на злобное мычание, я лениво поинтересовался у присевшего рядом Тигра:

– Отчего умер пленник?

– Не знаю – признался разведчик – Клык даю – не наша вина. И не от ран умер. И не в дороге. Он лежал себе смирненько под кустиком… и вдруг выгнулся, дико замычал сквозь кляп мной лично обоссанный… и сдох. И знаешь, лид… он был перепуган.

– Когда подыхал?

– И до этого. Все мычал, мотал башкой, что-то хотел мне сказать. Морды умоляющие строил, зенки выкатывал. Но я решил, что он душу излить хочет и допрос пока начинать не стал. А он хари еще чуток покорчил… и сдох в мучениях. Может сердце?

– Нет – качнул я головой, смотря не на разведчика, а на старика у моих ног. На его седую искаженную морду.

Странно…

Старик и плакал. И улыбался. И пытался казаться несокрушимым и насмешливым. Его прямо разрывали противоречивые эмоции. Но настоящей была только одна – страх. Он буквально вонял страхом. От этой же древней эмоции, от первобытного ужаса, изнемогал лежащий рядом второй пленник.

– Тут что-то не так – решил я – Где тело помершего? Притащили?

– Н-нет… – удивленно дернулся Тигр – Там под кустом и бросили дохляка. Только башку на всякий случай отхерачили.

– Плохо – поморщился я и снова потянулся к кляпу старика.

Тут все и началось. Старика как подбросило. После чего выгнуло такой невероятной дугой от пронзившей его яростной боли, что пару секунд платформы касались только его затылок и пятки.

– Охренеть… – выдохнул Рэк.

– В прошлый раз было так же! – дернулся Тигр.

Я рывком выдернул кляп и…

– А-А-А-А-А-А-А-А-А! – корчащийся, бьющийся, колотящийся башкой о металл платформы старик выглядел так, будто сквозь него пропускали мощнейший разряд электричества, одновременно выпиливая бензопилой узоры на его коленных чашечках.

– Что с тобой, хреносос? – рявкнул я – Ну?!

– А-А-А-А-А-А-А-А!

Крик резко оборвался, старое тело расслабилось и… распласталось уже мертвым. Голова упала набок, ничего уже невидящие глаза слепо уставились на подбитый тусклым исцарапанным металлом носок моего ботинка.

– Дерьмо – мы это произнесли хором, после чего столь же дружно повернулись к последнему пленнику, что яростно стучал пятками о металл.

Выдернув ему кляп, торопливо рыкнул:

– Говори! Что за хрень с вами происходит?! Ну!

– Сука! Сука! Сука! Сука! Не хочу! Не хочу так погибать! Сука! – зачастил заливающийся слезами пленника – Не так! Так не хочу! Не та смерть! Не та! Но самоубийство грех! Но это… я не хочу! Я НЕ ХОЧУ ТАК ПОДОХНУТЬ! Эй! Хреносос! Отруби мне голову! – пленник прохрипел это, обращаясь к Рэку – Я твою жопу имел! Я тебя имел! Ты взахлеб сосал, упырок с топором! А когда я тебя трахал ты звал бабулю и розовых пони! Давай! Руби! Руби мне голову, сука!

Перекривив харю, Рэк вцепился ручищами в скобы торчащие из корпуса сидящего на платформе экза, замотал башкой:

– Держаться, главное сука держаться. Я ему потом член с корнем выверну!

Бледно усмехнувшись, я залепил пленнику пощечину и, когда он заткнулся, сказал ему:

– Нет. Так просто ты не сдохнешь, гнида. Ты будешь жить до тех пор, пока не расскажешь мне все, что я знаю.

– Я? – рассмеялся мне в лицо совсем молодой еще мужик – Я буду жить?! Идиот! Идиот! Я уже мертв! Я уже чую ее! Чую! Смерть пришла за мной… вцепилась шипастой рукой в сердце! И уже сжала его мертвой хваткой!

– Ни хрена себе – буркнул Тигр.

– На нем ведь нет аптечки? – уточнил я на всякий случай, хотя с пленника было содрано не только снаряжение, но и почти вся одежда.

– Если только внутри. О как… думаешь они дохнут от внутренней инъекции отравы?

– Вряд ли – покачал я головой, оглядывая труп старика – Слишком болезненная смерть. Они ведь не враги. И если их убивать убойной дозой отравы, то проще уж усыпить, а к снотворному и отравы добавить пару ложек сладкой наркоты. И другим приятней видеть, что грядущая смерть не так страшна и даже приятна.

– А старика выгнуло! С хрустом!

– Именно. Проверь ему пасть. Осмотри все тело. Рэк, помоги Тигру. Срежьте всю одежду.

Отдав приказы, я снова повернулся к пленнику, который только этого и ждал.

– Я мертвец! А раз так – мне нет смысла рассказывать тебе хоть что-то! Я лучше сука умру героем, чем тем, кто все равно подыхая, разболтал какие-то секреты – рассмеялся начавший обильно потеть мужик – Понимаешь в чем твоя сука проблема? Я трусливый упырок. Я боюсь боли. Боюсь смерти. А ты выглядишь очень крутым. И ты бы мог заставить меня рассказать все, что я знаю. Да. Верно. Но только в том случае, если у тебя есть время. А у тебя его нет! Понял? Нет! А еще – я патриот!

– Кто ты? – поразился я, наклоняясь к нему – Кто ты?

– Патриот! – с вызовом ответил пленник – Да! Может я патриот хреновый! Начни меня пытать – и я расколюсь. Но я люблю родину! И поэтому, так и так подыхая, я помру с радостью, зная, что своей смертью ломаю тебе все планы! Хотя до сих пор не могу понять, как вы оказались на той дороге, и кто вы такие… спросил бы – но нахрен? Я умираю!

– От чего? От чего ты умираешь?

– Смерть пришла за мной – захохотал пленник – И ты ничего не сможешь с этим сделать!

– Ну почему же – я растянул губы в широкой холодной улыбке и поднял нож – Раз смерть пока задерживается… и раз ты трусливый невнятный патриот боящийся боли и смерти…

– А? Что? А-А-А-А-А-А-А-А! Сука! Сука! Сука! Мой глаз! Ты вырезал мне ГЛАЗ! – пронзительно завопил пленник – Ублюдок! Мразь! Я все равно подыхаю! Отвали от меня! Мне вытерпеть то пару минут! Ты нихрена не добьешься!

– Уйма времени – пожал я плечами, на этот раз делая ножом глубокий длинный разрез на его боку.

– А-А-А-А-А! Дерьмо! Дерьмо! Да и хер с тобой! Выдержу! Режь! Режь меня, сука!

– Спасибо – кивнул я, утирая с щеку брызнувшую кровь – Отхерачу-ка я тебе член. Все равно ведь уже не нужен, да?

– А? Стой! Стой!

– Давай! – наклонившись вплотную к его мокрому окровавленному лицу, прошипел я – Колись! Ты ведь подыхаешь! Давай так – ты мне пару интересностей, а я тебе помогу сдохнуть быстрее.

– Схватила уже за сердце – глаз мужика резко расширился, губы задрожали – О дерьмо… смерть схватила за сердце… тень нависла надо мной. Я чувствую…

– Ну!

– Мама… мамочка… как будет больно… не хочу… не хочу больно…

– Говори! Скажи хоть что-то! И я помогу тебе уйти тихо! – говоря это, я торопливо прижимал к его бедру одну из аптечек. Та щелкнула, зашипела, приглушенно пискнула, что-то вкалывая, но я сомневался, что умное устройство вкалывает противоядие – Говори!

– Не хочу больно… не хочу умирать… не хочу! Не хочу! Ах… – мужик дернулся, затрясся, перепугано уставился себе на грудь, смаргивая льющийся со лба пот – Не хочу так! Не хочу больно!

– Говори! Ну! Вот нож – я тебе сердце проткну разом!

– Да! Проткни! Да! Прямо щас! Давай!

– Говори!

– Угх… угх… как же больно! Больно! Каждые два часа надо колоть… каждые два часа надо колоть… угх!

– Говори, сука! Говори! Расскажи что-то! Чтобы я и других достал – тебе же не так обидно будет на суку жизнь! Ну! Говори!

– Бе… бел…

– Что?!

– Беличье… Беличья… Беличья Желудевка! Желудевка! Там! Этой ночью! Удар! Убей меня! Убей!

– Кто вы такие?!

– Мы… мы никто… мы… А-А-А-А-А-А! А-А-А-А! Сука! Сука! Мы брошенные! Убей! Убей! Ты обещал! Сука! Каждые два часа – слишком мало!

С хрустом передернувшись, разинув безмолвно пасть, мужик оторвал таз от пола и начал подниматься.

– Дерьмо! – буркнул я, вбивая нож ему в сердце.

И еще раз. Завибрировала аптечка, но ее тут же содрали. Я кивнул Рэку и голова пленника слетела с плеч. Вставая, я проворчал:

– Вскройте их. Грудные клетки. Сердце.

– А что там?

– Вот и посмотрим – пожал я плечами – Они оба говорили про сердце. Что-то про шипастую руку. Все это не может быть просто красивостями речи. Проруби оконце в его грудине.

– Ща…

Поднеся к губам передатчик, я произнес:

– Баск?

– Слушаю, лид! Как наши дела?

– Норма. Короткая стычка. Небольшие потери. Небольшая наводка. Беличья Желудевка. Повтори.

– Беличья Желудевка.

– Правильно. Проложи нам туда маршрут и немедленно. Сделай все возможное и невозможное, чтобы получить визуальный контроль над происходящим там. И сразу докладывай.

– Понял! Выполняю! Ваше местоположение?

– Все там же. Медленно движемся по направлению к базе от Взморалья. Ждем наводки. Оцени наше местоположение и точку Желудевки. Если получится без временных потерь – проложи маршрут так, чтобы мы прошли мимо базы и пополнили боезапас и численность. Но чтобы без временных потерь.

– А если Желудевка так далеко, что…

– Этого быть не может – перебил я – Думаю, мы до базы даже не доберемся – эти охотники за мясом двигались крохотными отрядами. Радиус действия небольшой. Рядовая мелкая операция по добыче ресурсов. Возможно подготовка к чему-то большему. Но опять же – в одном и том же районе. Ищи Желудевку поблизости от Взморалья. Может даже впритык.

– Принято!

– Тигр.

– Да, лид?

– Пошли пару бегунов назад в деревню. Пусть порасспросят о Желудевке – если она неподалеку, местные могут знать.

– Делаю.

– Рокс! Притормози и на обочину! Ждем!

– Есть, командир! Как раз посмотрю, что там грюкает…

К главной теме мы вернулись минуты через три, когда двойка бегунов умчалась обратно по дороге к светящейся внизу огнями деревне.

– Аптечка в груди – уверенно кивнул Тигр, глядя на перенесенные на траву трупы – Все же аптечка, только переделанная под личную гильотину.

– И как она срабатывает? – осведомился я.

– Сами дают приказ какой-нибудь? Хотя как они его дадут? У них была какая-то электроника, но они ее расколошматили еще до того, как мы с ними на той дороге покончили. Заранее списали себя? Но ведь они не знали, что попадут в плен… Может пусковая кнопка где-нибудь в руке или жопе зашита?

– Они не отдавали приказа на самоликвидацию – не согласился я, глядя на присевшего над одним из трупов громилу орка – Они… они даже не бойцы, Тигр. Они даже не мясо. Они просто технари и что-то вроде скотников – для обихода той твари в прицепе. Все их геройство, все их ругательства – просто из-за страха и обреченности. Знали, что подохнут и хоть раз в жизни решили побыть героями. Но все равно боялись до жути – потому что смерть у них прямо сука страшная. Даже по нашим меркам страшная. А для них…

– Для обычных крестьян это что-то запредельное – согласился разведчик и задумчиво провел себя языком по руке от локтя до ладони – Тогда хрен его знает… тут рядом ведь никого из их союзников. Плюс мы движемся. Кто еще мог подать сигнал устройству в груди?

– Он что-то кричал про уколы каждые два часа – вспомнил я.

– Да. Тоже слышал. Но что за уколы? Нахрена?

– Мать твоя гнойная сука! – заорал внезапно Рэк, прямо из положения сидя отпрыгивая назад и врезаясь спиной в подставленное мной колено – ДЕРЬМО-О-О-О!

– Дерьмо – согласился я.

– Мама… – пискнул кто-то из звена Сэбл, что разлеглось на родном экзе, выполняя мой прямой приказ.

Если ты в экзе или на нем – там же отдыхай, ешь, пей, сри, живи! Стальная громада должна стать домом для этого звена.

– Интересно – медленно произнес я, глядя, как из развороченной стариковской груди медленно выползает жирная

гусеница.

Вернее пытается это сделать. Трудно ползти тому, кто не создан для передвижения.

Тонкое длинное белесое тело утыкано не слишком длинными черными шипами, что цепляются за мясо и мешают ползти. Отчетливо виден широкий и залитый кровью рот потревоженного в своем мясном гнезде насекомого.

– Рэк. Руби второго.

– А… ага… вот дерьмо! Не то чтобы обоссался, но…

Гусеница, дернувшись еще чуток вперед и не преуспев, наклонила переднюю часть тела и присосалась к еще не загустевшей крови. Ясно чем ты питаешься, паразит.

Смерть схватившаяся шипастой рукой за сердце…

– Из шипов что-то сочится – заметил глазастый Тигр – Зеленое и густое. Яд? Сердце тоже вижу под жопой гусеницы. Кровью залито, но вроде как дыр в нем целая куча. Получается, гусеница сдавливает сердце, протыкает его шипами и заодно впрыскивает отраву? Нихрена себе…

– Оно растет – заметил я безразлично.

– Все мы растем – кивнул разведчик и дернулся – Ох ты! Точно!

Гусеница росла как при ускоренной промотке видео, за прошедшую минуту увеличившись вдвое.

– Рэк… отойди от второго мертвяка.

– Ага – с готовностью подчинился орк.

Выудив из сумки один из последних батончиков, я принялся жевать, наблюдая за стремительным ростом уродливого шипастого насекомого, поглощающего мертвую плоть им же убитого хозяина-носителя.

Жизнь прекрасна и удивительна…

Смирно лежащий связанный труп второго пленника дернулся и снова затих. Его грудь дернулась – будто спятившее дохлое сердце сделало резкий толчок. Еще один рывок, какой-то хруст, чавканье.

– Скоро птенчик вылупится – тихо-тихо произнесла Сэбл, торопливо забираясь обратно на платформу.

Остальные бойцы – сгрудившиеся на обочине, завороженно наблюдали за происходящим. Их можно понять. Зрелище завораживает. Невероятно быстрое поглощение, стремительное переваривание и использование энергии на столь же невероятно быстрый рост. Первая гусеница уже достигла размера почти в метр длиной, шипы расти перестали и теперь казались вполне разумной частью мерзкого тела. Второй пленник дергался, похрустывал и… плоть беззвучно раздалась, плеснула кровь, в

открывшейся дыре мелькнуло белесое тело, высунулась пара черных шипов. Один из гоблинов не выдержал и торопливо шагнул в сторону, где перегнулся в поясе, выблевывая содержимое желудка. Я продолжал жевать, терпеливо ожидая новостей от Баска, посланных в деревню бегунов и финала этой странной истории с гусеницами.

– Вот дерьмо! – ахнул резко повернувшийся ко мне Тигр – Лид!

– Да?

– А тот третий пленник что сдох… мы ведь его в лесу бросили. Только башку срубили.

– Живи теперь с этим – усмехнулся я и глянул на далекую деревню – Может у них скоро появится веская и страшная причина призвать на помощь героев.

– Может я мотанусь?

– Главная цель в приоритете – покачал я головой.

– Понял.

– Оди – рыкнул Рэк – Глянь-ка…

Первая гусеница приподняла задницу, поставив ее вертикально. Напряглась. Дернулась. И в небо устремился поток жидкости, что мгновенно затвердела и упала вниз уже паутинными нитями, накрывая труп и гусеницу, цепляясь за шипы. Эти «выстрелы» стали повторяться каждую третью-четвертую секунду. Медленно все жиреющая гусеница скрывала себя и свое пиршество под паутинным твердеющим зонтиком. Кокон. Насекомое уходило в кокон, что пока защитит от хищников, а позднее послужит нормальным убежищем для спокойной трансформации.

Трансформация.

Эволюция.

Дикая Эволюция не контролируемая системой.

Но тут не призмы – хотя что-то очень близкое.

С хрустом из груди пленника выползла жирная белая змея и выстрелила в небо паутиной.

Да…

Жизнь все же прекрасна и удивительна…

Глава десятая

Убить – всегда проще.

Меньше сложностей, меньше временных затрат и зачастую меньше грязи. Шлеп ушлепка – и ушел. Мечта, а не жизнь.

Но никто не собирался подслащивать мне гоблинскую жизнь. И вот оно новое самому себе выданное задание – взять нескольких из крадущихся по узким дорожкам ублюдкам живьем.

И мало того, что их надо взять живьем – требуется еще так подгадать момент, чтобы охотники за мясом получили свои «двухчасовые» уколы, чтобы это не значило.

Теория насчет уколов была – самая простая и наверняка бьющая точно в цель. Эти уколы требуются, чтобы засевшая у сердца шипастая тварь продолжала сидеть тихо. Неясно, что именно вкалывают – это может быть избирательное снотворное действующее только на насекомое-паразита, а Джоранн предположила, что гусеница получает с кровью уколотого носителя некие вещества заставляющие ее «думать», что еще рано для пробуждения и последующего создания кокона.

Для чего такая система – понятно. Чтобы при поимке и обязательных при этом пытках охотники за мясом не разболтали лишнего. А раз у них так строго и жестко – наверняка и разбалтывать рядовым бойцам особо нечего. Они тупо не знают ничего лишнего.

И раз так – задача усложняется еще в разы. Нам надо заполучить в свои жадные гоблинские лапы кого-то посерьезней, чем рядовой боец или скотник. Нам сгодятся такие личности как командир малого отряда, замком, медик, водитель – эти всегда знают больше остальных. Этакое плотное ядро, что варится обычно само в себе, напитываясь потихоньку вкусными тайнами и не подпуская к себе рядовых ушлепков.

Селение Беличья Желудевка отыскалось быстро. Как я и ожидал, оно находилось всего в паре десятков километров от Взморалья. Предположив, что отряды противника вышли из одной точки и лишь потом разделились, разойдясь по узким лесным тропам, я выбрал дорогу. К ней мы и рванули в максимально быстром темпе, хотя я понимал – опаздываем мы. Хер успеем. Прошлый отряд был уже совсем рядом с деревней. Сколько бы они торчали в засаде? Ну максимум пару часов. И каждый лишний час лишь повышает шанс раскрытия лежки местными аборигенами или залетными героями. Поэтому медлить нельзя. И раз так – значит, деревня Желудевка уже атакована.

Вот только я ошибся.

Когда мы вылетели к деревне, она мирно спала. Редкие огни, разлитое в воздухе сонное спокойствие. Селяне дрыхли. Ни намека на угрозу. Под рык мотора пролетев деревню насквозь, мы снова нырнули в старую дубраву, где то и дело встречались свисающие с деревьев беличьи кормушки и странные бесформенные мешки. Один из таких мешков прямо по пути содрали, разрезали, глянули внутрь. А там волосы. Человеческие волосы. Но никаких ошметков скальпа или следов крови. Остриженные разноцветные волосы, как мужские, так и женские. Удивление быстро сменилось скукой, когда один из бойцов, что уже прошел пару стычек, уверенно заявил, что мешки служат для отпугивая зверья. В первую очередь так отпугивают чертовых оленей. Загадочные эти селяне…

Сбавив обороты, послав вперед разведку, мы потихоньку поползли по выбранной мной дороге. Она тут самая перспективная. Не слишком широкая, не слишком узкая, как раз едва-едва проползет багги с тяжелым прицепом, при этом скрыта густыми зарослями шиповника, терновника и прочей растительностью.

Мы прошли пару километров – ничего.

Еще километр… и на нас выскочил перевозбужденный Тигр, чей доклад заставил меня зло оскалиться и яростно махнуть рукой – вперед!

Разведчики наткнулись на заметенные следы колес. Заметали наспех, поэтому и не удалось скрыть качественно недавнее присутствие здесь тяжелой колесной техники. Глазастые гоблины нашли и место, где багги умудрилась развернуться, для чего ей пришлось сдать назад, пропихивая прицеп сквозь заросли, втискивая между дубовых стволов, сдирая кору.

Охотники за мясом подошли к Желудевке почти вплотную. Остался один рывок… но они спешно развернули и рванули прочь.

Причина?

Она проста – твари получили предупреждение.

И остается только гадать от кого поступил тревожный звонок – от тех, кого мы недавно пустили на мясо или же от кого-то рангом повыше…

Дерьмо. Снова намечается ненавидимая мной ситуация – вопросов в разы больше, чем ответов. И чтобы избежать этой дерьмовой ситуации, мы вытянулись в рывке на грани возможности сил и техники, чтобы дотянуться, чтобы схватить за скользкий хвост убегающий от нас ублюдков.

И ухватили.

Вцепились.

И поймали их на самом неудачном месте – для них. Спустившись в широкий овраг, они, натужно воя двигателем, карабкались вверх по противоположному склону. Повылазившие из теплых затхлых щелей гоблины старательно подталкивали закрытую тентом платформу, скользя ботинками по камням, сдирая траву.

Дальше все было просто. Шумно выдохнув, я просто указал Тигру и Рэку тех, кто мне показался наиболее «жирным» из видимых с нашей позиции гоблинов, плюс они уже знали мою заинтересованность в том, чтобы взять живьем командира, водителя, медика и прочих «могущих знать больше». Остальных – на фарш. Так же загодя получивший команду экз даже не стал слазить с платформы. Приподнявшись, он повел манипуляторами и… тент платформы задрожал от сотен терзающих его пуль. Экз расстреливал остатки боезапаса – пополниться мы не сумели. И поэтому дело надо было решить быстро. Главная проблема – та гребаная огромная тварь.

Пропустив вперед пошедшее в атаку мясо, я двинулся следом, держась так, чтобы, оставаясь на склоне, мог поверх «своих» голов стрелять по чужим. Я молчал. Просто делал шаг за шагом и стрелял, бдительно оценивая ситуацию, прислушиваясь к командам десятников, глядя на платформу.

Первыми побежали те, кто сидел в багги. Он просто высвободили зацеп. Ничем не удерживаемая тяжеленая платформа ухнула вниз по склону, а освобожденная багги рванула вверх как ракета. Прицепе, разворачиваясь, накреняясь, сбил с ног, подмял, раздавил и втер в грязь не меньше пяти не ожидавших такой подляны визгливых гоблинов. Еще один попал из моих – его тупо схватил за ногу погибающий, дернул на себе с истошным воем… и платформа с холодной насмешливостью ударила ему в грудь, сшибая с ног.

Раздирая тент, вверх рванулось что-то длинное, многочленное, многоногое, с огромными жвалами… и бессильно рухнуло, подминая платформу и круша мелкие деревья, разбрызгивая вокруг себя ядовито-желтую слизь.

Пристрелив пару подранков, я убрал револьвер и спокойно зашагал вверх, держась травянистого края, где ноги не скользили. Центр тропы превратился в разодранное грязевое месиво с пятнами крови и медленно тонущими кусками мяса. Достигшая дна оврага платформа с гулким ударом опрокинулась и затихла, показывая небу брюхо и медленно крутящиеся грязные колеса. Я продолжил шагать, переступая через тела. Мимо меня, в том же направлении, тащили пару обезоруженных гоблинов. Рядовые.

Сразу понятно по множеству неявных признаков. Я на них особого внимания не обратил – я шагал дальше, надеясь на нечто вкусное там, где молодыми дубками скрылась вражеская багги, не подозревающая, что ей наперерез помчались разведчики.

Не подведите меня, тигры… не подведите…

* * *

Откинувшись на рюкзак, вытянув ноги к небольшому костерку – настоящему, а не газовому, разведенному вопреки всем законам посреди темной старой рощи, в нескольких километрах от дороги – я отхлебнул черный сладкий кофе и перевел ожидающий взгляд на дерево неподалеку.

Под деревом сидела обреченная на скорую смерть старуха.

Ну… если дать ей время привести себя в порядок, то ее впору будет назвать достопочтенной леди. Сейчас же, грязная, с растрепанными седыми волосами, баюкающая на коленях стальную кружку с кофе, она выглядела донельзя усталой старухой.

Я молчал. Я тоже устал. И я пока не умирал – так что если кому и надо торопиться, то не мне. А старуха, что назвалась Исфирью, уже дала понять, что она является командиром этого отряда, что она морально истерзанная, душевно уставшая и хочет умереть спокойно. Взамен она просит немного – нормального обращения, горячего питья, а после нормальную могилу прямо здесь – в черной земле пронизанной дубовыми корнями. Я согласился. И вот я ждал… у двух других костров чуть поодаль отдыхали остальные. Там же томились по отдельности пленники. Главное я уже выяснил – те самые «двухчасовые» уколы они получили минут за десять до нашего появления в их тылу и начала побоища.

– В августе, около Малых Вежей, С старым Мазаем я бил дупелей – глядя в трескучее пламя, произнесла Исфирь.

– Кто такой Мазай? – поинтересовался я.

– Литературный персонаж. Осужденный и запрещенный.

– Не понял – признался я.

– Что ты помнишь о прошлом мире, командир Оди? О старом мире, откуда мы все сюда явились.

– У меня в голове мешанина обрывков.

– Как и у меня. Наркотики?

– Да.

– Вот-вот… одно воспоминание в моей старой голове особо яркое. В нем, я, молодая, серьезная, строго одетая, стою перед

сидящими передо мной заслуженными учителями литературы собранными со множества школ и свезенных сюда для прослушивания моей лекции. Лекции о тех произведениях и авторах, что с этого момента запрещены для чтения в школах как некорректные. А под словом «некорректные» в те далекие времена понималось очень многое – расизм, сексизм и так далее. И произведение «Дедушка Мазай и зайцы» было одним из тех, что попало под запрет. В этом поэтическом добром произведении рассказывается о том, как старый охотник Мазай во время гибельного половодья собирает чудом спасшихся зайцев – с плавающих стволов, с островков. Он собирает зайцев в свою лодку, после чего подводит ее к берегу и выпускает спасенных зверей на свободу. Часть зайцев, что особо сильно замерзла, он отогревает у себя дома и выпускает позднее. Такой вот бескорыстный поступок доброго человека.

– Ага… и почему произведение было запрещено?

– Потому что Мазай спасал зайцев – грустно улыбнулась Исфирь.

– И?

– Он спасал только зайцев, понимаешь? Исключительно зайцев. А ведь не может же быть, что во время половодья в тяжелом положении не оказались и другие звери тоже. Лисы, к примеру. Нелетающие птицы. Может и волки. Но Мазай проявил расизм, спася только и только зайцев. Остальных зверей он бросил на произвол судьбы и спокойно вернулся домой в тепло.

– А может других зверей и не было?

– Об этом в произведении не упомянуто. И потому можно смело предполагать, что другие звери были. Но их Мазай спасать не захотел. И потому это произведение нельзя давать для чтения детям.

– К чему эта история?

– Вы – зайцы. А мы – нет – снова улыбнулась Исфирь и по ее искаженному внутренней болью лицу я понял, что эта история про старика и зайцев была озвучена не просто так. Есть какие-то прямые ассоциации. Поэтому я просто кивнул, поощряя ее продолжать:

– Мы – не зайцы – повторила старуха – Мы… никому не нужные твари. Забытое направление. Закрытая отдушина. Заброшенный мир чудесных аттракционов. Затерянный в забвении мир приключений.

Я молчал, внимательно слушая каждое слово. Как и Рэк, что сидел с третьей стороны костра, лениво ковыряя ложкой банку тушенки «Бункерснаб».

– Что ты знаешь героях, герой?

Пожав плечами, я ответил:

– Обычные гоблины. Вооружены, обучены, способны справиться с различными проблемными ситуациями. Получают от системы особые задания связанные с повышенной опасностью, кровопролитием, убийствами. По сути, герои – это какой-то адский гибрид, состоящий из трех смешанных воедино служб – полиция, армия и спасатели.

– В точку – кивнула Исфирь – Прямо сука в точку! И ты первый кто так четко определил саму сущность героев, убрав весь ненужный пафос. Верно! Сейчас герои помогают при наводнениях, спасая жителей, они же отстреливают бандитов, они же ставят блокпосты там, где приказывает система или вовсе окружают ту или иную территорию непроницаемым кордоном. Армия. Полиция. Спасатели. Все вместе. Универсалы. Дерьмо! Вонючее дерьмо! Герои убивают этот сраный мир! Ты убиваешь этот сраный мир! Ведь ты герой?

– Герой.

– Дерьмо! И вот тебе мое обоснование – ты и тебе подобные нихрена не знаете о прошлом этого мира! А я знаю! Пусть не все, но знаю – потому что нас заперли вместе с этими знаниями и мы передавали их от поколения к поколению! И эти знания беспощадны! Вот тебе факт первый – герои были и раньше. Они были в том мире с самого его сотворения, с первого же дня. Вот только знаешь кем они были?

– Расскажи.

– Да особо и никем! Развлечением! Развлечением для инфантильных взрослых – тех, у кого уже седина в бороде, а они только и мечтают стать рыцарями повергающими монстрами и спасающими прелестных сисястых девственниц. И наоборот – девами в бронелифчиках, спящих и видящих как они прорубятся сквозь джунгли и найдут привязанного к кресту обнаженного мужика с гостеприимно стоящим дыбом здоровенным хером! Вот чем были герои в самом начале – веселой игрой!

– Веселой игрой – кивнул я – Понял. Дальше.

– Странно… ты не задаешь вопросов. Не мешаешь мне рассказывать. А вдруг я тяну время? Часики тикают… и скоро я умру в агонии.

– Продолжай – улыбнулся я и протянул Рэку пустую кружку. Тот понятливо потянулся к котелку над костром.

– Ты… откуда ты? Из какой деревни?

– Я и он – я кивнул на Рэка – Мы из самой жопы мира. Подземный мир.

– Нижние технические ярусы – кивнула Исфирь – Я слышала о них. Темное замкнутое пространство. Добровольно Низшие.

– Верно.

– И ты попал сюда… как?

– На тунцах траханных приплыли.

– Смешно… пробились с боем и кровью?

– Вылезли как шипастый кусок дерьма из окровавленной жопы – кивнул я – К чему этот вопрос?

– К тому насколько широко видел ты мир. Где бывал. Что видал.

– Нахватались понемногу.

– Там в темных тоннелях не встречал случайно пятачков безопасности? С торговыми автоматами, где можно купить дубину, шизу, ананасовую жвачку и свежие трусы?

– Встречаются регулярно.

– А хоть раз видел заваренные дыры в стенах, где раньше явно было что-то вроде кафе, таверны, магазинчика…

– Несколько раз – кивнул я.

– Слышал о бестиарии?

– Бесполезная хрень.

– Это сейчас она бесполезная – потому что стерли и попытались создать заново. А здесь, наверху. Видел Тропу? Видел снова и снова пятачки безопасности?

– Да. Они везде. Они накрывают этот мир частой сетью.

– Верно! А игровые вызовы? Получал?

– Давно. Там в жопе мира их выдавали как награду. Если победишь – получаешь чуток денег или еще какой бонус. Тоже невнятная бесполезная хрень. Что-то недоделанное.

– Что-то убитое! А потом неправильно воскрешенное!

– Ясно.

– Статусы героев? Думаю, тут ты в курсе.

– Да. Пять рангов. Пятый – высший.

– И это тоже берет свое начало оттуда же – с момента создания этого мира! Все что я перечислила – связано воедино. Игровые вызовы, частые таверны и трактиры, пятачки безопасности, торговые автоматы, ранги героев, бестиарий. Это все – части одной большой игры, что была бесконечной, шла в реальном времени и реально увлекала разумы всего населения мира. Экраны видел повсюду натыканы?

– Ага. Они мертвы чаще всего.

– А раньше вокруг них всегда были толпы зевак – ведь на экраны постоянно транслировалось что-то запредельно интересное и обязательно с участием героев. О! Совсем забыла – получал усиливающие курсы уколов?

– Да.

– Бонусные невероятные бодрящие энергетические инъекции?

Ускоренное заживление ран? Замена конечностей?

– Да и снова да.

– И это часть игры. Смешно, но я мечтала об этом всю жизнь.

– Стать героем?

– Нет! В жопу! Я мечтала увидеть одного из героев и выплеснуть ему в лицо всю накопленную злость подкрепленную фактами. Я мечтала доказать, что именно герои виноваты в том, что этому мир приходит конец! Герои уничтожили этот мир!

– Вы сука охренели – покачал я головой – Все стрелки переводите друг на друга, а ответственности никто не берет на себя. Кто грешит на вялых добросов, кто кивает на Высших, они указывают на вас – ублюдочных погонщиков диких призмов и охотников за человечиной. Вы же – вот весело-то! – показываете на героев! Замкнутый сука круг! Ну почти – осталось еще траханных тунцов обвинить в скорой гибели мира и тогда круг точно замкнется!

– Мы?! Охотники за мясом?! Погонщики диких призмов?! Да в пошел ты в жопу, наглый и нихрена не знающий сученыш! Молод ты еще, чтобы выводы делать! И не знаешь нихрена! Те кто знал – давно сдохли. Кто не сдох – тому стерли память! А если не дотерли что – повторили процесс! Ответственность? Какая на нас ответственность? Мы – закрытое направление! Мы – заключенные брошенные подыхать! Бесправные заключенные, что просто пытаются не сдохнуть! Да, не спорю, многие из нас мечтают отомстить. Другие жаждут навести порядок и вернуть старые времена – я одна из них. Была одной из них всю свою жизнь, пока окончательно не устала… Как бы то ни было – нас винить не в чем! Мы – брошенные монстры! Вот мы кто! Понял?!

– Понял.

– Как можно винить брошенного подыхать в клетке тигра, что он вытянул лапу и ухватил жирную свинку-туриста, что подошел слишком близко? Все хотят жить! Все хотят жрать!

– Ага. Я услышал тебя, Исфирь.

– Нихрена ты не услышал! Тебе на нас похер!

– Мне на всех похер кроме своих – дернул я плечом – Я злобный гоблин обиженный на весь этот гребаный мир. Продолжай рассказ. Ты ведь скоро сдохнешь.

– Сдохну – вздохнула Исфирь и покосилась на Рэк – Организуй и мне банку жирной тушенка, звереныш.

– А-ага… – удивленно дернул башкой орк – Щас…

Пока он копался в рюкзаке, Исфирь продолжила:

– Я еще расскажу тебе о нас и наших горестях, герой Оди. А ты послушай о том, как заварилось этот дерьмо и почему именно герои во всем виноваты. И, само собой, сраные Высшие.

– Без них никуда – буркнул я – Где власть – там грязь. Я слушаю.

– Изначально герои были простой и качественной развлекухой. Они получали задания от системы и от жителей. Обычные социальные задания чаще всего. Вскопка огородов, уборка урожая, чистка канав. Рабочие руки всегда нужны. Затем к заданиям прибавились те, что касались нейтрализации, поимки и уничтожения крайне редких в то время зомби и больных зверей. Тогда же появились первые лесные патрули или как их называли «рейды» – группы героев отправлялись в непросматриваемые системой места, где выискивали тех же зомбаков и больное зверье. По возвращению их ждала награда.

– Пока все звучит ладно.

– Ну да… само собой, случались и поединки между известными героями. Делались ставки, все освещалось онлайн, мирные жители жадно взирали на звенящие мечи, на принимающие удары кирасы, на выстрелы из дробовиков по матерящимся рыцарям… Смешанное оружие, смешанные эпохи, качественная медицинская помощь – что может быть увлекательней? Проливай кровь смело! Хлеба и зрелищ быдлу!

– И опять же – пока все звучит ладно.

– Герои с самого начала были порождены по инициативе одного из первых Высших, чье имя давно забыто. Он продавил создание этот глобальной игры. Он же курировал в дальнейшем, споря с системой, используя свое влияние, чтобы пробить новые льготы, поощрения и свободы для героев. Те, в ответ, отвечали преданностью, прославляя Высших.

– Все как сейчас.

– В те времена существовало немало служб. Были лесничие, что чем-то походили на медведей. Они же отвечали за все зоопарки. Были водные службы, что следили за подводными обзорными службами, отвечали за экскурсии по воде, контролировали водных обитателей. Были дорожные службы – нынешние бродосы. Они как и тогда отвечали за порядок на транспортных артериях. Была полиция в каждом городе – нынешние верги. Но в те времена верги отвечали за всю область вокруг поселения, их было куда больше, они контактировали друг с другом, имели системы связи, постоянно обменивались данными. В общем – все как положено в цивилизованно мире. Отдельно существовала обширная служба спасения, что базировалась в нескольких городах, откуда могла быстро достичь любой точки мира. Одним из этих городов был Кронтаун. И героев раньше там не привечали – их считали шутами, ряжеными клоунами, которым не место почти в закрытом служебном

поселении.

– Я бы сделал так же – кивнул я – В жопу героев. Дайте солдат.

– Да – кивнула в ответ Исфирь – Солдаты всегда лучше. Как и полицейские. Послушные, без геройского гонора, без больных амбиций. Они просто выполняют свою работу, несут службу, получают зарплаты, регулярно ходят в отпуск. А герои… ну ты понял. В жопу героев.

– Да.

– Начались неизбежные столкновения между всеми службами и сраными героями. Постоянные столкновения. Ни одна из служб не любит, когда кто-то залазит в ее сферу. Представь, что ты пожарный, забирающийся в окно полыхающего здания, где остался ребенок, а тут мимо тебя лезет туда же какой-то хрен в геройском красном плаще, буквально отталкивая тебя, заставляя терять время.

– Он бы умер – пожал я плечами.

– Да конечно! Кто бы тебе в те времена разрешил бы вот так прострелить башку кому-то и остаться безнаказанным! Нет! Начинались перепалки. В пылающее здание никто не попадал. Ребенок погибал. Схожие ситуации повторялись и повторялись. Тогда участили игровые вызовы, тогда же, чтобы занять чем-то скучающих героев, им сделали дополнительные длинные рейды в «данжи» – в подземные опасные и мрачные миры. Смекаешь куда отправляли героев?

– А что тут думать? – медленно произнес я, вспоминая те подземные стальные коридоры с пятачками безопасности – Герои отправлялись на нижние ярусы?

– Да. Большими группами. Отправлялись на целые недели. Это чуток разгрузило ситуацию, но не исправило ее полностью. Героев становилось все больше, а мир ведь не настолько велик и проблем в нем на всех не хватит. А подвиги хочется свершать каждый день. Быть на экранах и получать восхищение толпы хочется каждый день… И вот тогда-то, в один из дней, и родился наш мир. Мир Приключений. Мир Монстров. Ты ведь понимаешь, что нужно героям, чтобы их действительно считали таковыми – истинными бесстрашными героями?

– Противник. Враг. Желательно страшный и ужасный, чтоб аж дух захватывало при его виде. Монстры. Герои должны сражаться с…

– С монстрами! Да! Ты умный… и злой…

– Высшие сами создали монстров?

– Да! Сначала были созданы какие-то твари для подземных «рейдов» – и эти твари быстро показали себя, превратив

шутливый поход в настоящую боевую вылазку с настоящими ранениями и смертями! Я не знаю что это за твари, но над их созданием работали в специальной лаборатории. Эта же лаборатория позднее начала создавать монстров уже для нас – ныне закрытого направления.

– Я правильно понял? Вы – некая территория?

– Мы – некая территория – кивнула Исфирь – Когда геройское направление показало свою успешность в скрашивании досуга для всего мирного населения, когда это стало всемирным увлечением, был сделан следующий шаг. Открылись двери ведущие в Мир Монстров. Ты непохож на фанатов компьютерных игр, что были популярны в прошлом и сейчас встречаются в игровых вызовах.

Я молча покачал головой, и старуха продолжила:

– В далекие времена существовала линейка таких игр как «Охотник на монстров». Сюжет прост – герой или группа героев получает очередное задание по уничтожению особо опасного монстра. Они находят его логово, бесстрашно атакуют и выходят победителями их схватки. Ну или погибают. И тогда на смену павшим приходят новые герои. Только там была игра. А здесь… в принципе тоже игра. Но с реальными и очень частыми ранениями и смертями. Первые из попавших внутрь героев погибли почти все – недооценили опасность. Созданные в специальных лабораториях монстры их буквально растерзали. Но позднее потери героев уменьшились – ведь человек всегда умней. Они действовали слаженно, умело распредили роли, назначали даже санитаров, называемых хилерами, которые обладали продвинутыми навыками полевой медицины, умели призывать за бонусы мобильные медблоки или же просто эвакуировали раненых. Эти прилетающие на дронах медблоки – ты думал они порождение больниц? Нет! Это остатки геройского прошлого… наследие!

– Дерьмо какое-то…

– Люди любят играть! Или смотреть как играют другие. Любят рисковать сами. Или смотреть на чужой риск. Так было – и так будет.

– Ты сказала герои перестали погибать…

– Да. Люди умнее. О следующем шаге догадываешься?

– Призмы. Зверолюды.

– О да. Чудовищный монстр с разумом человека. Быстрый, беспощадный, страшный, вызывающий ажиотаж у зрителей одним своим появлением, умеющий позировать, умеющий красиво убивать – вроде поднятия орущего героя клешнями в воздух и медленного разрывания, когда геройские кровь, кишки и

внутренние органы падают прямо в разинутую клыкастую пасть… Вот это блокбастер мать твою! И ведь все в реале! Миру так понравилось, что рейтинги придумавших это дело Высших взлетели до небес.

– Охотники на монстров. Гладиаторские бои.

– Да. Конечно, в призмы абы кого не забреешь. Просто так человека в монстра без причины не превратишь. А вот заключенных – можно! Тех, кто совершил нечто столь ужасное, что смертный приговор ему гарантирован. И те же Высшие продавили поправку в законе, что отныне совершивший тяжкое и особо тяжкое преступление заключенный может выбрать свое наказание. Большинство выбирало стирание памяти и превращение в низших. Другие, кому грозила смерть, соглашались на инъекцию и превращались в личинку измененного. Добровольно измененного, конечно. Призмов как таковых в то время еще не было. Учитывая постоянную преступность желающих обратиться в монстров, стало так много, что их погружали в холодный сон и отправляли в хранилища Мира Приключений. Я – одна из них!

– Старая, злая и морщинистая – проворчал Рэк – Тогда любая старая баба – монстр.

– Меня не изменили, придурок! – рыкнула старуха и отбросила опустевшую банку тушенку – Сладкого чего-нибудь найдется?

– Найдем – кивнул я – Продолжай.

– Помимо кошмарных насекомых с человеческим разумом, зрители захотели чего-то более каноничного и милого. Так родились зверолюды. В начальных зонах Мира Монстров появились мирные зоны с трактирами и торговыми лавками, там по улицам расхаживали попастые и сисястые кошкодевочки, заработали бордели, где ты мог удовлетворить все свои пушистые сексуальные фантазии. А потом, удовлетворенным, ты шел дальше – на охоту за монстрами! Лаборатории продолжали придумывать все новые виды живности – разумной и нет. Лишь бы покошмарней или хотя бы что-нибудь необычное. Создаваемое бросалось в бой. Герои радостно их уничтожали. Известность героев стремительно росла. Герои превратились в звезд. В звезд мировой величины. Их почитали. Превозносили. И само собой героям это нравилось. А вот различным службам – нет. Потому что герои продолжали мешаться у них под ногами. Подавались жалобы, рапорты, требования. Система обращалась к Высшим. А Высшие… для которых герои давно стали любимыми послушными игрушками и даже объектами коллекционирования и траха, вовсю защищали своих подопечных. Они начали

продавливать новые права для героев – и успешно. Влияние героев росло – влияние служб падало. Герои требовали для себя все больше заданий – им нужны были деньги для снаряжения, усиления, вооружения. С голыми руками в Мир Монстров не заявишься – сожрут нахер! А бесплатно никто тебя не вооружит. Ну и опыт нужен – который лучше получать в битве со спятившей тигрицей, чем с умным призмом. Вскоре службы одну за другой начали распускать. Первой исчезла служба Спасения – и в их города тут же устремились герои, где и обосновались.

– Кронтаун…

– Ближайший – кивнула старуха – Да. Следом ушли другие службы или же у них были резко урезаны права. К примеру, права бродосов, которым вообще запретили надолго останавливаться где либо, заставив их вечно крутиться по пыльным дорогам мира. Верги, городская полиция, ставшей стражей, резко потеряла в численности, зона их охвата сузилась, они начали охранять сами города и селения, остальное оставив героям.

– Дерьмо – повторил я – Лютое глупое дерьмо… оставлять такие важные зоны любителям жаждущим славы?

– Именно. Дерьмо! И само собой это дерьмо не могло длиться долго. Однажды – не знаю когда, но уж давно – когда ситуация окончательно вышла из-под контроля и весь мир превратился в нечто подобное игровому автомату, было наложено Табу. Наложено им. Мы – обитатели Мира Монстров – знаем этот день как Великое Стирание. Именно стирание – были уничтожены все записи, остановились почти все терминалы, вычищены бестиарии, урезаны игровые вызовы, а система о нас попросту забыла раз и навсегда, заодно покинув наш мир! Вот так! И все это сделано им! Одним его словом!

– Им?

– Первым Высшим. Создателем этого мира. Деталей не спрашивай – не знаю. Информации просто нет. Известно лишь, что он впервые за долгое время появился в созданном им мире, поглядел на всю эту нездоровую хрень и одним решением упразднил всю игровую досуговую индустрию к хренам собачьим. Мир монстров, рейды героев – все ушло в небытие. Врата Мира Монстров закрылись навсегда. Одна проблема – они закрыли внутри всех его обитателей, включая персонал, что набирался из заключенных. Там же остались и автоматизированные хранилища замороженных дебилов вроде меня. Как только подыхал один из жителей Мира Монстров – холодильник тут же выплевывал следующего бедолагу. Так родилась я. Так родились все мои современники и остальные. А ведь некоторые рождались уже уколотыми! С уже зреющим внутри тела трансформационным

зарядом, что вскоре превратит тебя либо в зверолюда, либо в ужасного призма.

– Понимаю.

– Ни хрена ты не понимаешь! Это жуть! А жрать что? Кое-что мы научились выращивать. Но как прокормить огромных призмов? Тот первый отряд вами уничтоженный…

– С мокрицей гигантской? Ну?

– Ее звали Мелиссой. И первые четыре года она была простой улыбчивой крестьянкой на картофельных и морковных полях! Усердно копала землю. Была хорошей женой. А потом спящий заряд в ее теле наконец очнулся, и она быстро превратилась в призма первой стадии! Уродливое безмолвное существо! За что?!

– Она была преступницей. Нет?

– Когда-то может пару веков назад?! Ты уверен?! Я – нет! Память стерта! Если и совершала преступление – то та старая преступная личность была стерта начисто. Уже наказание понесено! А теперь – спустя годы мирного труда – она обратилась в тварь! Прошел еще год – и она прошла вторую трансформацию. Она стала гораздо больше. Гораздо злее. Она почти забыла нас… дерьмо! Ты уже понял зачем мы явились сюда?

– Двумя отрядами?

– Да.

– Накормить их. Взять немного запаса мяса.

– Да. Подступающая пятая трансформация… принудительная трансформация. Она требует огромного количества калорий. И только мясо может их дать… а наши стада уже исчерпаны – остался только молодняк на развод. И вот мы пришли убивать…

– Ради одного призма?

– Ради многих!

– Забудем о невинных жизнях пока. Скажи мне нахрена кормить и трансформировать тупых мокриц если они превратились просто в монстров?

– Иногда следующая трансформация дает удивительный результат… возвращается разум. Возвращается речь.

– Слишком высока цена.

– Согласна – кивнула Исфирь – И я здесь не по своему желанию. Повторюсь – среди нас много разных. Я одна из тех, кто всегда выступал за смирение, ожидание, дипломатию. Но среди нас лидируют те, кто считает нас жертвами и жаждет отмщения. Их мечта – устранение всех Высших, разорение Земель Завета.

– Ого…

– Да – бледно усмехнулась Исфирь – Звучит страшно. А в реальности будет еще страшнее, если накопленные орды выйдут наружу.

– Орды? Чем вы их кормите?

– Ничем. Призмов прошедших финальную трансформацию можно погрузить в долгий сон. Почти смерть. Кома. Они почти не дышат, не шевелятся. Изредка пробуждаем их, чтобы скормить овцу или корову. И снова можно погружать в сон на целый год. Но так получается лишь с теми, кто прошел финальную трансформацию.

– Вы делаете им уколы?

– Верно.

– Вроде того, что делаете себе? Чтобы не проснулись твари живущие у сердца…

– Верно. Ты умен. Почти тот же состав. Но когда мы дома, используем другой состав. Одной инъекции хватает на месяц.

– Ради чего такая конспирация? Охренеть же… боитесь вторжения извне, если узнают координаты точки входа?

– Да. А еще это приказ великой Даурры, что правит нами уже пару столетий. Ее слеза вот-вот пробудится в моей груди.

– Погоди… эта гусеница?

– Да.

– Она дохнет.

– Да. Гусеница после пробуждения живет недолго. Она пытается расти, пожирает плоть, строит кокон… и умирает.

– Мы видели – кивнул я – Сдохли минут через двадцать после рождения.

– Стерильность никто не отменял. В лабораториях может и создавали слишком страшных монстров, но они не были настолько глупы, чтобы позволить им бесконтрольно размножаться. Даурра прокалывает нам грудь своим жалом и помещает внутрь «слезу». Пока личинка спит, едва-едва посасывая кровь носителя – она жива. И даже полезна.

– Чем?

– Улучшает состав крови, ускоряет регенерацию, дает возможность быстрее отдыхать – мне для сна достаточно четырех часов в день и чаще всего я сплю по два часа два раза в день. Во всем есть хорошая сторона.

– Шипастая гусеница в груди…

– Мы называем это принесением клятвы верности. Но ты не обязан помещать в грудь слезу.

– Вот как?

– Если ты не из тех, кто хочет выходить на охоту во внешний мир… то работай спокойно на полях Мира Монстров, ухаживай за скотиной, расти леса, заботься о спящей Орде. Личинка в груди нужна лишь по двум причинам.

– Чтобы ты не убежал, решив остаться жить снаружи. Чтобы

не успел никому ничего рассказать… хотя ты успела.

– Я рассказала кучу сказок, но ничего конкретного. Но расскажу. Знаешь почему?

– Нет.

– Потому что я уже слышала о тебе. Слухи о герое Оди дошли даже до Мира Монстров. И я не удивлена, что именно ты и твои люди настигли нас. Это судьба. Может это и не так. Но я верю! Просто верю!

– Мне плевать во что ты веришь.

– А во что веришь ты?

– В то, что этот мир трахнут. Жестоко изнасилован. В то, что этот мир надо очистить отточенной сталью и огнем.

– Что ж… радикально, жестко. Справедливо. Слушаешь дальше?

– Давай. Но сначала ответь мне – откуда ты столько знаешь? Ты ведь спала в холодном сне и у тебя была стерта память. Рассказали после пробуждения?

– И это в том числе. Но большую часть я прочитала в хронике Мира Монстров. А знаешь кто составил немалую часть этих хроник?

– Разумные монстры?

– Хрен там! Герои! А знаешь когда?

– Говори.

– Они начали это делать после дня Великого Стирания. После Табу. И по очень простой причине – а что еще делать героям, что оказались вечными пленниками Мира Монстров?

– Погоди. Хочешь сказать, что…

– Ровно в полдень в Мире Монстров зазвучал голос системы. Он был слышен повсюду. Голос сообщил, что героям необходимо немедленно покинуть пределы огромной территории Мира Монстров. Причина – технического характера. Срочность – большая. Как ты думаешь, сколько избалованных сильных героев отнеслись к предупреждению со всей серьезностью?

– Минимальное количество.

– Да все хер положили на систему! Ну закроются врата – не навсегда же! А пока можно здесь переждать. Ага… переждали. Врата Мира Монстров закрылись навсегда! И герои – много знающие, сильные, умные, охеревшие от такого произвола и осознания того, что это скорей всего навсегда – взвыли! То были страшные дни. Где-то через неделю или около того героям надоело ждать у моря погоды и, решив, что это конец всему, они попытались утолить свою ярость единственным известным им способом – убийствами. Вот только монстров убивать они не стали – побоялись. Уже убедились, что экраны и терминалы не

работают, мобильные медблоки не прибывают, система не отвечает. И вся их ярость выплеснулась на мирную часть Мира Монстров – те редкие игрушечные городки с борделями и трактирами. Они с наслаждением насиловали, резали глотки, поджигали дома. Это продолжалось до тех пор, пока обитатели мира не объединились и не дали жесткий отпор, откинув героев к пещерам Мрака, что расположены неподалеку от разоренного ими города Золотой Ауры. В пещерах их и заперли навеки.

– Охренеть названия! – проворчал Рэк.

– В еде плененным героям не отказывали – кормили изредка. В те времена склады жратвы еще были полными. Вода там своя сочится. Но вскоре героев почти не осталось – они обратили бешенство друг на друга и устроили резню уже внутри пещер. Те, кто выжил, разоружились, попросили у зверолюдов и призмов оказать им чуток медицинской помощи. Стали куда мягче и вежливей. Они-то и рассказали большую часть того, что я пересказала тебе. О всей этой великой Игре, что закончилась так бесславно. Это и составило немалую часть Хроник Мира Монстров. И вот почему я знаю так много о прошлом этого мира. Я ба рассказала о последующем его развитии, о приходе к властям монстров, о наших кастах… но у меня уже подходит время. Я чувствую. Слеза пробуждается. Мне осталось недолго. Отвечу сразу – система забыла о нас. Ей приказали забыть – и она забыла. Остатки огромной инфраструктуры попытались применить, а часть уничтожили. Исчезла большая часть пятачков безопасности, закрылись закусочные. Задания героям продолжаются выдаваться. Но централизованного контроля больше нет, службы охраны и сбережения мира или исчезли, или превратились в балаган вроде вергов с доисторическими дубинами. Это мы знаем из поступающих в наш мир новостей. А поступают они от разведчиков вроде меня. И от тех Высших, кто помнит о нас и мечтает вернуть старые времена. Но деталей я не знаю – мне никогда особо не доверяли – старуха горько усмехнулась – Чужая среди своих… Ну что… ты понял почему именно герои виноваты в агонии этого бедного мирка?

– Как попасть в Мир Монстров?

– И что ты сделаешь, когда попадешь? Тебя сожрут!

– Переживаешь за своих?

– В жопу вас всех! Мой век окончен. И мой век прошел впустую. Я вытирала говно гусениц большую часть жизни. Дерьмо! Я хочу одного – пусть этот кошмар закончится! Хватит жрать людей! Хватит плодить тварей! Дайте миру оправиться!

– Как попасть в Мир Монстров? Где вход?

– Нигде. И везде. К нам – на главный аттракцион для героев –

нельзя было попасть просто так. Это для избранных. И для тех, кто не сдохнет на первом же новорожденном монстре, портя рейтинги шоу. Даже я не знаю, где именно расположены наши земли – туда ведет сложная система мобильных платформ. Ты встаешь на платформу – и катишься себе. Перед тобой открываются и закрываются створки. Ты поднимаешься и опускаешься. И не поймешь – то ли Мир Монстров на небесах, то ли в самом подножье…

– И как попасть на эту платформу?

– Никак, если ты не резидент. Мир Монстров закрыт. Мы нашли лазейку почти случайно. Но нашли! Эта находка породила новую надежду среди рядовых жителей вроде меня и заодно породила завоевательские замыслы в правящей верхушке. Все как всегда. Эта лазейка – технический вход. Что-то вроде исполинского грузового лифта. Наши ученые – или волшебники, как их еще называют – сумели пробить путь наружу. Что-то связанное с терминалами. А вернуться назад – вообще не проблема. Если ты пройдешь по нашим следам назад, то упрешься в заброшенные руины. Что-то вроде магазинчика или павильона с изогнутой крышей и обычным бетонным полом покрытым разбитой плиткой. Это – наш выход и вход. Стоит нам встать на этот пол и подождать – он опустится, и мы окажемся на платформе несущей нас домой. Почему так просто? Вот почему – старуха постучала себя по виску – Чип. Мы резиденты Мира Монстров. Система нас не видит. В упор не замечает. И ничего не помнит. А вот периферийная компьютерная система прекрасно знает откуда мы и куда нас надо доставить. Смешно, да? Мы прибываем сюда со всеми удобствами, что сожрать вас и с тем же комфортом быть обратно. Одна проблема – очень редко это можно сделать большими отрядами. Чаще всего волшебникам удается отправить сюда лишь одну партию.

– Технарям – поморщился я – Технарям. Не волшебникам. Хватит сраного фэнтези.

– Как скажешь.

– На нас вход не сработает?

– Нет. Если даже притащите туда кого-то живого из резидентов – сканер увидит на платформе посторонних и не пропустит. Вот почему Мир Монстров недосягаем для вас – он пропускает нас к вам, но не пускает чужаков к себе. Сканеры расположены на многих узлах – там, где платформа меняет направление движения – так что не удастся прыгнуть на опускающуюся площадку. Везде тамбуры. Проверка за проверкой. Чужакам не пройти. И раньше это было непросто – Мир Монстров пускал к себе только избранных.

– Статус героя?

– Да. Одна из важнейших составляющих. В Мир Монстров можно было попасть только начиная с четвертого ранга. Начиная с пятого ранга ты мог претендовать на прохождения Хреброса, это скальная гряда посреди Мира. За ним самые страшные монстры. И за ним же, на самом краю Мира Монстров, где еще никто из героев не бывал, находилась высшая награда.

– И что же это? – удивленно приподнял я бровь – Сейчас высшая награда для героев это…

– Земли Завета – презрительно фыркнула старуха – Тьфу! Раньше туда пускали начиная с третьего ранга. Что такое Земли Завета? Ничто! Элитная территория, где обитают члены то ли парламента, то ли правящей общины… ерунда это все! Это сейчас доступ в Земли Завета стал высшей наградой. А раньше ею была Башня!

– Повтори.

– Башня. Если точнее – там дверь. За дверью же проход, что ведет к Башне Первого Высшего. Это и есть главная награда для любого героя – встретиться с создателем мира. Встретиться с живым богом. Задать ему вопросы. Есть легенда, что однажды это уже случилось. Что кто-то из легендарных героев, потеряв по пути всех соратников, истребив легион монстров, пробился, нашел сокрытую дверь, вошел внутрь и достиг Башни. Получил беседу с Первым Высшим. И мол то, что он сказал Великому Отшельнику, привело того в такую ярость, что вот тогда-то и случился день Великого Стирания. А сам герой с тех пор исчез…

– Занятная сказочка – буркнул я – Мир Монстров настолько велик?

– Очень! Не знаю, что планировалось там создать изначально, но мир действительно обширен. И красив. По-своему очень красив!

– Так как туда попасть? Ведь ранги уже не решают – Мир Монстров закрыт. Систему не попросишь. Она ведь точно не помнит?

– Можешь попробовать и спросить – Исфирь пожала плечами и отшвырнула пустую банку консервированных персиков – Но этого ничего не даст. Нас стерли из ее памяти. Периферия нас помнит – компьютерная транспортная система. А мозг – нет. Смешно…

– Как попасть к вам?

– К этому и веду. Знаешь, как технарям, опять же судя по слухам, удалось пробить проход наружу? Не знаешь, конечно. Так вот – говорят, что они что-то нашли в Пещерах Мрака. В месте, где были заключены и умерли все герои, что оказались заперты в

Мире Монстров.

– Что там можно было найти? Сломанные пыльные кости? Ссохшиеся дохлые жопы?

– Зверушку – улыбнулась старуха – Они нашли механическую зверушку. С электронной начинкой. Если точнее – они отыскали радужного коалу, чтобы это не значило. Эта игрушка – один из так называемых артефактов старых времен. Красивый механический проводник, что способен указать путь в загадочный Мир Монстров. Эти артефакты завоевывались в особо тяжелых заданиях, из-за них сходились в поединках целые геройские отряды. Каждый такой зверь обладает возможностью определенное количество раз открывать и закрывать двери ведущие в Мир Монстров. Туда и обратно.

– Так… так…

– Каждого из разведчиков и охотников, что выходят наружу, раз за разом предупреждают – ищите! Ищите сука других проводников! Их описывают так – оранжевый механический ленивец, странное шарообразное могущее катиться создание Колобок, говорящий плюшевый мишка, летающая сова, олень с золотыми рогами, морская черепаха с хрустальным панцирем, алая птица с серебряным клювом, выдра с алмазной короной на голове. Мы запомнили эти названия наизусть. Все эти создания – механизмы. Все они были созданы с одной целью, но не все были использованы по назначению. А сейчас уже никто и не знает о их истинном предназначении. Эй… герой… что у тебя с рожей? Чего так перекосило? – спрашивая это, Исфирь массировала себе грудь с левой стороны – Ох дерьмо. Шевельнулась слезка.

– Уколы надо возить в шприцах – зло сказал я.

– Даурра мудра – улыбнулась старуха – И предусмотрительна.

Ну да… даже слишком. «Двухчасовые» уколы разведчики получали от… призма. Именно он, с помощью шипа или жала, вкалывал особую смесь, что не давала проснуться гусенице. А сам призм получал такую возможность после тесного общения с Дауррой – что бы это не означало. В его теле появлялось что-то вроде клизмы с иглой, которой он и ставил уколы с точно выверенной дозой. После того как мы прикончили призма о уколах можно забыть… а ведь в первую очередь именно его и атакуют. Еще бы – монстр! Самая главная угроза. Мы поступили именно так. Прикончили тварь, заодно изрешетив биологический резервуар внутри его тела.

– Вы попали в зависимость от монстров – заметил я, вставая и начиная ходить вокруг костра.

– Уже неважно – улыбнулась старуха и на этот раз в ее улыбке не было горечи – Ну что, герой Оди? Я вижу по твоему

лицу, что ты уже многое понял…

– Да – кивнул я – И даже видел пару этих… проводников. Есть у них различия?

– Да. Некоторые могут открыть большие двери – ведущие к большим платформам. Это позволит провести большие отряды. Некоторые открывают маленькие двери. Для отряда в десять-пятнадцать бойцов и небольшого количества техники. Владея несколькими… сможешь вывести или ввести немало сил. Об этом и мечтает наша верхушка. Но пока у них только два проводника.

– Два?

– Два. Радужная коала была. А буквально на днях у нас появился плюшевый мишка. А на площади городка Приветливый – что у самого входа в Мир Монстров – появилась клетка с вечно сквернословящим мохнатым зверолюдом.

– Вот дерьмо!

– Что-то знаешь?

– А ты?

– Про них? Зверолюд и медвежонок?

– Да. К зверолюду почти никого не подпускают. Но вроде как за ним охотились в этом мире. Почти настигли люди какой-то злой леди с бабочками. И от испуга зверолюд воспользовался способностями мишки, уйдя в Мир Монстров.

– Почему он оказался в клетке?

– Не знаю. Но это не слишком большое наказание. Может украл что-то. Или оскорбил. Ох… дерьмо… шипастая рука на моем сердце… ищи проводника, герой Оди. Если найдешь – попадешь к нам. Если не найдешь…

– А разве Радужную Коалу не надо было выносить наружу? Она же проводник…

– Технари как-то решили эту проблему с помощью терминалов. Не знаю точно. Расскажи все, что я рассказала тебе, как можно большему количеству людей! Пусть знают – герои это зло! Великое зло! Они виноваты во всем!

– Черт…

– Убей меня, герой. Прошу. Так, чтобы убить и гусеницу. Не хочу, чтобы она жрала мое тело.

– Еще вопросы…

– Пошел ты в жопу со своими вопросами. Хватит с меня этих дерьмовых миров! Убивай!

– Дерьмо! – рыкнул я, вбивая нож в сердце старухи и резко проворачивая – Дерьмо! Рэк! Голову с плеч!

– Есть!

Когда от размашистого удара седая голова слетела с плеч, сжимая кулаки, я прорычал:

– По системной связи ни слова о услышанном!

– Поэтому ты передатчик в багги оставил?

– Да. И ни слова никому пока я не велю!

– Понял.

– Прикончить остальных пленников. И грузимся.

– Есть. Дальше что делаем?

– Двигаемся!

– И куда?

– Курс на базу. А оттуда сразу же на сучий Зомбилэнд!

– О да… пора порвать сурверские жопы! Давно пора! А нам туда еще можно по геройским правилам?

– Насрать на правила, орк. Насрать на инструкции. Вот она настоящая охота…

– Ага! Оди! Командир!

– Что?

– Как думаешь – неужели кто-то дошел до Башни? И увидел Первого Высшего?

– Да хер его знает. Оно тебе надо?

– Ну да…

– Шевели булками, Рэк! Время отправляться в гребаный Мир Монстров.

Конец девятой книги.